

Лиза Джейн Смит Предначертание

Царство Ночи – 6

Царство Ночи... еще никогда любовь не была такой пугающей...

Царства Ночи нет на географической карте, но оно существует, существует в нашем мире. Оно окружает нас со всех сторон. Это тайное общество вампиров, оборотней, колдунов, ведьм и прочих порождений тьмы, которые живут среди нас. Они красивы и опасны, их неудержимо тянет к людям, и никто из смертных не в силах устоять перед ними. Твой школьный учитель, твоя задушевная подруга или друг могут оказаться одним из них.

Законы Царства Ночи позволяют охоту на людей. Они позволяют играть их сердцами и даже убивать их. Для обитателей Царства Ночи есть только два строжайших запрета:

*Не позволяй людям узнать о существовании Царства Ночи.
Никогда не влюбляйся в смертного.*

Эта книга рассказывает о том, что происходит, когда эти законы нарушаются.

Глава 1

Волки-оборотни ворвались в жизнь Ханны Сноу, когда она сидела в кабинете психолога. А пришла она туда по совершенно понятной причине.

– По-моему, я схожу с ума, – тихо проговорила она, как только уселась в кресло.

– А почему вы так решили? – Голос психолога прозвучал ровно и успокаивающе.

Ханна сглотнула.

«Ладно, – сказала она себе. – Начнем по порядку. Манию преследования пока пропустим. Пропустим и то, что кто-то явно пытается убить меня... и эти сны, из-за которых я просыпаюсь с криком. Перейдем сразу к действительно странным вещам».

– Я пишу записки! – выпалила она.

– Записки. – Психотерапевт кивнул, постукивая карандашом по губам.

Молчание затянулось.

– Гм, и что, это вас беспокоит?

– Да! – Ханну вдруг прорвало:

– Все было так хорошо. То есть в моей жизни было все в порядке.

Я заканчиваю школу с хорошими отметками. В следующем году я даже буду получать стипендию от университета Юты. У меня много друзей... Но теперь все рушится... и все из-за меня. Из-за того, что я схожу с ума.

– Из-за того, что вы пишете записки? – озадаченно спросил психотерапевт. – Гм, может, анонимные письма? Или что-то вроде «узелков на память»?

– Вот такие записки, – не вставая с кресла, Ханна бросила на стол смятые клочки бумаги и отвернулась.

Психотерапевт одну за другой изучал содержание записок. Рыжеволосый и голубоглазый, он показался ей славным парнем.

«Даже слишком молодой для мозгоправа», – подумала Ханна.

«Зовите меня просто Пол», – сказал он... Он был доброжелателен и тактичен.

«И я ему понравилась», – подумала Ханна.

Она вспомнила, каким восхищением вспыхнули его глаза, когда он открыл парадную дверь и увидел ее силуэт на фоне пылающего заката.

Правда, потом, когда она вошла в комнату и он увидел ее лицо, этот заинтересованный взгляд внезапно потускнел и сделался подчеркнуто безразличным.

Но это не огорчило ее. Ханна уже привыкла к тому, что окружающие, как только замечали огромное родимое пятно, изуродовавшее ее лицо, начинали проявлять чрезмерное сочувствие.

Это пятно бледно-земляничного цвета перерезало ее щеку наискось под левой скулой – будто кто-то обмакнул палец в краску и мазнул им по лицу. Избавиться от него не удавалось: врачи дважды удаляли его с помощью лазера, но пятно всякий раз появлялось вновь.

Пол внезапно закашлялся. Девушка вздрогнула и повернулась к нему.

– «*Не доживешь до семнадцати*», – прочитал он вслух, перебирая клочки бумаги. – «*Вспомни о Трех Реках – НЕ ВЫБРАСЫВАЙ эту записку*». «*Круг МОЖНО разорвать*». «*Май уже на носу – ты знаешь, что тогда случится*». – Пол взял последнюю записку. – А в этой всего три слова: «*Он уже идет*». – Пол разгладил листки и взглянул на Ханну: – Что все это значит?

– Я не знаю.

– Вы не знаете?

– Я их не писала, – проговорила Ханна сквозь зубы.

Пол моргнул и стал постукивать карандашом еще быстрее:

– Но вы сказали, что писали их...

– Это мой почерк. Это я признаю.

Главное было начать. Теперь слова хлынули из нее потоком.

– Я нахожу эти обрывки в таких местах, куда никто, кроме меня, не мог бы положить их... в моем ящике для носков, в наволочке моей подушки. Когда я проснулась сегодня утром, то обнаружила, что эту последнюю записку держу в кулаке. Но на самом деле я их не писала.

Пол торжествующе взмахнул карандашом:

– Все ясно. Вы просто не помните, что писали их.

– Да, не помню. Потому что я не делала этого. Я бы никогда не стала писать ничего подобного. Это полная чепуха.

– Ну... – Тук-тук. – Это еще как сказать. «*Май уже на носу*» – что будет в мае?

– Первого мая мой день рождения.

– Это, значит, через неделю? Через неделю и один день. И вам исполнится?..

– Семнадцать, – выдохнула Ханна.

Она увидела, как психотерапевт взял еще один листок – она уже знала какой.

«*Не доживешь до семнадцати*».

– И вы уже в выпускном классе? – удивился Пол.

– Ага. В детстве мама учила меня дома, а потом отдала сразу в первый класс вместо детского сада.

Пол кивнул.

«Наверное, решил, что я будущая карьеристка», – подумала Ханна.

– Вам никогда... – Пол сделал тактичную паузу, – вам никогда не приходили мысли о самоубийстве?

– Нет. Никогда. Я бы никогда не сделала ничего подобного.

– Хм-м... – Пол нахмурился, уставившись в записки.

Молчание затянулось, и Ханна принялась разглядывать кабинет. Это была обычная комната, но обставленная как и положено приемной психотерапевта. Здесь фермы разделяли долгие мили, а городов было раз-два и обчелся. Так же дело обстояло и с психологами – вот почему Ханна пришла именно сюда. Пол Уинфилд был один на всю округу.

На стенах его кабинета были развешаны дипломы, полки книжного шкафа были заставлены книгами и какими-то безделушками. Вот резной деревянный слоник. Полузасохшее растение. Фотография в серебряной рамке. Здесь была даже настоящая кушетка.

«И что же, мне придется на нее лечь? – спросила себя Ханна. – Нет уж, не думаю».

Зашелестела бумага: Пол отодвинул записки в сторону.

– У вас нет ощущения, что кто-то пытается навредить вам? – мягко спросил он.

Ханна закрыла глаза.

Конечно же, она чувствует, что кто-то пытается причинить ей зло. Но ведь так и положено при мании преследования. И это доказывает, что она сумасшедшая.

– Иногда у меня возникает ощущение, что меня преследуют, – прошептала она наконец.

– Кто?

– Я не знаю. – Ханна открыла глаза. – Что-то странное и сверхъестественное. Оно пытается добраться до меня. И еще у меня бывают сны об апокалипсисе.

Пол моргнул:

– Апок...

– О конце света. Во всяком случае, мне так кажется. О том, что наступает какая-то ужасная битва... какое-то огромное последнее сражение. Между силами... – Ханна заметила, что Пол пристально смотрит на нее. Она отвернулась и обреченно продолжила: – Между силами добра... – она подняла одну руку, – и зла. – Ханна подняла другую руку. Затем обе ее руки бессильно опустились на колени. – Итак, я сумасшедшая, верно?

– Нет, нет, нет. – Пол повертел в руках карандаш, а потом похлопал себя по карману: – У вас случайно не найдется сигареты?

Ханна взглянула на него с недоверием, и он вздрогнул.

– Да нет же, конечно, вы не сумасшедшая. И о чем это я? Это отвратительная привычка. Я бросил курить на прошлой неделе.

– Видите ли, доктор... то есть Пол... – медленно проговорила Ханна. – Я здесь потому, что не хочу быть сумасшедшей. Я просто хочу опять стать самой собой. Я хочу закончить школу. Я хочу кататься летом на лошадях с моей подругой Чесс. А в следующем году я хочу поступить в университет и изучать динозавров. Может быть, мне удастся отыскать кладку утконосных ящеров. Я хочу вернуть свою прежнюю жизнь. Но если вы не можете помочь мне...

Ханна умолкла, сдерживая слезы. Она почти никогда не плакала, для нее это означало бы окончательно потерять над собой контроль. Но сейчас она ничего не могла поделать. Слезы брызнули из глаз и побежали по щекам, щекоча подбородок. Смущенно зашмыгав носом, Ханна принялась торопливо вытирать лицо, а Пол заозирался вокруг в поисках платка.

– Простите, – сказал Пол.

Он нашел коробку с салфетками, но тут же отбросил ее и подошел к Ханне. Он осторожно сжал ее руку, и теперь взгляд его голубых глаз утратил свою пристальность и стал мальчишеским.

– Простите, Ханна. Все это звучит ужасно. Но я уверен, что смогу помочь вам. Мы доберемся до самой сути. Вот увидите, этим летом вы закончите школу и будете кататься на утконосах – как обычно. – Он улыбнулся, показывая, что это шутка. – А все, что вас беспокоит, останется позади.

– Вы действительно так думаете?

Пол кивнул. Только сейчас он, кажется, осознал, что стоит рядом с пациенткой и держит ее за руку: не очень-то профессиональное поведение.

– Наверное, вы уже догадались, – проговорил он, поспешно отдернув руку. – Вы – моя первая клиентка. Но это не значит, что у меня нет опыта – в колледже я был в первой десятке. Итак... Продолжим. – Он похлопал себя по карманам, затем сунул в рот карандаш и сел: – Давайте начнем с самого первого вашего сна. Когда...

Внезапно он умолк: откуда-то донесся мелодичный звон. Дверной звонок.

– Кто бы это мог быть?... – удивился Пол. Он взглянул на часы, стоявшие на книжном шкафу, и покачал головой: – Извините, я всего на минуту. А вы устраивайтесь здесь поудобней, пока я вернусь.

– Не открывайте, – попросила Ханна.

Она сама не знала, почему так сказала. Просто от этого звонка по всему ее телу пробежала дрожь, сердце вдруг заколотилось, и она почувствовала, как у нее немеют руки и ноги.

Пол изумленно посмотрел на нее, но затем мягко и успокаивающе улыбнулся:

– Я не думаю, что нас ожидает апокалипсис, Ханна. Мы поговорим о ваших опасениях, когда я вернусь. – Он слегка коснулся ее плеча и вышел из комнаты.

Ханна сидела, прислушиваясь. Конечно, он прав. В этом дверном звонке нет ничего опасного. Просто у нее с головой не все в порядке.

Она откинулась в мягком кресле и вновь оглядела комнату, пытаясь расслабиться.

«Все это происходит в моей голове. Психотерапевт мне поможет...»

И в это мгновение оконное стекло напротив нее разлетелось на осколки.

Глава 2

Ханна вскочила. Суть происходившего складывалась в ее голове как мозаика – по частям.

Вначале она просто подумала, что взорвалась бомба – настолько оглушительным был грохот разбившегося стекла. Но затем до нее дошло, что в комнату что-то ворвалось... проломилось сквозь стекло. И теперь оно рядом с ней, в комнате, среди осколков. И оно готовится к прыжку.

Но разум Ханны просто отказывался понять и оценить то, что предстало ее глазам. Что-то очень большое... и, кажется, темное. Что-то вроде собаки, но крупнее. Ноги длиннее. И желтые глаза.

А затем, в одно мгновение, у нее в глазах прояснилось, и она увидела это существо вполне отчетливо.

Волк. Большой черный волк. Совсем рядом.

Великолепный зверь, стройный и мускулистый, с угольно-черным мехом; горло его молнией пересекала белая полоска. Он смотрел на Ханну не мигая, и взгляд этот был почти человеческим.

«Сбежал из заповедника, – ошарашенно подумала Ханна. – Ведь ученые сейчас восстанавливают там популяцию волков. Вряд ли он дикий. Прадедушка Райена Хардена не раз хвастался, что еще мальчишкой убил последнего волка в нашей округе. Да и вообще, – успокоила она себя, – волки не нападают на людей. Никогда. Волк-одиночка ни за что не нападет на взрослого человека».

Но пока сознание твердило ей об этом, какой-то другой голос настойчиво шептал ей, что надо действовать.

Он заставлял ее, не спуская глаз с волка, медленно отходить назад. И она отступала, пока не уперлась спиной в книжный шкаф.

«Тебе нужно кое-что взять», – шепнул ей этот внутренний голос.

Это не было похоже на обычное течение ее собственных мыслей. Голос был требовательным и суровым. Словно дуновение темного холодного ветра.

«Ты уже видела это на полке», – добавил он.

И в этот момент волк прыгнул.

Времени испугаться не было. Ханна увидела, как на нее летит лохматое черное тело, выгнувшееся дугой, а уже в следующее мгновение ей на голову рушился книжный шкаф. В комнате воцарился хаос. Со всех сторон посыпались книги и безделушки. Изо всех сил отталкивая от себя лохматое тело, Ханна пыталась удержаться на ногах. Но самое странное: ей

действительно удавалось уворачиваться. Или, по крайней мере, избегать самых опасных прыжков, которые грозили сбить ее с ног. Тело Ханны двигалось как бы само по себе, почти инстинктивно, будто она знала, как нужно уклоняться от зверя.

«Но ведь я не знаю этого. Я никогда не сражалась... И уж точно не играла с волками в кошки-мышки...»

Пока Ханна думала об этом, движения ее замедлились. Она уже не ощущала инстинктивной уверенности в том, что делает. И она растерялась.

Похоже, что волк понял это. Его желтые глаза жутко сверкнули в свете лампы, которая валялась на полу рядом с ним. Странные глаза... Они горели такой дикой яростью, какой Ханна не видела прежде ни у одного животного. Она заметила, что волк приподнимается на задние лапы.

«Быстро – в сторону!» – резко скомандовал внутренний голос.

Ханна отшатнулась. С невероятной силой волк врезался в книжный шкаф, и тот стал падать. Ханна вовремя отскочила в сторону... но шкаф с грохотом рухнул на пол, загородив дверь.

«Это ловушка, – констатировал холодный голос в сознании Ханны. – Единственный выход – через окно».

– Ханна! Ханна! – прозвучал голос Пола за дверью.

Ему удалось немного приоткрыть дверь, но в эту узкую щель Ханне было не протиснуться.

– Боже... что происходит? Ханна? Ханна! – В голосе Пола уже слышалась паника.

Он толкал дверь, но бесполезно: зажатая шкафом, она не поддавалась.

«Не отвлекайся на него!» – резко одернул Ханну внутренний голос.

Но она ничего не могла поделать: Пол звал ее с таким отчаянием. Отвернувшись от волка, она открыла было рот, чтобы ответить ему...

И тут волк прыгнул снова.

Ханна отскочила – но было уже поздно. Огромная тяжесть обрушилась на нее, и она стала падать... Она упала, со всего размаху стукнувшись головой о дощатый пол.

Как больно!

Даже сквозь пелену, заставшую сознание, она ощущала эту боль. В глазах вспыхивали искры, в голове замелькали обрывки непонятных фраз.

«Я умерла... Опять... О Исида,¹ богиня жизни, проводи меня в мир иной...»

– Ханна! Ханна! Что случилось? – смутно донесся до нее отчаянный крик Пола.

Внезапно зрение прояснилось, и Ханна вернулась к реальности. Она больше не парила в мерцающей пустоте. Она не умерла. Она лежала на полу, острый угол книги врезался ей в поясницу, а в ее грудь уперся лапами волк.

Ужас охватил Ханну... и все же она ощущала странное пугающее обаяние зверя. Она впервые так близко видела дикое животное. На морде и на шее его отчетливо были видны белые кончики торчащей щетины, а высунутый красный язык блестел от слюны. Ханна чувствовала его дыхание – влажное и горячее, почти как у собаки, но гораздо более шумное.

Ханна поняла, что не в состоянии пошевелиться. Волк был огромным, почти с нее, и невероятно тяжелым. Прижатая его весом, она оказалась совершенно беспомощной. Ей оставалось лишь лежать, трясясь от страха, и видеть, как узкая, почти изящная морда зверя придвигается к ее лицу все ближе и ближе.

Холодный влажный нос ткнулся ей в щеку, и Ханна невольно зажмурилась. Это прикосновение вовсе не было ласковым. Волк отталкивал прядь ее волос, упавшую на лицо. Он отталкивал ее своей мордой, будто рукой.

«О Боже, пожалуйста, останови его», – взмолилась Ханна.

Но никто не мог остановить волка, кроме нее самой... а она не знала, как это сделать!

Холодный нос двигался вдоль ее скулы. Зверь шумно сопел ей в ухо. Он обнюхивал

¹ Исида – в древнеегипетской мифологии богиня плодородия, волшебства, охранительница умерших. (Примеч. ред.).

Ханну, изучал ее, не спуская с нее глаз.

«Нет. Он смотрит не на меня. Он смотрит на мое пятно».

Это была еще одна из тех нелепых, причудливых мыслей... и она вдруг встала на свое место глубоко в сознании Ханна, будто последний, недостающий кусочек мозаики. Каким бы абсурдом это ни казалось, Ханна совершенно отчетливо поняла, что это правда. И вновь возникший, будто холодное дуновение ветра, внутренний голос отметил это. А затем спокойно и деловито прошептал: *«Протяни руку. Оружие должно быть где-то рядом. Ты видела его в книжном шкафу. Найди его».*

Волк, казалось, узнал все, что хотел, и остался доволен. Он поднял голову... и рассмеялся.

Рассмеялся как человек! Никогда еще Ханна не видела ничего более жуткого и нереального. Огромная пасть раскрылась, и зверь захохотал, обнажив зубы, а в желтых глазах его сверкнуло дикое животное ликование.

«Скорее, скорее!» – торопил ее голос.

Ханна беспомощно глядела, как к лицу ее приближаются острые белые зубы, но ее руки продолжали шарить вокруг, ощупывая гладкие сосновые доски пола. Пальцы скользили по книгам, листьям засохшего папоротника... и вдруг нащупали что-то прямоугольное и холодное, со стеклянной поверхностью.

Волк, по-видимому, не замечал этого. Он больше не смеялся – он ощерился, выставив напоказ короткие передние зубы и длинные изогнутые клыки. Ханна видела, как его лоб собирается в складки, и ощущала, как от глухого злобного рычания вибрирует все его тело.

Хладнокровный внутренний голос полностью завладел сознанием Ханна. Он говорил о том, что сейчас произойдет. Волк вонзит зубы в ее горло и сделает рывок, сдирая кожу и разрывая мышцы. Кровь хлынет фонтаном, заполнит дыхательное горло, легкие и рот. Ханна задохнется... или захлебнется, не успев даже истечь кровью.

Если только не... если не использует то, что держит в руке. Серебро. Серебряная рамка для фотографии.

«Убей его, – холодно прошептал голос. – У тебя хорошее оружие. Бей в глаз – углом рамки. Всади серебро прямо в мозг».

Ханна даже не попыталась понять, чем так хороша серебряная рамка. Впрочем, и возражать она не стала. Но тут в голове ее зазвучал еще один голос – отдаленный, слабый. Также не ее собственный, как и холодное дыхание того невозмутимого голоса... но и не вполне чужой. Кристально чистый голос, переливающийся, словно драгоценный камень.

«Ты не убийца. Не убивай. Ты никогда не убивала, и неважно, что с тобой случится. Не убивай».

«Тогда ты умрешь, – жестко произнес холодный голос. Он прозвучал гораздо громче, чем тот, прозрачно-кристальный. – Это животное не остановится, пока один из вас не умрет. С этими тварями иначе нельзя».

И тут волк разинул пасть. Молниеносным движением он рванулся к ее горлу.

Ханна не стала раздумывать. Она подняла рамку и ударила ею волка по голове. Но не в глаз. Удар пришелся в ухо.

Ханна ощутила этот удар – удар увесистого металла о чувствительную плоть. Волк пронзительно взвизгнул и отшатнулся, трясая головой и царапая морду передней лапой. На мгновение его грузное тело соскользнуло с Ханна, и этой доли секунды ей хватило.

Ханна торопливо метнулась в сторону – подальше от волка – и вскочила на ноги.

Серебряную рамку она по-прежнему крепко сжимала в руке.

«Так. Оглянись вокруг! Книжный шкаф... нет, ты не сможешь отодвинуть его. Окно! Быстро к окну!»

Но волк уже перестал трясти головой. Как только Ханна двинулась к окну, он заметил это. Один плавный скачок – и он встал перед окном, преграждая Ханне путь к спасению. Он не сводил с нее глаз; каждый волосок на его шкуре поднялся дыбом. Зубы вновь обнажились, уши встали торчком, глаза сверкали лютой ненавистью.

«Он готовится к прыжку», – услышала Ханна.

«Я не убийца. Я не могу убить».

«У тебя нет выбора...»

Волк взвился в воздух. И тут что-то стремительно ворвалось в окно и сбило зверя в полете.

На этот раз Ханна с первого взгляда поняла, кто перед ней.

«Еще один волк... Боже мой, что происходит?»

Новое животное было серо-коричневого окраса, не таким крупным, как черный волк, и не таким внушительным. Ханне бросились в глаза его ноги – удивительно изящные, как у скаковой лошади.

«Это волчица», – откуда-то издали шепнул Ханне внутренний голос.

Оба волка уже поднялись на ноги и, ошестившись, глядели на нее. В воздухе стоял терпкий запах зверинца.

«Теперь я действительно пропала, – подумала Ханна. – Вдвоем они разорвут меня на куски».

Она все еще стояла, вцепившись в свою рамку, но уже понимала, что у нее нет никаких шансов отбиться сразу от двух волков. Сейчас они растерзают ее, а потом сцепятся между собой, деля добычу.

Сердце Ханны гулко колотилось, в ушах звенело. Волчица пристально глядела на нее. Ханна как завороченная уставилась в ее янтарные глаза, понимая, что сейчас все будет кончено.

Еще мгновение волчица рассматривала лицо Ханны – левую сторону лица. Левую щеку. А затем повернулась к волку.

И зарычала.

«Она защищает меня!» – ошеломленно подумала Ханна.

Это было невероятно... но Ханна уже готова была поверить во что угодно. Ее привычный мир сошел с ума и рушился, а там, где она оказалась, обитали по-человечески разумные волки. И единственное, что ей оставалось, – ждать, что произойдет дальше.

«Сейчас они будут драться, – подсказал холодный внутренний голос. – Как только начнут, беги к окну».

И в этот миг все будто взорвалось. Серая волчица в бешеной ярости бросилась на черного волка. Комната наполнилась рычанием и щелканьем зубов...

Волки кружили, металась и прыгали, увертываясь друг от друга. Ничего более ужасного Ханна никогда не видела. Хуже самой неистовой собачьей драки или пиршества голодных акул. Оба зверя впали в исступление и сражались, как берсеркеры.²

Внезапно волчица взвизгнула от боли. Хлынула кровь, заливая ее серый бок.

«Она слишком маленькая, – с тоской подумала Ханна. – Слишком легкая. У нее нет шансов».

«Помоги ей», – прошептал прозрачный чистый голос.

Что за безумный совет! Ханна даже не представляла себе, как она может вступить в этот рычащий хаос. И все же ноги сами понесли ее вперед. Вот она уже стоит за спиной серой волчицы. И неважно, что она сама не верит в то, что делает, и совершенно не понимает, как объединиться с волчицей против волка. Важно только, что она стоит здесь, рядом с ней, и высоко держит серебряную рамку.

Черный волк отскочил, уставившись на Ханну.

Они замерли, тяжело дыша: Ханна – от страха, волки – от напряжения. Все трое застыли, как живая картина, посреди разгромленного кабинета, не спуская друг с друга глаз. По одну сторону – черный волк с грозно сверкающими глазами. По другую – серая волчица. Бок ее был окровавлен, шерсть висела клочьями. А совсем рядом с волчицей, чуть позади нее, стояла Ханна, зажав в высоко поднятой трясущейся руке серебряную рамку.

В ушах у Ханны все еще звучали раскаты волчьего рычания.

А затем раздался оглушительный звук.

Звук выстрела.

Черный волк взвизгнул и пошатнулся.

² Берсеркер – древнескандинавский витязь, неустрашимый, неистовый воин. (Примеч. ред.).

Ханна так сосредоточилась на происходившем в комнате, что ее потрясла сама мысль о том, что и снаружи тоже что-то происходит. Она смутно помнила, что Пола уже какое-то время не было слышно, но только сейчас ей стало ясно почему.

– Ханна! Отойди в сторону! – раздался крик.

Возбужденный, раздраженный голос, полный страха, гнева... и решимости. Голос из темноты за окном.

У разбитого окна стоял Пол с ружьем. Его лицо было бледным. Он целился в волков, и руки его дрожали. Если он выстрелит снова, то может попасть и в волчицу!

– Отойди в угол! – Ружье в руках Пола нервно подпрыгивало.

– Не стреляй! – хрипло выдохнула Ханна и шагнула к окну. – Не стреляй. А то попадешь в серую.

– В серую? – Голос Пола чуть не сорвался на истерический смешок. – Да я не уверен, смогу ли попасть даже в стену! Я первый раз держу ружье в руках. Поэтому просто... просто постарайся отойти в сторону!

– Нет! – Ханна двинулась к нему, протянув руку. – Я умею стрелять. Дай мне...

– Просто отойди в сторону...

Ружье выстрелило.

Некоторое мгновение Ханна не могла сообразить, куда попала пуля, и в голове у нее мелькнула дикая мысль: «Что, если в меня?!» Но затем она увидела, как черный волк пятится назад. Из его шеи капала кровь.

«Сталь не убьет его, – пронеслось свистящее дыхание холодного внутреннего голоса. – Он только сильнее разозлится...»

Черный волк вертел головой, глядя горящими глазами то на Ханну, держащую серебряную рамку, то на Пола с ружьем, то на серую волчицу, которая показывала ему зубы. Волчица зарычала... Ханна впервые видела, чтобы животное выглядело настолько довольным собой.

– Еще один выстрел... – выдохнул Пол. – Пока он не пришел в себя...

Прижав уши, черный волк повернулся к другому окну. Изогнувшись дугой, он метнулся к нему и выпрыгнул наружу, пробив собой стекло. Со звоном разлетелись осколки. Ханна ошеломленно глядела, как взметнулись вслед за волком и закружились шторы, а потом их отбросило назад в комнату. Затем она резко обернулась к волчице. Янтарные глаза уставились ей в лицо. Почти человеческий взгляд... Взгляд существа, определенно ей равного. Почти друга.

Затем волчица подобралась и ринулась к только что разбитому окну. Всего два шага, прыжок – и она исчезла.

Откуда-то снаружи донесся протяжный вой, в нем слышались раздражение и вызов. Он звучал все тише, – похоже, волк удалялся.

И все смолкло.

Ханна закрыла глаза. Ноги у нее буквально подкашивались.

Но она сделала над собой усилие и двинулась к окну, не обращая внимания на хрустящее под ногами стекло. Она пристально вгляделась в темноту.

Ярко светила луна. Всего день до полнолуния. Ханне казалось, что вдалеке движется темный силуэт. Волк мчится скачками прочь от дома в открытую прерию. Но, быть может, это лишь игра ее воображения.

Наконец она выдохнула и привалилась к подоконнику. Серебряная рамка упала на пол.

– Ты не ранена? Ты в порядке? – Пол карабкался через окно в комнату.

Пробираясь к Ханне, он споткнулся о корзину для бумаг, но устоял на ногах. Он схватил девушку за плечи и озабоченно взглянул ей в лицо.

– Думаю, в порядке. – Впрочем, Ханна совсем не была в этом уверена.

Ее колотила крупная дрожь, а перед глазами стояла оскаленная волчья пасть.

Пол прищурился:

– Гм... что у тебя за любовь к серым волкам?

Ханна покачала головой. Разве это возможно объяснить?

С минуту они глядели друг на друга, а затем, тяжело дыша, одновременно опустили на

корточки посреди осколков стекла.

Пол был бледен, его рыжие волосы растрепались, в огромных глазах застыл ужас. Дрожащей рукой он потер лоб, затем положил ружье на пол и благодарно по нему похлопал. Потом завертел головой, разглядывая разгромленный кабинет: опрокинутый книжный шкаф, разбросанные книги и безделушки, два разбитых окна, усыпанный осколками пол, дырку от пули в стене, пятна крови и клочки волчьей шерсти, которые носило сквозняком по полу.

– Ну и кто же звонил в дверь? – слабым голосом спросила Ханна.

Пол нервно моргнул:

– Никто. Там никого не было. – И добавил задумчиво: – Интересно, могут ли волки звонить в дверь?

– Что?

Пол обернулся и взглянул Ханне в лицо.

– А тебе не приходило в голову, – выпалил он, – что у тебя нет никакой мании преследования? Что за тобой действительно охотится что-то ужасное?

– Очень смешно... – прошептала Ханна.

– Я имею в виду... – Пол размахивал руками, едва удерживаясь от истерического смеха. Он был похож на пьяного. – Я имею в виду, ты говорила, что должно что-то случиться... вот оно и случилось. – Внезапно он успокоился и с любопытством взглянул на Ханну: – Ты ведь знала, что это случится, правда?

Ханна потрясенно уставилась на человека, который, как предполагалось, должен был вернуть ей ясный рассудок.

– У тебя крыша поехала?

Пол опять моргнул – на сей раз смущенно. Он быстро отвел глаза и покачал головой.

– Черт возьми, я не знаю. Прости. Не очень-то профессионально с моей стороны, да? Но... – Он уставился в окно. – Понимаешь, в какой-то момент мне показалось, что у тебя есть некая тайна. Что-то... совершенно необычное.

Ханна промолчала. Ей так хотелось считать, что все произошедшее с ней – дурной сон. И чужие голоса не зазвучат больше в ее голове, рассказывая о волках с человеческими глазами и о том, что оружием против них может стать серебряная рамка. Она совершенно не представляла себе, как все это связано между собой. Да она и знать этого не хотела! Ей хотелось просто избавиться от всего этого раз и навсегда и вернуться в спокойный, обычный мир.

Пол кашлянул, продолжая глядеть в окно, и произнес неуверенным, почти извиняющимся тоном:

– Конечно, это все не так. Этому должно быть рациональное объяснение. Однако... ну, если бы в самом деле была какая-то тайна, ее следовало бы раскрыть. На всякий случай. Чтобы не случилось чего похуже.

Глава 3

Белый блестящий лимузин мчался сквозь ночную тьму, подобно дельфину в морских глубинах, унося Тьерри Дескуэрдеса прочь от аэропорта. Он вез Тьерри в Лас-Вегас, в его дворец с белыми стенами и пальмами, с прозрачными голубыми фонтанами и мозаичными террасами, с комнатами, полными картин, и статуй, и редкой музейной мебели... Там было все, чего только можно пожелать.

Тьерри прикрыл глаза и откинулся на темно-красную подушку, пытаясь забыться.

– Как там на Гавайях, сэр? – донесся с переднего сиденья голос водителя.

Тьерри открыл глаза. Нильсон – хороший водитель. Ему, должно быть, лет девятнадцать, примерно столько же, сколько и Тьерри. Волосы убраны сзади в аккуратный пучок, глаза скрыты под темными очками, несмотря на ночное время. Всегда сдержанный, всегда осмотрительный.

– Влажно, Нильсон, – тихо ответил Тьерри, глядя в окно. – На Гавайях было очень... влажно.

– И вы не нашли то, что искали?

– Нет. Я не нашел то, что искал... снова.

– Сожалею, сэр.

– Спасибо, Нильсон.

Тьерри пытался не глядеть на свое отражение в оконном стекле. Ему было не по себе: оттуда на него смотрел молодой человек с серебристыми волосами и усталыми, мудрыми, древними глазами. У него был такой задумчивый вид... такой потерянный и печальный.

«Наверное, так и должен выглядеть тот, кто все время ищет что-то и не может найти», – подумал Тьерри.

Он решительно отвернулся от окна.

– Все здесь шло как надо, пока меня не было? – спросил он, доставая сотовый телефон.

«Работа. Работа всегда помогает. Загрузи себя полностью, не думай ни о чем другом, а главное – поменьше занимайся собой».

– Думаю, превосходно, сэр. Мистер Джеймс и мисс Поппи вернулись.

– Это хорошо. Они проведут следующее собрание Рассветного Круга.

Палец Тьерри застыл над кнопкой телефона. Кому же позвонить? Кому позвонить в первую очередь?

И тут телефон запищал.

Тьерри нажал на «прием» и приложил трубку к уху:

– Тьерри слушает.

– Сэр? Это я, Люпа. Вы меня слышите?

Шли помехи, и слышимость была отвратительной. Но Тьерри расслышал усталость, звучавшую в голосе его собеседницы.

– Люпа? У тебя все в порядке?

– Сэр, я вступила в бой. Меня немного потрепали. – Она негромко хихикнула. – Но вы бы посмотрели на того волка!

Тьерри потянулся за записной книжкой в кожаном переплете и ручкой с золотым пером:

– Это не смешно, Люпа. Тебе не следовало драться.

– Я знаю, сэр, но...

– Ты должна держать себя в руках.

– Да, сэр, но...

– Скажи мне, где ты находишься, за тобой заедут. Отвезут к врачу.

Тьерри попытался привычно черкнуть в блокноте. Но чернила кончились. Он с недоверием уставился на кончик пера.

– Ну вот, покупаешь ручку за восемь сотен долларов, а она не пишет, – пробормотал он.

– Сэр, вы не слушаете меня. Вы не понимаете. Я нашла ее.

Взгляд Тьерри замер на ручке, на длинных пальцах, сжимающих толстый золотой цилиндр... Он уже знал: этот момент навсегда останется в его памяти, будет выжжен в ней раскаленным клеймом.

– Вы слышите меня, сэр? Я нашла ее.

Наконец Тьерри снова обрел дар речи, но голос его прозвучал сдержанно и даже сухо:

– Ты уверена?

– Да! Да, сэр. Я уверена. У нее есть отметина и все остальное. Ее зовут Ханна Сноу.

Тьерри потянулся через переднее сиденье, железной хваткой вцепился в удивленного Нильсона и тихо-тихо прошептал ему на ухо:

– У тебя есть карандаш?

– Карандаш?

– Что-нибудь, чем можно писать, Нильсон. Инструмент, которым пишут на бумаге. У тебя есть это? Быстро, потому что, если я не успею записать, ты уволен.

– У меня есть ручка, сэр. – Одной рукой Нильсон вынул из кармана прозрачный «бик».

– Твое жалованье удвоено. – Тьерри взял ручку и плюхнулся на сиденье. – Где ты находишься, Люпа?

– Возле городка, который называется Шаманская Скала. Но есть еще кое-что, сэр... – Голос Люпы внезапно дрогнул. – Другой волк, который дрался со мной... он тоже видел ее. И он сбежал.

У Тьерри перехватило дыхание.

– Понимаю...

– Это было ужасно! – Люпу внезапно прорвало. – О, Тьерри, какой ужас! Я пыталась остановить его. Но он убежал... и теперь я боюсь, что он расскажет обо всем... ей.

– Не огорчайся, Люпа. Ты сделала все, что смогла. Я скоро сам приеду. Я приеду и позабочусь о... обо всем. – Тьерри взглянул на водителя. – Нам нужно кое-куда заехать, Нильсон. Сначала – в магазин Харман.

– В ведьмино место?

– Точно. Если доберешься быстро, утроишь свое жалованье.

Явившись к Полу Уинфилду на следующий День, Ханна застала там шерифа, вернее, шерифшу. Крис Грейди была настоящим шерифом с Дикого Запада – «честным-и-благородным». Все было при ней – и сапоги, и широкополая шляпа, и жилет.

«Единственное, чего ей недостает, так это лошади», – подумала Ханна, обходя вокруг дома.

Пол стоял у задней стены – заколачивал досками разбитые окна.

– Привет, Крис, – сказала она.

Шериф кивнула, обветренная кожа в уголках ее глаз собралась морщинками. Она сняла шляпу и провела рукой по каштановым волосам, спадавшим на плечи.

– Что, Ханна, решила завести себе пару огромных лесных волков? Ты не ранена?

Ханна покачала головой. Она попыталась выдавить из себя улыбку, но безуспешно.

– Наверное, это были волкодавы или что-то в этом роде. Обычные волки не так агрессивны.

– Волкодавы таких следов не оставляют, – возразила Крис.

Под окном, в крови, засохшей на бетонной плите, виднелся след зверя, очень похожий на отпечаток собачьей лапы – тоже с четырьмя подушечками и четкими следами когтей. Но этот след был сантиметров пятнадцать в длину и около десяти – в ширину.

– О таких крупных волках здесь еще не слышали. – Шериф перевела взгляд на разбитые окна. – Крупных и злобных... Будьте осторожны. Не нравится мне все это. Если мы поймаем этих ваших волков, я дам знать.

Шериф кивнула Полу. Тот держал во рту палец, который только что припечатал молотком. Водрузив шляпу на голову, Крис зашагала к своему автомобилю.

Ханна молча глядела на отпечаток лапы. Все были уверены, что здесь что-то произошло. Все – кроме нее самой.

«Ничего здесь не могло произойти, – думала она. – Все это происходит у меня в голове. Я должна понять, в чем дело, и все уладить... Я могу все уладить!»

– Спасибо, что принял меня снова так быстро.

– О... – Пол замахал руками, зажав молоток под мышкой. – Не беспокойся. Я хочу понять, что тебя так тревожит. Хочу добраться до самой сути. И потом... – едва слышно добавил он, пропуская Ханну в дом, – других пациентов у меня все равно нет.

Ханна прошла по коридору в кабинет. Внутри было темно, слабые лучи послеполуденного солнца с трудом пробивались через щели в заколоченных окнах.

Она уселась в мягкое кресло.

– Вот только вопрос: как до нее добраться? К тому же я толком не понимаю, что именно меня беспокоит. Все это слишком странно. С одной стороны, я, наверное, просто сумасшедшая, – устало проговорила она, пока Пол устраивался напротив, за столом. – Мне снятся безумные сны, мне кажется, что наступает конец света, у меня мания преследования, а вчера я стала слышать внутренние голоса... С другой стороны, эти волки... И они, судя по всему, реальны.

– Голоса? – пробормотал Пол, оглядываясь в поисках карандаша. Но карандаш никак не находился, и он снова устался на Ханну. – Что ж, понимаю. Прошлой ночью, когда эти звери глядели мне прямо в глаза, я был почти готов поверить, что это не обычные волки... – Он запнулся и, покачивая головой, заглянул под стопку бумаги, лежавшую на столе. – И происходит нечто... действительно странное. Но сейчас день, и мы – разумные люди, и мы понимаем, что должны разумно относиться к происходящему. И, знаешь ли, я уверен, что смогу найти этому

вполне рациональное объяснение.

Карандаш наконец нашелся, и Пол со вздохом облегчения принялся вертеть его между пальцами.

Ханна почувствовала, что в ее душе зародилась надежда.

– Объяснение?

– Угу. Во-первых, не исключено, что все эти твои предчувствия никак не связаны с волками. Люди предпочитают не верить в совпадения, но они случаются. И даже если между всем этим существует какая-то связь... одним словом, не думаю, что кто-то охотится именно за тобой. Возможно, в нашей местности произошел какой-то сбой... что-то нарушило экосистему, и волки взбесились... может, и другие животные – тоже... а ты каким-то образом чувствуешь это. Как-то на все это реагируешь. Может, это предвестники землетрясения, или... или пятна на солнце, или магнитные бури. Неважно что. Но ты из-за этого живешь в предчувствии какого-то ужасного несчастья. В ожидании конца света или того, что тебя скоро убьют.

Увы, чуда не произошло. Надежда угасла – и это оказалось так больно, что лучше бы она вообще не возникла.

– Думаю, это вполне возможно, – сказала она. Ей не хотелось задевать профессиональное достоинство Пола. – Но как объяснить вот это?

Она покопалась в холщовой сумке, которая служила ей и рюкзаком и кошельком одновременно, и вытащила сложенный листок бумаги.

Пол взял его и развернул.

«Они видели тебя. Они расскажут ему. Беги – это твой последний шанс!»

Пол сунул карандаш в рот:

– Хм-м-м...

– Я нашла это сегодня утром. Записка была обернута вокруг моей зубной щетки, – тихо проговорила Ханна.

– И это твой почерк?

Она закрыла глаза и кивнула.

– И ты не помнишь, как писала ее?

– Я ее не писала. И в этом я уверена. – Ханна открыла глаза и глубоко вздохнула. – Эта записка испугала меня. Меня пугает все, что происходит. Я ничего не понимаю... и я не вижу, как можно остановить все это, если я этого не понимаю.

Пол задумался, покусывая карандаш:

– Послушай... что бы ни происходило, кто бы ни писал тебе записки, я думаю, твое подсознание пытается что-то донести до тебя. Об этом свидетельствуют сны. Но они рассказывают не обо всем. Я могу предложить кое-что... хотя сам я в это не очень-то верю. Но попытаться стоит. Если проникнуть прямо в подсознание, можно спросить его, что происходит.

«Проникнуть в подсознание...» – У Ханны перехватило дух.

– Гипноз?

Пол кивнул:

– Вообще-то я не поклонник гипноза. Это вовсе не какой-то волшебный транс, как нам твердят по телевизору. Просто это определенное состояние сознания, в котором ты расслабляешься и вспоминаешь то, что тебя пугает, после чего становится легче. Ничего особенного. Всего этого можно добиться самостоятельно, с помощью дыхательных упражнений.

Предложение Пола использовать гипноз Ханну совсем не порадовало. Гипноз – это потеря контроля над собой. Она окажется в чужой власти... пусть не во власти Пола, но уж своего подсознания – это точно.

«Но что мне еще остается?» – Ханна сидела, какое-то время прислушиваясь к себе.

Никаких внутренних голосов она не слышала – ни того, напоминавшего порыв холодного ветра, ни другого, с кристально-чистым звучанием... и это было хорошо. И все же это означало, что у нее нет выбора.

Ханна взглянула на Пола:

– Ладно. Давай.

– Прекрасно. – Он встал и потянулся за книгой, лежавшей на краю стола. – Надеюсь, что

ничего не забыл... Ну, ладно. Может, ляжешь на кушетку?

Ханна было заколебалась, затем пожала плечами: «Если уж я решилась на гипноз, то нужно делать все по правилам».

Она легла и уставилась на темные потолочные балки. Несмотря на все свои несчастья, она едва сдерживалась, чтобы не захихикать.

Подумать только! Она лежит на настоящей кушетке психотерапевта, ожидая сеанса гипноза! Ее школьные друзья никогда бы и не подумали обратиться к мозгоправу: здесь чокнутые – в порядке вещей. Да, чтобы выжить в этом отдаленном, не слишком гостеприимном месте, иногда приходится быть несколько... эксцентричным. Но если ты признаешь, что не можешь сам справиться с ситуацией, уделяешь этому слишком много внимания или, хуже того, обращаешься за помощью – это значит, у тебя серьезные проблемы. А уж если ты позволяешь себя загипнотизировать...

«Видели бы меня сейчас мои друзья».

– Ну, ладно, – повторил Пол. – Устройся поудобнее. Закрой глаза. – Он уселся с книгой в руке на краю стола, покачивая одной ногой. Его голос звучал тихо и монотонно – вполне профессионально.

Ханна закрыла глаза.

– Теперь я хочу, чтобы ты представила, будто плывешь. Просто плывешь и чувствуешь себя спокойно и расслабленно. Тебе ни о чем не нужно думать и никуда не нужно спешить. Сейчас тебя окружает красивый фиолетовый свет. Он омывает все твое тело, и ты все больше и больше растворяешься в нем...

Кушетка оказалась на удивление удобной – она мягко прогибалась, следуя контурам тела. Ханне нетрудно было вообразить, что она плывет; легко было и представить окружающий ее свет.

– А теперь ты чувствуешь, как плывешь, погружаясь все глубже... как еще больше расслабляешься... и тебя окружает темно-синий цвет. Ты вся окружена синим светом, пронизывающим тебя, и от этого тебе еще приятнее, и ты расслабляешься, расслабляешься...

Под звуки мягкого, монотонного голоса Ханна представляла себе разноцветные волны света, омывающие ее. Темно-синие, изумрудно-зеленые, золотисто-желтые, пылающе-оранжевые. Ханна все это видела. Это было удивительно и легко. Картинки возникали сами, без малейших усилий.

Один цвет сменялся другим, и Ханна чувствовала, как расслабляется все больше. Все ее тело сделалось теплым и почти невесомым. Кушетки под ней будто не было. Она плыла в волнах света.

– А теперь ты видишь рубиново-красный свет, очень глубокий, очень расслабляющий. Тебе спокойно и удобно, и ты в полной безопасности. Больше тебя ничто не потревожит, ты сможешь спокойно отвечать на все мои вопросы. Ты понимаешь меня?

– Да, – сказала Ханна.

Она знала, что сама произносит это, но ей казалось, будто за нее говорит кто-то другой. Казалось, будто что-то внутри нее отвечает Полу ее голосом.

Но это ее не путало. Она расслабленно плыла в волнах рубинового света.

– Хорошо. Сейчас я говорю с подсознанием Ханны. Ты сможешь вспомнить то, что бодрствующий разум Ханны не осознает... и даже то, что он подавлял и не хотел знать. Ты понимаешь?

– Да. – Голос, казалось, прозвучал прежде, чем Ханна собралась ответить.

– Хорошо. Теперь я возьму эту последнюю записку, ту, которую ты нашла сегодня утром обернутой вокруг зубной щетки. Ты помнишь эту записку?

– Да. – Конечно же, она помнит.

– Что ж, хорошо. А теперь я хочу, чтобы ты мысленно вернулась назад, к тому времени, когда эта записка была написана.

Теперь Ханна почувствовала, что должна ответить сама.

– Но как я могу это сделать? Я не знаю, когда она была написана. Я не писала...

– Просто... просто... просто не думай об этом, Ханна, – сказал Пол, прерывая ее. Его голос опять стал монотонным. – Ты спокойна, ты чувствуешь, что совершенно расслаблена.

Просто скажи себе: «Я должна вернуться в то время, когда была написана эта записка». Не беспокойся о том, как ты это сделаешь. Гляди на рубиновый свет и думай: «Я должна вернуться назад». Ты сделаешь это?

– Да, – прошептала Ханна.

«Иди назад, – уверенно приказала она себе. – Просто расслабься и иди назад, хорошо?»

– А теперь в твоей памяти возникает картина. Ты что-то видишь. Что ты видишь?

Ханна почувствовала, как внутри прорвалась какая-то преграда. Казалось, она падает в этот рубиновый свет. Ее сознание замерло, будто выключилось, ушло куда-то... Теперь ее уже ничто не удивляло – она словно погрузилась в сон.

Голос Пола звучал с мягкой настойчивостью:

– Что ты видишь?

Ханна увидела картинку. Крошечную картинку, которая раскрылась, развернулась, когда она стала вглядываться в нее.

– Я вижу себя, – прошептала она.

– Где ты находишься?

– Я не знаю. Погоди... кажется, в своей комнате.

Ханна разглядела себя в чем-то длинном и белом... в ночной рубашке. Это была она сама, в своей спальне, в своей ночной рубашке. Она лежала сейчас на кушетке в кабинете Пола и одновременно находилась в своей спальне.

«Как странно...» – смутно подумала она.

– Хорошо, теперь картина становится яснее. Ты начинаешь различать то, что находится вокруг тебя. Просто расслабься, и ты все увидишь. Итак, что ты делаешь?

– Пишу записку, – пришлось признаться Ханне, и почему-то это ее слегка позабавило.

Пол пробормотал что-то вроде «ага...». Затем он мягко спросил:

– А для чего ты пишешь ее?

– Не знаю... предостеречь себя. Я должна предостеречь себя.

– От чего?

Ханна почувствовала, что беспомощно качает головой.

– Ладно... Что ты ощущаешь, когда пишешь ее?

– О... – Это было просто. Пол, несомненно, ожидал, что она скажет что-нибудь наподобие: «страх» или «тревогу». Но ощущение было совсем иным. – Желание, – прошептала Ханна, сделав беспокойное движение головой. – Просто... желание.

– Прошу прощения?

– Я хочу... Я так хочу...

– Что ты хочешь?

– Его, – вырвалось у нее, как рыдание. Обычное сознание Ханны с изумлением наблюдало за всем со стороны, но ее тело было полностью охвачено этим мучительным чувством. – Я знаю, это невозможно. Это смертельно опасно для меня. Но мне все равно. Я ничего не могу поделать...

– Стоп-стоп-стоп! То есть расслабься. Ты очень спокойна, ты можешь отвечать на мои вопросы. Кто этот человек, о котором ты мечтаешь?

– Тот, кто приходит, – тихо и безнадежно произнесла Ханна. – Он злой и испорченный... я знаю это. Она мне все объяснила. И я знаю, что он убьет меня. Как всегда. Но я хочу его.

Ханна дрожала. Она чувствовала, как ее тело излучает жар... и она слышала, как Пол нервно сглотнул. Каким-то непонятным образом Ханна видела и его, словно находилась одновременно в разных местах. Она знала, что Пол сидит сейчас на краю стола и с изумлением глядит на нее, смущенный преображением, произошедшим с молодой женщиной, лежащей на его кушетке.

Она знала, что он видит ее всю: видит бледное лицо, пылающее румянцем от внутреннего жара, видит тело, сотрясающееся от мелкой дрожи, слышит ее учащенное дыхание. И она знала, что он взволнован... и испуган.

– Ну ничего себе! – выдохнул Пол и заерзал на столе. Он опустил голову, затем зашлепал руками по столу в поисках спасительного карандаша. – Ладно, честно говоря, я запутался. Давай вернемся к самому началу. Ты чувствуешь, что кто-то охотится за тобой и что он раньше

пытался тебя убить? Может быть, тебя выслеживает какой-то бывший дружок?

– Нет. Он не пытался убить меня. Он убил меня.

– Он убил тебя. – Пол прикусил карандаш. А затем пробормотал: – Надо было как следует подумать, прежде чем все это начинать. Все равно я не верю в гипноз.

– И он собирается сделать это опять. Я умру прежде, чем мне исполнится семнадцать. Это наказание за то, что я люблю его. Так происходит всегда.

– Правильно. Хорошо. Хорошо, давай попробуем найти во всем этом хоть какой-то смысл... У этого таинственного парня есть имя? Как его зовут?

Ханна подняла руку и снова уронила ее:

– Когда?

– Что?

– Когда?

– Что когда? Что? – Пол встряхнул головой. – О, черт...

Ханна внятно ответила:

– У него были разные имена в разные времена. У него их, я думаю... сотни. Но я зову его Тьерри. Тьерри Дескуэрдес. Потому что так его звали на протяжении последних двух его жизней.

Наступило долгое молчание. Затем Пол спросил:

– Последних двух?..

– Жизней. Это имя может быть у него и сейчас. Когда я видела его последний раз, он сказал, что ему надоело менять имена. И что он не станет больше прятаться.

– О боже, – вымолвил Пол.

Он встал, подошел к окну и закрыл лицо руками. А потом повернулся к Ханне.

– Ты имеешь в виду... Я хочу сказать... Одним словом... Ты говоришь о... – Пол замялся и неуверенно пробормотал: – То, что начинается с буквы «р». Ну, ты знаешь... – У него дрожали руки. – Реинкарнация?

Опять повисло долгое молчание. А потом Ханна услышала свой голос, который твердо произнес:

– У него не было перевоплощений.

– О... – Пол с облегчением выдохнул. – Ну, слава богу. А то я уж было испугался.

– Он никогда не умирал, – сказала Ханна. – Видишь ли, он не человек.

Глава 4

Тьерри осторожно опустился на колени у окна, стараясь, чтобы не зашуршала сухая земля под ногами. Умение двигаться бесшумно было настолько привычно для его тела, будто он родился вместе с ним. Темнота была его родной средой, он мог в мгновение ока раствориться в тени и двигаться в ней еще незаметней, чем крадущийся кот. Но сейчас взгляд Тьерри был прикован к тому, что происходило в комнате.

Он не видел ее лица. Он мог рассмотреть лишь изгиб плеча и разметавшиеся волосы, но он точно знал, что это она.

Рядом с ним припала к земле Люпа. Ее худенькое человеческое тело напряженно дрожало с настороженностью зверя. Она прошептала:

– Ну, что? – Голос был едва различим, тише, чем дыхание.

Тьерри отвернулся от окна и посмотрел на Люпу. Все лицо ее было в кровоподтеках, глаз заплыл, нижняя губа разорвана. Но она улыбалась. Она все это время, пока не приехал Тьерри, бродила по Шаманской Скале, неотступно следуя за девушкой по имени Ханна Сноу, чтобы быть уверенной, что с ней ничего не случится.

Тьерри взял руку Люпы и поцеловал ее.

– Ты ангел, – одними губами произнес он. Он вообще не использовал голосовые связки: он передавал мысли. – Ты заслужила хороший отпуск. Мой лимузин в туристическом центре, возьми его. Оставишь в аэропорту.

– Но... как же вы останетесь здесь? Совсем один? Вам нужна поддержка, сэр. Если она появится...

– Люпа, ступай.

Тон его голоса был мягким, но настойчивым. Это был приказ господина, Тьерри из Царства Ночи, привыкшего, что его указания выполняются беспрекословно.

«Забавно, – подумал он. – Пока кто-нибудь не откажется повиноваться, трудно представить, насколько ты привык, чтобы тебе подчинялись».

И он снова приник к щели в забитом досками окне. И тут же забыл о существовании Люпы. Девушка на кушетке повернулась, и он увидел ее лицо. Его словно ударило током.

Он знал, что это была она... но все равно не ожидал, что она окажется так похожа на саму себя. Похожа на ту, какой она была в самом начале, когда впервые родилась, когда он в первый раз увидел ее. Таким он помнил ее настоящее лицо. Правда, и в других своих жизнях она была похожа на ту, первую. Похожа – но не совсем. Этого, настоящего, лица он не встречал никогда. До этого мгновения.

А сейчас он видел именно ту девушку, в которую был влюблен.

Те же длинные, прямые, шелковистые волосы пшеничного цвета, рассыпавшиеся по плечам. Те же большие серые глаза, будто наполненные светом. То же спокойное выражение, тот же нежный рот... и изгиб верхней губы все так же придавал всему облику особую чувственность. И та же изящная фигура, высокие скулы и прекрасная линия подбородка – настоящая мечта скульптора!

Единственное, что было новым, – это родимое пятно.

Клеймо, выжженное в памяти.

Пятно было цвета разбавленного вина, пронизанного светом, цвета арбузного льда или розового турмалина – самого бледного драгоценного камня. Оно было словно цветущая роза. Будто девушка приложила на миг к своей щеке розу, и лепесток оставил свой отпечаток.

Тьерри это пятно казалось прекрасным, потому что оно было частью девушки. Оно было у нее во всех жизнях, кроме первой. Но в то же время при взгляде на него у Тьерри перехватывало горло и сжимались кулаки от горя и беспомощной ярости – ярости против самого себя. Это пятно было его стыдом, его наказанием. Это был его тяжкий крест – видеть, как она, безвинная, годами живет с этим пятном.

Он бы прямо сейчас выпустил из себя всю кровь в эту сухую грязь, лишь бы пятно исчезло. Но с этим ничего нельзя было поделать – ни в Царстве Ночи, ни в человеческом мире за бесчисленные годы поисков он не смог найти никакого средства.

О Богиня, как же он любит ее!..

Он так долго не позволял себе чувствовать это: когда ее не было рядом, это могло свести с ума. Но теперь чувство захлестнуло его так, что он не смог бы противиться ему, если бы и пытался. Его сердце гулко стучало, все тело дрожало. Один лишь вид лежащей так близко девушки, живой и теплой... И разделяло их всего несколько тонких досок и такой тщедушный человеческий мужчина.

Он желал ее. Ему хотелось выдрать эти доски, ворваться в комнату, отшвырнуть в сторону этого рыжего и обнять ее. Он хотел унести ее в ночь, крепко прижимая к сердцу, унести в какое-нибудь укромное место, где никто не сможет найти ее и причинить ей вред.

Но он не мог. Он знал... знал по опыту... что ничего не выйдет. Пару раз он уже делал так, и это ему дорого обошлось. Она умирала с ненавистью к нему.

Он больше не мог так рисковать.

И теперь, этой весенней ночью, на пороге нового тысячелетия, единственное, что оставалось Тьерри, – стоя на коленях за окном, наблюдать за новым воплощением своей единственной любви.

Вначале Тьерри не понимал, что делает здесь его единственная любовь. Люпа сказала ему, что Ханна Сноу посещает психолога. Но только сейчас, прислушиваясь к тому, что происходит в комнате, Тьерри сообразил, чего добивались Ханна и ее врач.

Они пытались вернуть ее память о прошлом. Вернуть с помощью гипноза. Пытались взломать ее подсознание, словно какой-то банковский сейф.

Это было опасно. И не просто потому, что парень, проводивший сеанс, наверняка не понимал, что делает. А оттого, что память Ханны была бомбой замедленного действия, начиненная психическими травмами и знанием, смертельно опасным для любого человека.

Им нельзя было это делать.

Тьерри ощущал, как напряглись его мышцы. Но вмешаться он уже не мог. Он мог только слушать... и ждать.

Медленно и обреченно Пол повторил за нею:

– Он не человек.

– Да. Он Повелитель Царства Ночи. Он могущественный... и злой, – прошептала Ханна. – Он живет тысячи лет. – И почти рассеянно добавила: – А перевоплощалась я.

– Ужас! Да... это нечто.

– Ты не веришь мне?

Пол, похоже, внезапно вспомнил, что говорит с пациентом, причем находящимся под гипнозом.

– Нет, я... я не знаю, чему верить. Если это фантазия, она должна на чем-то основываться, должна быть какая-то психологическая причина, заставившая тебя сочинить все это. Именно ее-то мы и пытаемся найти. Пытаемся выяснить, что она значит для тебя.

Он на несколько секунд задумался, а затем решительно произнес:

– Давай возвратимся к тому времени, когда ты впервые встретила этого парня. Я... я хочу, чтобы ты расслабилась. Ты плывешь в волнах света, и тебе очень хорошо... А теперь я хочу, чтобы ты вернулась назад во времени. Представь, что ты просто листаешь книгу назад. Иди назад, в глубь своего сознания.

Обычное сознание Ханны неожиданно пробудилось и вторглось в происходящее, отсекая ту спящую часть ее разума, которая отвечала на вопросы Пола.

– погоди, я... я не знаю, стоит ли это делать.

Но тут же другая его часть предостерегла ее, что под гипнозом спорить не полагается.

«Хотя, может, это и неважно, – лениво подумала Ханна. – Все равно я сейчас проснусь. Скорее всего, я просто не смогу вернуться назад, как он требует».

– Я хочу, чтобы ты увидела себя пятнадцатилетней. Представь себя пятнадцатилетней. Вернись в то время, когда тебе было пятнадцать. А теперь я хочу, чтобы ты представила себя двенадцатилетней. Мысленно вернись в то время, когда тебе было двенадцать. Теперь иди еще дальше, представь себя в девять лет, в шесть лет, в три года. А теперь еще дальше. Представь себя маленьким ребенком, младенцем. Ты чувствуешь себя очень комфортно и видишь себя крошечным младенцем.

Ханне ничего не оставалось, как повиноваться. И ее сознание демонстрировало ей картинку, в которых годы как бы шли назад. Как будто фильм ее жизни прокручивали в обратную сторону: она становилась все младше и младше и в конце концов сделалась крошечной и голой.

– А теперь, – прозвучал неотвязный монотонный голос, – я хочу, чтобы ты вернулась гораздо дальше. К тому времени, которое было до того, как ты родилась Ханной Сноу. Ты плывешь в волнах красного света, ты совершенно расслаблена, ты направляешься все дальше и дальше... к тому времени, когда ты в первый раз встретила этого человека, о котором ты думаешь как о Тьерри. Каким бы это время ни было, иди назад. Вернись к первоначальному времени.

Ханну стало затягивать в туннель.

Она утратила контроль над ситуацией и очень испугалась. Этот туннель не был похож на тот, предсмертный, о котором ходят слухи. Он был красный, с полупрозрачными стенами, которые пульсировали и светились... туннель, похожий на чрево. И ее тащило, засасывало в него с возрастающей скоростью.

«Нет!» – подумала Ханна.

Но вслух произнести ничего не могла. Все происходило слишком быстро, и она не могла издать ни звука.

– Вернись к первоначальному времени, – звучал нарастающий голос Пола, и его слова отдавались в мозгу Ханны эхом множества шелестящих голосов, как если бы сотни Ханн собрались вместе и с присвистом бормотали: «Первоначальное Время. Первоначальное Время». – Иди назад... и ты начнешь видеть картины. Ты увидишь себя – возможно, в необычном месте. Иди назад и смотри.

Первоначальное Время...

«Нет», – снова подумала Ханна.

Что-то очень глубоко внутри нее со стоном запротестовало: «Я не хочу это видеть».

Но ее продолжало тащить сквозь мягкий красный туннель, все быстрее и быстрее. Она чувствовала, что оставляет позади бессчетные годы. А затем... она ощутила, что достигла какого-то порога своего существования.

Первоначальное Время...

Ханна ворвалась во тьму, выскользнув из туннеля, как арбузное семечко из влажных пальцев.

Тишина. Тьма. А затем – новая картина. Она возникла, развернувшись подобно крошечному листочку, пробившемуся из семени, и стала разрастаться, окружив Ханну со всех сторон. Это было похоже на настоящую сцену из кинофильма – только здесь она сама находилась в центре действия.

– Что ты видишь? – откуда-то, совсем издалека, тихо прозвучал голос Пола.

– Вижу... себя, – ответила Ханна. – Это я... она выглядит точно как я. Вот только родимого пятна нет. – Ханна была страшно удивлена.

– Где ты? Ты видишь, что ты делаешь?

– Я не знаю, где я.

Ханна была сейчас слишком изумлена, чтобы испугаться. Это было так странно... она видела все гораздо яснее, чем любое воспоминание из ее реальной жизни. Она различала в этой сцене малейшие детали. И в то же время все вокруг было совершенно незнакомо ей.

– Что я делаю?... Я держу... что-то. Камень. И я что-то делаю этим камнем с чем-то... чем-то совсем маленьким. – Ханна расстроено вздохнула, а затем добавила: – У меня одежда из шкур животных. Что-то вроде рубашки и штанов... и все из шкур. Это невероятно... примитивно. Пол, позади меня пещера!

– Похоже, ты действительно вернулась далеко.

Голос Пола звучал полным контрастом возбужденному изумлению Ханны. В нем ощущалась явная скука. Казалось, он терпеливо слушал, все это забавляло его, но ему было скучно.

– И... рядом со мной девочка. Она похожа на Чесс. На мою лучшую подругу, Чесс. У нее такое же лицо, такие же глаза. У нее тоже одежда из шкур... что-то наподобие платья из шкур.

– Ага, и все эти подробности возвращения к прошлой жизни описаны здесь, – скривившись, проговорил Пол. Ханна смогла различить, как он перелистнул страницы. – Ты что-то делаешь камнем с чем-то маленьким... Носишь какие-то шкуры... В книге полно таких описаний, когда люди хотят представить себя в древности, но при этом не знают никаких реалий того времени... – пробормотал он себе под нос.

Ханна не стала дожидаться, пока он вспомнит, что говорит с загипнотизированным пациентом.

– Но ты же не сказал мне, чтобы я стала тем, кем была в прошлом. Ты просто попросил меня увидеть прошлое.

– Да? Ну... ладно, тогда стань этим человеком, – небрежно произнес Пол.

Ханну охватила паника.

– Подожди... я...

Но это уже произошло. Ханна стала падать, растворяясь в сцене вокруг себя, которая поглощала ее. Она превращалась в девочку, стоящую возле пещеры.

Первоначальное Время...

Отдаленно она слышала свой собственный шепот:

– У меня есть резец из кремня, чтобы провертеть дырку. Я делаю дырки в зубе полярной лисы.

– Оставайся этим человеком, – машинально повторил Пол все еще скучающим голосом. И вдруг спохватился: – Что?!

– Мать сильно разозлится... Я должна была перебрать фрукты, которые мы запасли прошлой зимой для Праздника Весны. Их осталось не так много, почти все сгнило. А Рэн убил лису и отдал череп Кэт, и мы все утро выбивали из него зубы и делали из них ожерелье для Кэт.

Кэт просто не может без обновки для каждого праздника.

Ханна услышала, как Пол тихо выдохнул:

– О господи...

А затем сглотнул и сказал:

– Подожди... ты ведь хочешь стать палеонтологом, да? Ты много знаешь о древних орудиях...

– Кем я хочу стать? Я собираюсь стать шаманом, как Старая Мать. Я должна выйти замуж, но мне здесь никто не нравится. Кэт продолжает твердить, что я обязательно встречу кого-то на Празднике Весны, но я так не думаю. – Ханна вздрогнула. – Странно... у меня внезапно мороз пошел по коже. Старая Мать говорит, что не видит мою судьбу. Она делает вид, что беспокоиться не о чем, но я знаю, что она беспокоится. Вот почему она хочет, чтобы я стала шаманом, – тогда я смогу защититься, если духи задумали что-то гадкое против меня.

– Ханна, – произнес Пол, – уф... давай просто убедимся, что сможем вытащить тебя из этого, хорошо? Ну, в том случае, если возникнет необходимость. Когда я хлопну в ладоши, ты проснешься и будешь чувствовать себя бодрой и отдохнувшей. Ладно? Идет?

– Меня зовут Хана. – Это было произнесено почти по слогам: «Ха-на». – Я почти проснулась. Кэт смеется, глядя на меня. Она нанизывает зубы на сухожилие. Она говорит, что я грежу наяву. Она права. Я испортила дырку в этом зубе.

– Когда я хлопну в ладоши, ты проснешься. Когда я хлопну в ладоши, ты проснешься... Ты снова будешь Ханной Сноу. – Раздался хлопок. – Ханна, что ты чувствуешь? – Еще один хлопок. – Ханна? Ханна!

– Я – Хана. Хана из племени Речных Людей. Я не знаю, о чем ты говоришь. Я – Хана, и больше никто. – Она застыла. – Погоди... что-то случилось. Какая-то суматоха на реке. Там что-то происходит.

– Когда я хлопну в ладоши... – В голосе Пола звучало отчаяние.

– Ш-ш-ш. Тихо.

Что-то случилось, и она должна увидеть это... должна знать. Она должна встать...

Хана из Триречья встала.

– У реки целая толпа, – сказала она Кэт.

– Может, Рэн упал в воду? – предположила Кэт. – Нет, на это не стоит надеяться. Хана, что мне делать? Он хочет взять меня в жены. Но я не хочу его. Я хочу кого-нибудь интересного, кого-нибудь не такого, как все... – Она расправила наполовину нанизанное ожерелье. – Ну и как?

Хана окинула ее взглядом. Кэт выглядела замечательно: короткие темные волосы, сверкающие раскосые зеленые глаза, загадочная улыбка... Ожерелье получалось необыкновенно красивым. Красные бусины чередовались с тоненькими молочно-белыми зубами.

– Замечательно! Ты разобьешь все сердца на празднике... Я пойду вниз, к реке.

Кэт опустила ожерелье:

– Ну, если ты настаиваешь... подожди меня.

Река была широкой, с быстрым течением, и там, где в нее впадали два притока, она пенилась мелкими белыми бурунчиками. Народ Ханы поселился у слияния трех рек в меловой пещере так давно, что о том, когда это произошло, уже никто не помнил.

Кэт шла следом за Ханой, пробиравшейся к берегу реки сквозь молодые заросли. И тут Хана увидела, из-за чего поднялась суета.

В камышах прятался чужак. Это само по себе было интересно: чужие появлялись здесь редко. Но этот незнакомец не был похож ни на одного из тех, кого Хана когда-либо видела.

– Демон... – в страхе прошептала Кэт.

Перед ними был юноша... несколькими годами старше самой Ханы. При других обстоятельствах его можно было бы даже назвать красивым. У него были очень светлые белокурые волосы – светлее сухой травы в степи, правильные черты лица, высокая гибкая фигура. Его тело прикрывала лишь короткая кожаная набедренная повязка. Летом, когда было жарко, все ходили обнаженными. Но сейчас не лето. Сейчас только весна, и пока еще очень

даже прохладно. Ни один нормальный человек не стал бы ходить без одежды.

Но вовсе не это заставило Хану застыть на месте с бешено колотившимся сердцем. Она даже не могла вдохнуть... Кэт была права – конечно же, это демон!

Его глаза... Они больше походили на глаза рыси или росوماхи, чем на человеческие. Если глядеть прямо в них, казалось, что они отражают бледный солнечный свет. Но если бы только глаза! У него были длинные, изогнутые клыки. С заостренными концами... у людей таких не бывает.

Почти непроизвольно Хана взглянула на лисьи зубы, которые продолжала держать в ладони. Да, у чужака были такие же... только больше.

Он выглядел отвратительно: весь перепачкан засохшей речной грязью, волосы дико взъерошены, безумные глаза бегают по сторонам... Его рот и подбородок были вымазаны кровью.

Припавшего к земле юношу окружили пятеро мужчин из племени Ханы, у одних в руках были копья, другие торопливо схватили камни.

– Конечно же, он демон, – произнес один из них. – У кого еще может быть человеческое тело со звериными глазами и зубами?

– У духа, – сказала Хана. Она даже не успела понять, как у нее вырвались эти слова. Но когда все посмотрели на нее, она добавила: – Неважно, демон он или дух, вам лучше не вредить ему. Это Старая Мать должна решить, что с ним делать. Это дело шамана.

– Но ведь ты не шаман, – возразил один из мужчин.

Это был Арно. Крупный, широкоплечий, он был вожаком охотников. Хана его не любила.

И она сама не понимала, почему встала на защиту чужака. В его глазах что-то было... это был взгляд страдающего животного. Он выглядел таким одиноким и таким испуганным... и, казалось, так страдал от боли, хотя на его теле не было видно ран.

– Она права, нам лучше отвести его к Старой Матери, – сказал один из охотников. – Ну что, стукнуть его по голове и связать? Или просто потащим?

Но в это мгновение Хана услышала высокий тонкий вопль, несущийся над стремительным речным потоком:

– Помогите! Кто-нибудь, помогите! На Райл напали!

Глава 5

Хана повернулась и бросилась к берегу. Кричала женщина по имени Сада, сестра ее матери. Она несла на руках Райл, маленькую двоюродную сестренку Ханы.

Райл была хорошенькой десятилетней девочкой. Но сейчас ее лицо неузнаваемо искривилось от испуга. Ее шея и кожаная туника были измазаны кровью.

– Что случилось? – Хана подбежала к Саде и обняла сестру.

– Она пошла искать молодую зелень... Я нашла ее лежащей на земле... Я подумала, что она умерла! – Лицо Сады искажилось от горя. Она говорила быстро и почти бессвязно. – И посмотрите сюда... посмотрите на шею!

На бледной шейке Райл посередине кровавого пятна Хана заметила две небольшие отметины. Они были похожи на следы острых зубов... но только двух зубов.

– Наверное, это зверь, – выдохнула Кэт из-за спины Ханы. – Но что это за зверь, который кусает только двумя зубами?

У Ханы от дурного предчувствия сжалось сердце. А Сада говорила и говорила...

– Это был не зверь! Она говорит, что это был человек, мальчик! Она говорит, что он швырнул ее на землю и укусил... и что он пил ее кровь! – Сада зарыдала, прижимая к себе Райл. – Почему он так сделал? О, пожалуйста, кто-нибудь, помогите мне! Моя дочь ранена! – Она обхватила руками Райл, а та застыла в ее объятиях с широко раскрытыми, словно остекленевшими глазами.

Кэт робко повторила:

– Мальчик...

Сада сглотнула слезы и сказала:

– Давайте отведем ее к Старой Матери...

И вдруг умолкла, глядя в сторону реки.

Мужчины вели чужака к берегу. Он был растрепанный, перепуганный и сердитый... но когда он увидел Райл, выражение его лица изменилось.

Он уставился на нее, и его взгляд стал тоскливым и тревожным, как у раненого животного. Хане показалось, что ему было тяжело глядеть на девочку, но он неотрывно смотрел на ее горло.

А потом он отвернулся, закрыл глаза и спрятал лицо в ладонях. Каждое его движение выдавало страдание.

Хана в ужасе переводила взгляд с девочки, у которой горло было в крови, на незнакомца, чей рот был испачкан кровью. Все было ясно без слов. И все это понимали.

«Но почему? – думала Хана, ощущая головокружение и тошноту. – Почему ему захотелось выпить крови? Ни одно животное и ни один человек так не делают».

Значит, он и правда демон.

Арно отделился от толпы и подошел к пострадавшей. Осторожно взяв Райл за подбородок, он повернул ее голову к незнакомцу:

– Это он напал на тебя?

Райл ошарашенно уставилась прямо перед собой... а затем к ней словно возвратилось зрение. Ее зрачки расширились, и она взглянула в лицо незнакомца.

И тут она завизжала.

Она визжала и визжала, закрывая глаза руками. Ее мать зарыдала, обхватила девочку и начала укачивать, словно младенца. Мужчины, охваченные ужасом, подняли возмущенный крик, толкая копьями чужака. Все эти звуки, сливаясь вместе, отдавались в голове Ханы жуткой какофонией.

Она почувствовала, что дрожит. Почти машинально Хана протянула руку к маленькой Райл, желая ее успокоить. Кэт плакала. Сада причитала, прижимая к себе свое дитя. Услышав шум, из пещеры с пронзительными криками к ним устремились люди.

А незнакомый юноша, окруженный толпой, стоял с закрытыми глазами, и лицо его застыло от горя, словно маска.

Голос Арно разнесся над долиной, перекрывая шум:

– Мы, охотники, знаем, что с ним делать. Это больше не касается шаманов! – Выкрикивая это, он глядел на Хану.

Хана оглянулась. Ей нечего было сказать. Появление чужака взволновало ее... и она беспокоилась о нем. Он ранил ее двоюродную сестру... но он был такой жалкий, такой несчастный.

«А может, он не смог ничего с собой поделать? – внезапно пришло ей в голову. Это было проявлением того инстинкта, который заставил Старую Мать сказать, что Хана должна стать шаманом. – Может быть... может, он не хотел делать этого, но что-то заставило его. И теперь ему стыдно, и он жалеет об этом. Может... о, я не знаю!»

– Вы не можете просто убить его! – воскликнула Хана, надеясь, что сумеет объяснить всем то, что открылось ей. – Вы должны отвести его к Старой Матери.

– Это не ее дело!

– Это ее дело, если он демон! Ты просто вожак охотников, Арно. Твое дело – охотиться. А Старая Мать – духовный вождь.

– Что ж, прекрасно, – сказал Арно. Его лицо стало непроницаемым и сердитым. – Мы отведем его к Старой Матери.

Подталкивая юношу копьями, мужчины повели его внутрь пещеры. К этому времени вокруг уже собралось почти все племя. И пещера заполнилась тревожным гулом.

Старая Мать была самой старшей женщиной рода – прабабушкой Ханы, и Райл, и почти всех остальных. Ее лицо покрывали глубокие морщины, а тело высохло, как ивовый прут. Но ее темные глаза горели молодым огнем и светились мудростью. Она была шаманом рода. Она общалась с Богиней Земли – со Светлой Матерью, Дающей Жизнь, которая была выше всех других духов.

Старая Мать серьезно выслушала всю историю, сидя на своей кожаной подстилке, а все остальные сгрудились вокруг нее. Хана вместе с Райл, устроившейся у нее на коленях,

незаметно подвинулась поближе к Старой Матери.

– Они хотят убить его, – прошептала она на ухо старой женщине, когда рассказ был окончен. – Но взгляни ему в глаза. Я знаю, он огорчен, и я думаю, что он, может быть, и не хотел навредить Райл. Ты можешь поговорить с ним, Старая Мать?

Старая Мать знала множество языков, в молодости она побывала в разных краях. Она заговорила с юношей, но после нескольких попыток покачала головой.

– Демоны не говорят на человеческом языке, – презрительно бросил Арно.

Он стоял наготове, выставив копьё, хотя чужой юноша, сидевший на корточках перед Старой Матерью, не выказывал никакого намерения сбежать.

– Он не демон, – сказала Старая Мать, сурово взглянув на Арно. И медленно добавила: – Хотя, конечно, и не человек. Я не знаю, кто он. Богиня никогда не говорила мне о таких людях.

– Значит, Богине это неинтересно, – пожал плечами Арно. – Пусть тогда охотники позаботятся о нем.

Хана вцепилась в худое плечо старой женщины.

Старая Мать накрыла руку Ханы своей смуглой ладонью. Ее темные глаза были мрачными и печальными.

– Единственное, что нам известно, – это то, он несет с собой беду, – тихо произнесла она. – Прости, дитя, но думаю, что Арно прав. – Старая Мать повернулась к Арно: – Уже темнеет. Нам лучше запереть его где-нибудь на ночь, а утром решим, что с ним делать. Может быть, Богиня скажет мне что-нибудь о нем, когда я буду спать.

Но Хана все поняла. Она видела лицо Арно, когда он с другими охотниками уводил юношу.

И она слышала, с какой холодной злостью перешептывались остальные члены племени.

Утром чужак умрет. Похоже, Арно добьется своего.

Возможно, чужак заслуживает такого конца. И Хане стоит забыть о нем. Но этой ночью, лежа на кожаной подстилке под теплой меховой шкурой, она никак не могла заснуть.

Казалось, будто сама Богиня подсказывала ей: что-то происходит неправильно. Нужно что-то сделать. И кроме Ханы этого не сделает никто.

Хана не могла забыть полный раскаяния взгляд чужака.

А если... если он уйдет куда-нибудь далеко... тогда он не сможет вредить людям... Далеко в степях люди не живут. Может, именно этого хочет Богиня. А вдруг это существо забрело сюда из мира духов и Богиня рассердится, если его убьют?

Хана ничего еще не знала. Ведь она еще не была шаманом. Она лишь понимала, что ей жалко этого юношу и что она не в силах больше бездействовать.

Незадолго до рассвета она встала и тихо пробралась в глубь пещеры. Там она взяла бурдюк с водой – из тех, что хранились про запас, – и несколько черствых лепешек, какие обычно брали с собой в дорогу. А затем подползла к той стороне пещеры, где держали пленника.

Охотники соорудили в углу пещеры нечто вроде ограды из веток и костей, связанных веревками, – наподобие той, за которой держали пойманных животных. Пленника сторожил охотник с копьем в руках. Прислонившись к стене пещеры, он спал с открытым ртом.

Хана осторожно проскользнула мимо него. Ее сердце билось так гулко, что ей казалось: сейчас охотник услышит и проснется. Но он даже не пошевелился.

Медленно и осторожно Хана вытащила из ограды несколько колев. Из темноты на нее глядели глаза, в которых отражался свет пламени. Хана прижала палец к губам, подавая знак молчать, а затем махнула рукой.

И только сейчас она поняла, как опасно то, что она делает. Она позволяет чужаку выйти... а ведь он может броситься сейчас прямо в пещеру, схватить кого-нибудь и укусить! И ничто не остановит его!

Но юноша ничего подобного не сделал. Он даже не шевельнулся. Он просто сидел и глядел на Хану сверкающими глазами.

«Он не собирается выходить, – дошло до Ханы. – Он не выйдет».

Она опять махнула рукой, еще настойчивее.

Юноша продолжал сидеть. Глаза Ханы уже привыкли к темноте, и сейчас она смогла

различить, что он качает головой. Он решил остаться здесь и позволить себя убить.

Хана разозлилась.

Опасаясь, что ограда может сейчас развалиться, она ткнула пальцем в чужака, а затем резким жестом указала ему на выход.

«Ты... – вон отсюда!» – означал этот жест.

Она вложила в него всю властность потомка Старой Матери, властность женщины, которой в один прекрасный день предстояло стать духовным вождем племени. И когда чужак все же не подчинился ей, она протянула к нему руку.

Это испугало его. Юноша отпрянул назад; казалось, ее жест встревожил его гораздо больше, чем все происходившее до сих пор. Похоже, он боялся, что она прикоснется к нему.

«Он боится, что может причинить мне вред», – подумала Хана.

Опять новое знание возникло словно извне. Но девочка не стала терять время, размышляя над этим. Она просто навязала ему свою волю.

Она вытолкала пленника на середину пещеры и повела к выходу. Они крались вдоль стены, бесшумно, словно тени. Хана не сомневалась, что их могут схватить в любую минуту. Но все обошлось.

Когда они выбрались наружу, Хана повела его к реке.

Затем она указала ему вниз, по направлению течения. Она вложила ему в руки лепешки и бурдюк с водой и резко махнула рукой вдаль, что означало: «Убегай, быстро! Убегай очень далеко. Очень, очень далеко!» А потом стала показывать жестами, что сделает Арно своим копьем, если только юноша вернется назад, но вдруг заметила, как он смотрит на нее.

Луна уже поднялась высоко и светила так ярко, что Хана могла различить каждую черту лица незнакомца. Он смотрел на нее неотрывно, со спокойной сосредоточенностью животного, вышедшего на охоту... хищного животного.

Хана перестала жестикулировать. Неожиданно все пространство вокруг пещеры стало каким-то огромным, и она почувствовала себя очень маленькой. С особой ясностью она различала ночные звуки, кваканье лягушек, шорох речного тростника.

«Я не должна была приводить его сюда. Мы здесь совсем одни. И о чем только я думала?»

Они долго стояли, молча уставившись друг на друга. Глаза чужака были очень темными, и в них ощущалась такая же непостижимость и вечность, как и во взгляде Старой Матери. Хана заметила, какие длинные у него ресницы, и вновь подумала о том, что чужак очень красив.

Он перевел взгляд на тряпицу, в которую была завернута пища, и вдруг бросил ее на землю вместе с бурдюком. А потом вздохнул.

Хана рассвирепела. Страх ее сменился досадой. Что он делает? Может, он думает, что она собирается отравить его? Она подняла сверток с едой, отломала кусочек лепешки и положила его в рот. Прожевав его, она снова протянула лепешку юноше. Жестом указала на нее, а затем на его рот и громко сказала:

– Тебе нужна пища. Ешь! Ешь!

Он серьезно посмотрел на Хану. Потом взял хлеб, прикоснулся к своему рту и покачал головой. Лепешка опять упала к его ногам.

Он давал понять, что эта пища не для него. Хана поразилась... Она все поняла. С ужасом уставилась она на странного юношу.

Пища – это для него не еда, а вода – не питье... Но кровь Райл... он пил ее.

Кровь – вот что было для него и едой и питьем!

...И опять наступило долгое молчание. Хана совсем испугалась. У нее дрожали губы, на глаза навернулись слезы. Чужак все еще продолжал спокойно глядеть на нее, и она видела, как его клыки впились в нижнюю губу, а в глазах отразился лунный свет.

Он смотрел на ее горло.

«Мы здесь совсем одни... в любой момент он может напасть на меня, – думала Хана. – Он может напасть прямо сейчас. Он выглядит очень сильным... Но, мне кажется, он не тронет меня... Даже если будет умирать от голода. И он выглядит таким огорченным, таким печальным... и таким голодным!»

Мысли Ханы падали и уплывали куда-то вдаль, будто куски коры, брошенные в реку. У нее сильно кружилась голова.

«...Он ранил Райл... но не убил... Райл сидела и ела, как обычно, и потом спокойно уснула... Старая Мать сказала, что с ней будет все хорошо.

Если он не убил ее, то не убьет и меня!»

Хана сглотнула. Она смотрела на странного юношу со сверкающими глазами зверя. Он явно не собирается делать ни одного движения в ее сторону, хотя по его телу пробегала сильная дрожь и он не мог отвести взгляда от ее шеи.

«Что же сделать, чтобы он не умер от голода? Поблизости нет никакого другого племени... Ему все равно придется вернуться назад. И я была права: он не хочет пить кровь, но ему приходится. Может быть, кто-то наложил на него заклятье и он умрет, если не будет ее пить.

Никто, кроме меня, не поможет ему».

Очень медленно, не спуская глаз с чужака, Хана подняла волосы и открыла шею. А затем слегка откинула голову назад, обнажив горло.

Глаза юноши зажглись голодным огнем, но тут же в них вспыхнуло что-то настолько жаркое, что оно поглотило голод. Его глаза загорелись гневом и возмущением. Теперь он не отрываясь глядел не на шею Ханы, а прямо ей в лицо. И, пристально уставившись ей в глаза, отчаянно качал головой.

Хана прикоснулась к своей шее, потом к своему рту, а затем несколько раз взмахнула рукой, указывая вдаль: «Ешь! И уходи!»

«И, ради Богини, скорее, – подумала она, закрывая глаза. – Прежде, чем я испугаюсь и передумаю».

Хана заплакала, не сумев сдержаться. Она стояла и ждала, сжав кулаки и сцепив зубы, упорно стараясь не изменить своего решения.

И тут он впервые прикоснулся к ней. Он прикоснулся к ее руке.

Хана открыла глаза. Чужак смотрел на нее с такой безграничной печалью. Он мягко разжал ее кулак и поцеловал ее руку. У людей это считалось жестом благодарности... и уважения.

По всему телу Ханы пробежала волна удивительной дрожи, похожей на озноб, только теплой. Она ощутила необычную легкость в голове и слабость в ногах. Это было чувство благоговения и удивления, которое возникало у нее, лишь когда Старая Мать учила ее общаться с Богиней.

Она заметила, что взгляд чужака тоже поразительно изменился. Он испытывал те же чувства, что и Хана, и они были для него так же новы. Хана знала это. Но затем он быстро отпустил ее руку, и она поняла, что он испугался. Это новое чувство было опасным – оно притягивало их друг к другу.

Еще одну долгую минуту они стояли рядом, и Хана видела лунный свет в его глазах. Потом он повернулся и пошел прочь.

Хана смотрела ему вслед. Она знала, что он собирается умереть, и у нее сжималось горло. Такой щемящей тоски она еще никогда не испытывала. Она продолжала стоять с высоко поднятой головой, но по ее щекам бежали слезы. Она не понимала, что с ней происходит... и ей было так больно. Словно она потеряла что-то... что-то очень дорогое... так и не узнав его.

Будущее казалось теперь таким мрачным. Таким пустым. И таким одиноким.

– Ханна! Ханна! Проснись!

Кто-то звал ее, но голос доносился не из пещеры. Он звучал... издали... казалось, отовсюду. А может быть, прямо с неба.

И этот голос называл ее имя неправильно.

– Ханна, проснись! Пожалуйста! Открой глаза! – отчаянно звал отдаленный голос.

А затем прозвучал другой голос, спокойный и уверенный. Казалось, он задел какую-то струну глубоко внутри Ханы. Голос этот был почти не похож на посторонний звук – он возник в ее сознании.

– Ханна, вернись. Тебе вовсе не надо переживать все это заново. Проснись. Вернись, Ханна, – сейчас же.

Хана из Триречья закрыла глаза и с трудом шевельнулась.

Глава 6

Ханна открыла глаза.

– Ну, слава богу! – воскликнул Пол. Он едва не плакал. – Слава богу! Ты видишь меня? Ты знаешь, кто ты?

– Я вся мокрая, – медленно проговорила Ханна, удивленно оглядывая себя.

Она прикоснулась к лицу. С волос капало. Рядом стоял Пол, держа в руке стакан с водой.

– Почему я мокрая?

– Я пытался разбудить тебя. – Пол опустился на пол рядом с кушеткой. – Ты помнишь, как тебя зовут? Какой сейчас год?

– Меня зовут Ханна Сноу, – ответила Ханна. Тело ее все еще было странно невесомым. – Сейчас... – Сквозь затуманенное сознание к Ханне внезапно вернулась память. Она села выпрямившись, и слезы потекли из ее глаз. – Что все это было?

– Я не знаю, – прошептал Пол. Он опустил голову и взглянул на нее исподлобья. – Ты просто говорила... ты рассказывала эту историю, как будто находилась там... Как если бы все это происходило с тобой в действительности. И я ничего не мог сделать, чтобы вывести тебя из транса. Я испробовал все... я уже думал, что ты никогда не придешь в себя. А потом ты стала рыдать, и я не мог тебя остановить.

– Я ощущала все так, как если бы это действительно происходило со мной, – сказала Ханна.

У нее болела голова, все тело ломило от напряжения. А воспоминания были совершенно реальными, принадлежащими только ей... и при этом абсолютно невероятными.

– Это не было похоже ни на одно из «воспоминаний о прежней жизни», о которых я когда-либо читал, – взволнованно проговорил Пол. – Подробности... ты знала все. Ты когда-нибудь изучала... могла ли ты каким-нибудь образом узнать обо всех этих деталях?

– Нет. – Ханна еще не могла справиться с возбуждением. – Я никогда не увлекалась каменным веком... и все это было таким реальным. Я вовсе не выдумала эту историю.

И они заговорили одновременно, перебивая друг друга.

– Этот парень... – спросил Пол, – это тот самый, кого ты боишься? Но, послушай, видишь ли, воспоминание о прошлом – это одно... а перевоплощения – это другое... но это же безумие.

– Я не верю в вампиров, – тем временем говорила Ханна. – Ведь тот парень, наверное, был вампиром? Конечно, был. Пещерный вампир. Возможно, один из первых... Но я не верю в перевоплощения.

– Это просто обычное безумие. Это безумие.

– Согласна.

Они перевели дух, глядя друг на друга. А потом надолго умолкли.

Ханна приложила руку ко лбу:

– Я... действительно устала.

– Да. Да. Я понимаю. – Пол зачем-то оглядел комнату, покачал головой и поднялся. – Ну, сейчас тебе лучше всего отправиться домой. Мы поговорим обо всем позже, выясним, что все это на самом деле означает. Какая-то подсознательная фиксация... архетипический символ... и тому подобное. – Он выдохнул и покачал головой. – Ну, ты в порядке? Не будешь переживать? Поверь, тебе совершенно не о чем беспокоиться.

– Я знаю. Знаю.

– По крайней мере, мы оба понимаем: на тебя не нападут вампиры. – Пол рассмеялся, но смех его прозвучал как-то неестественно.

Ханна не смогла выдавить из себя даже улыбку.

– Знаешь, наверное, я провожу тебя, – после недолгого молчания проговорил Пол. – Так будет лучше. Вроде неплохая мысль.

– Прекрасно, – прошептала Ханна.

Он протянул ей руку и помог встать с кушетки.

– Извини, что пришлось облить тебя водой.

– Нет. Все правильно. Я чувствовала себя так плохо... и знала, что дальше меня ждало

что-то еще худшее. Просто ужасное... Настоящий кошмар.

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю. Но это произошло.

Пол проводил ее до самого порога, и Ханна была искренне благодарна ему за это.

Прямо из прихожей она направилась в кабинет матери. Это была уютная комната, хотя в ней царил беспорядок: на полу валялись груды книг, повсюду были разбросаны инструменты палеонтолога. Мать Ханны сидела у своего рабочего стола, склонившись над микроскопом.

– Это ты, Ханна? – спросила она, не поднимая головы. – Я тут обнаружила секции хаверсовых каналов в костях утконосного динозавра. Очень любопытно. Хочешь взглянуть?

– Ну... не сейчас. Может, позже, – ответила Ханна.

Ей так хотелось рассказать матери о том, что произошло, но она сдержалась. Ее мать была такой здравомыслящей, такой практичной и такой умной...

«Она решит, что я сошла с ума. И будет права. А потом испугается и будет все время думать, как это вышло, что она родила ненормальную дочь».

Конечно, это было преувеличением, но все же Ханна почему-то не могла заставить себя рассказать обо всем. С тех пор как пять лет назад умер ее отец, они с матерью очень сблизились и больше походили на подруг... Но это вовсе не означало, что Ханна не нуждалась в ее одобрении. Ей так хотелось, чтобы мама гордилась ею и считала, что Ханна может сама со всем справиться.

То же самое касалось и записок – Ханна никогда не рассказывала о них. Единственное, о чем мама знала, – это о ее ночных кошмарах.

– Ну, как прошел вечер? – спросила она, не отрывая глаз от микроскопа. – Этот доктор Уинфилд слишком молод... надеюсь, он достаточно опытен?

«Последний шанс. Решайся».

– Все прекрасно, – слабым голосом произнесла Ханна.

– Хорошо. Цыпленок на сковородке. Я скоро присоединюсь к тебе. Сначала хочу закончить с этим.

– Ладно. Замечательно. Спасибо. – Ханна повернулась и вышла.

Ноги ее чуть дрожали. Она расстроилась окончательно.

«Ведь ты же знаешь, мама на самом деле не испугается, – распекала она себя, выуживая кусок цыпленка из сковородки. – Поэтому расскажи ей. Или позови Чесс и расскажи ей. Они лучше разберутся во всем. Они скажут тебе, что все это совершенная чепуха – все эти вампиры, прошлые жизни... Да, ну и проблема!»

Ханна замерла, зажав в руке вилку с надкушенным кусочком цыпленка.

«Я не верю в вампиров и в перевоплощения. Но я знаю, что видела это. Я знаю о Хане такое, чего даже не было в той истории, что я рассказывала Полу. Хана носила тунику и штаны из сыромятной оленьей кожи. Она ела мясо диких антилоп и кабанов, а еще – лососей и лесные орехи. Я знаю, что она делала разные орудия из лосиных рогов, оленьих костей и кремня... О боже, я могу найти кусок кремня и прямо сейчас сделать из него нож или скребок. Я знаю, что смогу. Мои руки помнят, как это делать».

Ханна положила вилку и посмотрела на свои руки. Они слегка дрожали.

«И я знаю, что у нее был красивый певучий голос, чистый, как кристалл... Как тот кристально-прозрачный голос, что звучал в моем сознании. И что же я сделаю, когда они скажут мне, что все это невозможно? Соглашусь с ними? Тогда я действительно окажусь сумасшедшей, как все эти психи в клиниках, которые считают себя Наполеонами или Клеопатрами.

Боже, надеюсь, что я не была Клеопатрой!»

Ханна закрыла лицо руками, не зная, плакать ей или смеяться.

«А как же быть с ним?»

Белокурый незнакомец с бездонными глазами. Парень, имени которого Хана даже не знала, но Ханне он был известен как Тьерри.

Если все происходящее реально, то что происходит с ним теперь?

«Он – тот, кого я боюсь, – подумала Ханна. – Но он не выглядел столь плохим. Он был

опасен, но не зол. Так почему же я думаю о нем, как о каком-то дьяволе? И почему меня к нему все равно тянет?»

Потому что ее тянуло к нему и тогда. Она вспомнила, что ощущала Хана, когда в лунном свете стояла рядом с тем юношей. Смущение... страх... и влечение. Какая-то магнетическая связь, возникшая между ними. И то удивительное чувство, когда он прикоснулся к ее руке...

Он пришел к Триречью и перевернул ее жизнь вверх дном... Три Реки.

«О боже, почему я не вспомнила об этом раньше? Записка. В одной из записок было: *«Вспомни о Трех Реках»*. Ладно. Вспомнила. И что дальше?»

Ханна не знала, что и думать. Может, тот, кто водил ее рукой, предполагал, что если она вспомнит обо всем сейчас, то поймет, что делать дальше... но она не знала. Сейчас она была охвачена еще большим замешательством.

Слабый голос, возникший в ее мозгу смутным дуновением холодного ветра, прошелестел:

«Ты вспомнила не все. Ведь так? Пол разбудил тебя прежде, чем ты узнала обо всем до конца».

– Заткнись, – оборвала его Ханна.

Но она не могла отбросить мысли о случившемся. Весь вечер она беспокойно бродила по комнатам, избегая расспросов матери. И даже после того, как та отправилась спать, девушка продолжала бесцельно бродить по дому, то перебирая книги, то переставляя на полках разные безделушки.

«Мне нужно заснуть. Это должно помочь, и мне станет легче», – думала Ханна. Но она не могла заставить себя не то что лечь, а даже присесть.

«Может, выйти на свежий воздух?»

Это было странное желание. Ханна никогда не ощущала необходимости выйти из дому с единственной целью – подышать свежим воздухом. Но сейчас будто что-то толкало ее, вытаскивая наружу. Что-то принуждало ее, и она не могла этому противиться.

«Я только выйду на заднее крыльцо. Мне ничего не грозит. И если я выйду, то смогу убедиться в этом. И потом смогу заснуть».

Не переставая убеждать себя в логичности этого довода, Ханна открыла дверь.

Ночь была прекрасной. Луна серебряным сиянием освещала все вокруг до самого горизонта. Двор позади дома сливался с травами прерии. Ветер доносил чистый пряный запах шалфея.

«Скоро распустятся цветы, – подумала Ханна. – Астры, и колокольчики, и маленькие желтые лютики. Все вокруг станет зеленым... Весна – это время жизни, а не смерти. Как хорошо, что я вышла из дома. Мне сейчас гораздо спокойней. Теперь можно вернуться и лечь...»

И в этот миг Ханна почувствовала, что за ней наблюдают.

Именно это ощущение и преследовало ее неделями: будто за ней из темноты неотрывно следят чьи-то глаза. Холодная дрожь пробежала по ее телу.

«Только без паники, – приказала она себе. – Это всего лишь ощущение. Здесь наверняка никого нет».

Она отступила назад, к двери, намеренно стараясь двигаться не слишком быстро. Она была почему-то убеждена в том, что нельзя поворачиваться и бежать. Иначе тот, кто наблюдает за ней, выскочит и настигнет ее прежде, чем она успеет открыть дверь.

Осторожно поворачиваясь, Ханна прислушивалась и вглядывалась в темноту так напряженно, что ей показалось, будто она разглядела какие-то серые пятна и услышала, как что-то тоненько звенит. Она отчаянно пыталась уловить какой-то признак движения, еще какой-то звук. Но вокруг все было спокойно, и лишь издали доносился обычный уличный шум.

А затем Ханна увидела тень.

Черную тень в светлом сумраке ночи, которая двигалась среди высоких стеблей травы. Большая, высокая тень. Совсем непохожая на тень кошки или другого животного. Большая тень, ростом с человека.

И она приближалась...

Ханне показалось, что она теряет сознание.

«Не будь душой! – прозвучал у нее в голове резкий голос. – Ступай в дом. Ты стоишь здесь, освещенная светом из окон, как настоящая мишень. Быстро зайди внутрь и запри дверь».

Ханна засуетилась, понимая, что все равно может не успеть. На нее просто прыгнут сзади... Просто...

– Подожди, – раздалось из темноты. – Пожалуйста, подожди.

Мужской голос. Незнакомый. Но, казалось, он овладел Ханной и удерживал ее на месте.

– Я не причиню тебе вреда. Обещаю.

«Беги, беги, беги!» – торопил Ханну ее рассудок.

Очень медленно, держась за дверную ручку, Ханна повернулась к говорившему и увидела, как из тени выходит темная фигура и приближается к ней. Больше она не пыталась убежать. У нее появилось головокружительное ощущение, что судьба настигла ее.

К дому вел покатый склон, поэтому в свете, падающем из окон, Ханна увидела вначале ботинки, а затем ноги в джинсах. Обыкновенные ботинки, какие носит любой парень. Обычные джинсы... длинные ноги. Он был высоким.

Затем свет упал на его рубашку – обычную футболку, может быть слишком легкую, чтобы бродить в ней прохладными ночами... но в общем ничего страшного. А затем Ханна увидела его плечи – великолепные плечи.

И когда он подошел к крыльцу, Ханна увидела его лицо.

Он выглядел лучше, чем тогда, в прошлый раз. Светлые белокурые волосы не спутаны беспорядочно, а аккуратно зачесаны назад. И он не был выпачкан в грязи, и глаза не были испуганными и дикими. Они были темными и бесконечно печальными – Ханну будто ударило ножом в сердце.

Несомненно, это был тот самый юноша из ее гипнотического сна.

– О господи, – произнесла Ханна. – О господи... – У нее подкашивались ноги.

Это правда. Это правда. Он стоит перед ней, и это означает... что все, что случилось с ней, правда.

– О господи! – Ее била сильная дрожь, и она пыталась сжать вместе колени, чтобы удержаться на ногах.

Все вокруг изменилось, и никогда еще Ханна не испытывала такого потрясения. Будто все устои ее мира пошатнулись... Действительность расплывалась и преображалась, пытаясь вобрать в себя новую правду. А прежний мир исчез.

– Ты в порядке? – Незнакомец сделал движение в ее сторону, но Ханна инстинктивно отпрянула.

– Не прикасайся ко мне! – выдохнула она с трудом, и в этот же миг ноги отказали ей.

Она скользнула вниз, опустившись на крыльцо, и уставилась на молодого человека, который опустился на землю рядом. Его лицо оказалось сейчас прямо перед ней.

– Извини, – почти прошептал он. – Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Ты ведь только сейчас обо всем догадалась, да?

– Это все правда, – еле слышно проговорила Ханна.

– Да.

Его темные глаза были так печальны!

– Это... У меня были прошлые жизни.

– Да. – Он опустил взгляд, словно больше не мог глядеть ей в глаза.

Потом поднял камешек и уставился на него. Ханна отметила, что у незнакомца длинные и чувствительные пальцы.

– Ты – Древняя Душа, – сказал он спокойно. – У тебя было много жизней.

– Я была Ханой из Триречья.

– Да. – Он перестал вертеть камень.

– А ты – Тьерри. И ты...

Он не поднимал глаз:

– Продолжай. Произнеси это.

Но Ханна не могла. Голос не слушался ее. Незнакомец – Тьерри – произнес это вместо нее:

– Вампир. Вампиры действительно существуют. – На Ханну смотрели бездонные глаза. –

Извини.

Она вздохнула и посмотрела на него. Но мир вокруг уже обрел прежние очертания, а ее сознание – ясность.

«По крайней мере, я знаю, что не сошла с ума, – размышляла она. – Хоть какое-то утешение... Это весь мир сошел с ума, но не я. И теперь мне нужно с этим разобраться... не знаю, правда, как».

– Ты собираешься убить меня?

– Боже... нет! – Тьерри вскочил на ноги. Его лицо исказилось. – Ты не понимаешь... Я никогда не причинял тебе вреда. Я... – Он внезапно умолк. – Даже не знаю, с чего начать.

Ханна сидела молча, пока он собирался с мыслями. Она чувствовала, что сердце словно бьется у нее в горле. Ведь она сказала Полу, что этот парень убил ее и всегда убивал. Но его потрясенный взгляд был таким искренним... будто она нанесла ему ужасную рану, всего лишь допустив это.

– Наверное, вначале я помогу тебе вспомнить, кто я такой, – проговорил он, – и что я сделал. Я заставил тебя сегодня ночью выйти наружу. Я повлиял на тебя. Я не хотел это делать, но мне нужно поговорить с тобой.

– Повлиял на меня?

Мысленно. Я могу общаться и таким образом, – прозвучал его голос, но губы даже не шевельнулись.

Это был тот самый голос, который она услышала в конце сеанса гипноза и который не был голосом Пола. Он звучал в ее голове: «Ханна, вернись. Тебе вовсе не надо переживать все это заново».

– Так это ты разбудил меня, – прошептала Ханна. – Я бы не вернулась назад, если бы не ты.

– Я просто не мог смотреть, как ты страдаешь.

«Может ли существо с такими глазами быть злым?»

Конечно, в отличие от нее он не был человеком, каждое его движение выказывало грацию хищника. Ханна вспомнила волков – их движения были плавными. Такими же, как у него. Его мышцы будто струились под кожей. Это было как-то неестественно... но красиво.

Внезапно ее осенило: «Волки! Я взяла серебряную рамку для фотографии, чтобы ударить их... Серебро!»

Ханна взглянула на Тьерри.

– Волки-оборотни тоже... существуют. – В последний миг в ее голосе прозвучало утверждение, а не вопросительная интонация.

– На самом деле существует очень многое, о чем ты не знаешь. Или о чем уже не помнишь. Ты начала вспоминать обо всем у этого врача, мозгоправа, как вы его здесь называете. И ты сказала, что я был властелином Царства Ночи.

Царство Ночи! При одном лишь упоминании о нем все тело Ханны словно пронзило молнией. Она почти все вспомнила... Почти...

И она понимала, что это безумие – беззаботно сидеть на крыльце и беседовать. Беседовать с вампиром. С парнем, каждый жест которого выдавал в нем охотника. И не просто с вампиром, но с существом, о приближении которого подсознание предупреждало ее на протяжении многих недель. Оно убеждало ее, что нужно опасаться его... очень опасаться!

Почему же тогда она не убегает? Ну... во-первых, она не в состоянии даже подняться. А во-вторых...

она почему-то не может оторвать взгляд от этого парня.

– Один из тех оборотней был послан мной, – спокойно произнес Тьерри. – Эта волчица пришла сюда, чтобы найти тебя... и защитить. Ведь не я один ищу тебя.

«Защитить меня... Значит, я была права, – подумала Ханна. – Серая волчица была на моей стороне».

– А кто еще ищет? – спросила она.

– Другой Ночной обитатель. – Тьерри глядел в сторону. – Еще один вампир.

– А я Ночной обитатель?

– Нет. Ты человек, – произнес он таким напряженным тоном, будто и с этим было связано

нечто ужасное. – Древние Души – это люди, которые возвращаются.

– И сколько раз я возвращалась?

– Я не... Нужно подумать... Довольно много.

– И ты каждый раз был вместе со мной?

– Всегда, когда мне удавалось.

– Что означают все эти записки? – Ханна задавала вопросы все быстрее и быстрее и теперь почти выстреливала ими в Тьерри, как из ружья. Ей казалось, что она держит себя в руках, и она почти не замечала истерических ноток, появившихся в ее голосе. – Почему я говорю себе, что умру, прежде чем мне исполнится семнадцать?

– Ханна... – Он протянул руку, чтобы успокоить ее.

Ее рука рефлекторно дернулась, чтобы оттолкнуть его, но их пальцы соприкоснулись... И весь мир вокруг исчез...

Глава 7

Это было похоже на удар грома среди ясного неба.

«Я знаю тебя!»

Словно она блуждала где-то в темноте, слепая и одинокая, но внезапно все вокруг осветила яркая вспышка и Ханна смогла увидеть то, чего никогда прежде не знала. Ее била дрожь, и она почти падала на Тьерри, а его притягивало к ней. Каждой своей клеточкой Ханна чувствовала, как ее тело сотрясают мощные волны неистовых, яростных эмоций.

– Ты должен был давно быть здесь! – задыхаясь, вымолвила она. – Где ты был?

«Ты должен был быть со мной... все это время! Ты – часть меня, часть, которой мне всегда смутно недоставало. Ты должен был находиться поблизости, помогать мне, поддерживать, когда я оступалась. Ты должен был охранять меня, неотступно следуя за мной, и выслушивать меня. Понимать то, чего я не хотела рассказывать другим людям. Любить меня, глупую. Позволить мне заботиться о тебе так, как Богиня предназначила женщинам».

– Ханна...

Ханна уловила его мысленный вздох и поняла, что сейчас они каким-то образом связаны. Они могут слышать мысли друг друга.

«О господи!» – подумала она, не успев изумиться. Но гнев по-прежнему захлестывал ее.

«Ты мой товарищ. Мой партнер. Без тебя не может свершиться таинство. Мы предназначены друг для друга... но тебя здесь не было.»

Последнюю мысль Ханна направила прямо ему. И, почувствовав, как эта мысль ударила его, она ощутила ответную реакцию.

«Я пытался.»

Он был ужасно испуган... охвачен чувством вины. Но Ханна тут же ощутила, что это состояние почти никогда не покидало его и что он надеялся услышать от нее эти слова. А за его страхом скрывались удивление и растущая радость, и это Ханна тоже почувствовала.

– Ты знаешь меня, да? – тихо спросил Тьерри. Будто все еще не веря, он отстранил ее от себя, чтобы взглянуть ей в лицо. – Ты помнишь... Ханна, как много ты помнишь?

Ханна глядела на него, внимательно всматриваясь...

«Да, я помню эту фигуру. И глаза... особенно глаза...»

Так брошенный ребенок, нашедший своего брата или сестру, выискивает знакомые черты на незнакомом лице, рассматривает каждую из них, с удивлением узнавая.

– Я помню... кем мы были друг для друга. Мы были... родственными душами, – медленно выговорила Ханна.

– Да, – с благоговейным трепетом прошептал он. Черты его лица смягчились, выражение глаз изменилось, из них ушла та безнадежная печаль, которая, казалось, никогда не покидала их. – Родственными душами. Духовными супругами. Мы были предназначены друг другу. Мы должны были быть вместе все эти века.

Сейчас они поддерживали друг друга: Ханна – стоя на коленях на крыльце, а Тьерри – опустившись на одно колено на ступеньку. Их лица почти соприкасались. Ханна обнаружила, что не может оторвать взгляда от его губ.

– Так что же случилось? – прошептала она.

Тем же тоном, не отодвигаясь, он ответил:

– Я все испортил.

– О...

Ее гнев стал стихать. Она чувствовала Тьерри, ощущала его чувства, его мысли. Он так же страдал от разлуки с ней, как и она. Он желал ее... Он любил ее... и обожал. Он думал о ней так, как поэт думает о луне и звездах – мечтательно и вдохновенно. Он действительно видел, что ее окружает серебристый ореол.

Что же, если Тьерри хотелось видеть ее такой, Ханна не возражала. Это пробуждало в ней особую нежность к нему.

И сейчас она ощущала его теплое дыхание. Если она чуть-чуть наклонится вперед, ее губы прикоснутся к его губам.

И Ханна потянулась к нему.

– Подожди... – словно испугался он.

Тьерри произнес это вслух, и это было ошибкой. Его губы шевельнулись, и легкое касание превратилось в поцелуй.

И никто из них не мог противиться этому. Они так отчаянно нуждались друг в друге, а поцелуй был таким теплым и сладким... Ханну захлестнули радость и блаженство, она словно утонула в любви.

Так и должно было случиться.

У Ханны кружилась голова...

«Я знаю: жизнь подарила мне что-то чудесное и таинственное. То, о чем я всегда мечтала, сама не сознавая. То, что казалось недосыгаемым. А теперь это случилось. Теперь я счастлива... я обрела его».

Тьерри был не столь красноречив. В ответ Ханна смогла расслышать лишь:

– Да.

Никогда еще она не была так исполнена благодарности к нему. Любовь устремлялась от нее к Тьерри и вновь возвращалась к ней. Чем больше Ханна отдавала, тем больше получала. Это было похоже на водоворот, все сильнее и сильнее затягивающий их.

«Я будто парю в воздухе», – подумала Ханна.

Она больше не ощущала головокружения. Появилось удивительное чувство свободы и покоя, будто она находилась на горной вершине. И безграничная нежность... Она принадлежала ему безгранично...

И ей захотелось дать ему нечто еще большее.

Она знала, что именно. То, что она пыталась дать тогда, в тот первый раз, когда поняла, что он без нее погибнет. Она хотела дать ему то, что может подарить только женщина, – жизнь.

Правда, она была сейчас всего лишь девочкой, еще не готовой к той ответственности, которая приходит с зарождением новой жизни в женском теле. Однако она могла дать Тьерри жизнь другим способом.

Она отступила назад, чтобы взглянуть на него, увидеть потрясенные темные глаза, полные нежной страсти. Затем прикоснулась к его рту кончиками пальцев.

Он поцеловал их, но Ханна не обратила на это внимания и прикоснулась пальцем к его зубам.

В глазах Тьерри вспыхнуло изумление.

Да. Это был длинный клык, чуть заостренный. Еще не зуб хищника – лисицы, рыси или волка. Ханна провела по нему пальцами.

Изумление в его взгляде сменилось чем-то другим... Глаза подернулись поволокой, и возникшее в них желание смешалось с явным ужасом.

– Не надо... Ханна, пожалуйста. Ты не понимаешь... – прошептал Тьерри.

Ханна прикоснулась к кончику его зуба большим пальцем. Да, теперь он стал острее. И длиннее, тоньше. Сейчас он был похож на зуб полярной лисицы, который она держала тогда в ладони, – молочно-белый, полупрозрачный, изящно изогнутый.

У Тьерри тяжело вздымалась грудь.

– Пожалуйста, остановись. Я... Я не смогу...

Но Ханна уже не могла остановиться.

«И почему это люди боятся вампиров? – думала она. – Я могла бы дразнить его, мучить, доводить до безумия... будь я злой. Но я буду доброй».

Очень осторожно Ханна потянулась к Тьерри другой рукой. Она прикоснулась к его затылку, привлекая его к себе. Тьерри не сопротивился этому, и ей нетрудно было направить его рот к своей шее.

Ханна...

Она чувствовала, как он дрожит.

Не бойся, – мысленно произнесла она. И притянула его к себе еще ближе.

Тьерри схватил ее за плечи, чтобы оттолкнуть... но так и застыл, отчаянно и беспомощно вцепившись в Ханну, снова и снова покрывая поцелуями ее шею. Она чувствовала, что он теряет контроль... и вдруг ощутила, как ее кожу пронзают острые зубы.

Больно не было... Это, скорее, было похоже на ласку, на ласковый укус, боль от которого приятна.

А затем... неземное блаженство!

Не физическое ощущение, а волнующее чувство... Они почти слились, и сквозь них струился свет.

«Сколько же пропущено жизней, которые мы должны были прожить вместе? Сколько раз мне приходилось говорить: «Может быть, в следующей жизни?» Как же нам удавалось жить порознь?»

Казалось, эти ее вопросы блуждали в их сознаниях, слившихся воедино, то воспарявших, то погружавшихся глубже в поисках ответов. И Тьерри не мог этому сопротивиться. Ханна знала, что не мог. Он был так же, как и она, захвачен всем, что происходило между ними, так же потрясен.

А она продолжала искать ответы, и ничто не могло остановить ее.

...То, что открылось ей, возникло не как внезапное озарение, не в ослепляющем сиянии света. Оно стало появляться отдельными вспышками, каждая из которых была слишком короткой, чтобы сразу все понять.

Вспышка! Лицо Тьерри, склонившееся над ней. Совсем не то ласковое лицо, которое она недавно видела... Сейчас оно жестокое, с горящими, как у зверя, глазами. Рычащий рот... и зубы, красные от крови.

Нет!..

Вспышка! Боль... Зубы, терзающие ее горло... Теплая кровь, заливающая шею... Погружение во тьму.

О боже, нет!..

Вспышка! Другое лицо. Женщина с темными волосами и глазами, полными участия: «Как, ты не знаешь? Он опасен. Сколько раз ему нужно убить тебя, прежде чем ты поймешь это?»

Нет, нет, нет...

Но эти слова ничего не меняют.

Это правда. Она видела собственные воспоминания... видела то, что произошло на самом деле. Она знала это.

Он убил ее.

Ханна, нет!..

Это был крик боли. Ханна вырвалась из объятий Тьерри. Она видела ужас в его глазах, чувствовала, как он потрясен.

– Ты действительно сделал это, – прошептала она.

– Ханна...

– Так вот почему ты разбудил меня во время гипноза! Ты не хотел, чтобы я вспомнила! Ты понимал, что я узнаю правду!

От гнева и огорчения Ханна была вне себя. Если бы она не поверила ему, если бы все не было так по-настоящему прекрасно, она бы не чувствовала, что ее так предали! Но это оказалось самым большим предательством за всю ее жизнь... за все ее прошлые жизни.

Все оказалось ложью... и даже ее собственные чувства. Радость обретения, любовь... все

оказалось обманом.

– Ханна, это не так...

– Ты – само зло! Ты убийца!

«Она рассказала мне об этом, – подумала Ханна. – Та женщина с темными волосами. Она сказала мне правду. Почему я не вспомнила о ней? Почему до сих пор не услышала?»

Но теперь она вспомнила и о других словах этой женщины:

«Он невероятно хитрый... он попытается обмануть тебя. Он постарается управлять твоим сознанием...»

Управлять сознанием! Он воздействовал на нее. И он сам это признал!

И все то, что она ощущала сегодня ночью, было просто трюком. Ему удалось играть ее чувствами... Он даже добился того, что она предложила ему свою кровь! Она позволила ему укутить себя и пить ее кровь, как пивке...

– Я ненавижу тебя, – прошептала Ханна.

Она увидела, как это ранило его. Он вздрогнул и отвернулся. А потом опять схватил ее за плечи и тихо сказал:

– Ханна, я хочу все объяснить. Пожалуйста. Ты не понимаешь...

– Нет, я понимаю! Понимаю! Я все помню! И я знаю, кто ты на самом деле. – Голос Ханны звучал тоже тихо, но напряженно.

Она пожала плечами и отодвинулась от него, чтобы уйти. Ей противно было прикосновение его рук.

Тьерри потрясение смотрел на нее. Он не мог поверить.

– Ты помнишь... все?

– Все, – с гордостью холодно ответила Ханна. – Так что можешь убираться. Что бы ты ни задумал, ничего не сработает. Любые... трюки, которые ты собираешься использовать... – Она покачала головой. – Просто лучше уйди.

На какую-то секунду лицо Тьерри приняло странное выражение. Настолько трагичное и тоскливое, что у Ханны перехватило дыхание.

Но она не могла заставить себя смягчиться. Она не могла позволить обмануть себя снова.

– И держись от меня подальше, – добавила она. При всем смятении, охватившем ее, это была единственная мысль, которая владела ей. – Я вообще не хочу тебя видеть.

Тьерри потерял самообладание. Он был в шоке, но взгляд его был твердым.

– Я никогда не хотел причинить тебе вред, – сказал он спокойно. – И все, чего я хотел сейчас, это защитить тебя. Но я уйду, если ты этого хочешь.

«Как он смеет заявлять, что не хотел причинить ей вред? А то, что он столько раз убивал ее, – не в счет?»

– Да, я так хочу. И я не нуждаюсь в твоей защите.

– В любом случае ты ее получишь, – ответил Тьерри.

Он сделал движение в ее сторону – быстрее, чем Ханна могла ожидать, чем даже могла вообразить. Через мгновение он уже был рядом. Его пальцы прикоснулись к ее левой щеке – легко, словно крылышки мотылька. А затем он взял Ханну за руку, и на ее палец что-то скользнуло.

– Носи его, – сказал он почти беззвучно. – Оно будет защищать тебя своими чарами. Но даже и без этого немного найдется таких Ночных обитателей, которые решатся навредить тебе, если его увидят.

Ханна открыла было рот, чтобы заявить, что не боится никаких Ночных обитателей, кроме него самого, но Тьерри продолжил:

– Старайся не ходить одна, особенно ночью.

И ушел.

Он исчез с крыльца, растворившись где-то в темноте. Исчез внезапно, словно был бестелесным. Если бы Ханна не заметила мимолетного движения в сторону прерии, она могла бы подумать, что Тьерри способен в мгновение ока становиться невидимым.

У нее заныло сердце, оно гулко застучало у самого горла, не давая возможности вздохнуть.

Почему он прикоснулся к ее щеке? Люди никогда не прикасались к ее родимому пятну,

вероятно опасаясь, что могут причинить ей боль. Но его пальцы ласкали ее так нежно, почти печально, и совсем безбоязненно.

И почему же она все еще стоит здесь, вглядываясь во тьму, словно ожидая, что он вернется?

«Зайди в дом, идиотка!»

Ханна повернулась и стала ощупывать дверь в поисках ручки, будто никогда не открывала ее прежде. Войдя внутрь, она заперла дверь – тоже неумело, как если бы до сих пор ни разу не имела дела с замком.

Она была в шоке. Наверное, слезы принесли бы облегчение, но Ханна не могла заплакать. Она почти утратила ощущение реальности. Свет в квартире казался слишком ярким. Часы на кухне тикали слишком громко. Ханна даже не понимала, день сейчас или ночь.

Все было так, будто она вышла из театра после вечернего спектакля и с удивлением обнаружила, что на улице все еще светло, как днем. Она чувствовала, что за прошедший час этот дом стал совсем другим. И она сама уже не была тем же человеком, который недавно вышел из него. Все вокруг казалось декорацией к превосходному кинофильму, который только казался реальностью, но на самом деле не был ею... и только она одна различала это.

«Я здесь как чужая, – подумала Ханна, прикасаясь рукой к своей шее – к тому месту, где остались две маленькие ранки. – Как же теперь мне разобраться, где же правда? Но я должна быть счастлива... Я должна быть благодарна судьбе. Может быть, я только что спаслась от смерти. Я находилась одна рядом с опасным, злобным, кровожадным монстром, и...»

Но воодушевление почему-то угасло. Ханна не чувствовала себя счастливой, и ей не хотелось думать, насколько Тьерри опасен. Она ощущала лишь опустошенность и боль.

И лишь когда она добралась до постели, то вспомнила о том, что на ее палец что-то надето.

На ее безымянном пальце появилось кольцо – золотое с отделкой из белого золота, а может, серебра. Стебель розы, скрепленный сложным узлом, обвивался вокруг пальца. Цветок был украшен крошечными камнями – черными прозрачными камнями. Черные алмазы?

Красивое кольцо. Над ним поработал настоящий мастер. Каждый изящный лепесток, каждый маленький шип розы был совершенен. Но почему же цветок черный?

«Это символ Царства Ночи, – подсказало Ханне ее сознание. – Символ людей, которые были превращены в вампиров».

Это снова прозвучал холодный внутренний голос. На сей раз она впервые поняла, о чем он говорит... тогда же, когда он давал ей советы насчет серебра и волков, Ханна была в совершенном замешательстве.

Тьерри хотел, чтобы она носила это кольцо. Он заявил, что оно защитит ее. Но, возможно, это был еще один из его трюков. Если кольцо обладало какими-то чарами, то они могли помочь Тьерри управлять ее сознанием.

Ханна провозилась около часа, прежде чем ей удалось избавиться от кольца. Она испробовала все: и мыло, и масло, и вазелин, – пытаясь стащить его, до боли выкручивая палец, пока он не покраснел и не распух. Тогда она достала маленький пинцет из набора палеонтологических инструментов и попыталась поддеть ободок кольца как рычагом и отделить стебель от цветка. Но ничего не помогало, пока наконец пинцет не соскользнул и из неглубокого пореза не брызнула кровь. Как только кровь попала на кольцо, оно поддалось, и Ханна быстро сдернула его.

Она остановилась, тяжело дыша. Борьба с маленьким металлическим ободком изнурила ее, и она больше ни о чем не могла думать. Зашвырнув кольцо в корзину для бумаг, стоящую у нее в спальне, Ханна едва дотащилась до постели.

«Я устала... я так устала. Я подумаю обо всем завтра, попытаюсь во всем разобраться. Но сейчас... пожалуйста, дайте мне просто заснуть».

Уже лежа в постели, Ханна продолжала чувствовать дрожь во всем теле и боялась, что не сможет заснуть. Но, несмотря на возбуждение, в голове у нее поплыл туман и она быстро начала погружаться в сон. Она повернулась на бок и позволила себе отключиться.

Ханна Сноу заснула.

Хана из Триречья открыла глаза.

Замерзшая и несчастная, она стояла у бурной реки и чувствовала, как ветер продувает насквозь ее одежду. Как одиноко!

Неожиданно из прибрежных кустов выскочил Арно. С ним были несколько охотников, все с копьями в руках. Они со всех ног помчались за чужаком. Хана крикнула, чтобы предупредить юношу, но уже поняла, что шансов у него нет. Через несколько минут из темноты до нее донесся шум. А затем она увидела, как охотники тащат чужака назад, окружив его со всех сторон.

– Арно... не трогай его! Пожалуйста! – отчаянно закричала Хана, пытаясь преградить мужчинам путь. – Разве ты не видишь? Он мог навредить мне, но не сделал этого! Он не демон! Он просто ничего не может с собой поделать!

Арно оттолкнул ее плечом:

– Не надейся, что сама избежишь наказания!

Хана бежала за ними до самой пещеры, и все внутри у нее сжималось от страха.

К этому времени люди, разбуженные охотниками Арно, уже знали, что произошло. Небо начинало светлеть, наступал рассвет.

– Ты сказала, что мы должны подождать: может, Богиня Земли скажет тебе что-то о демоне, когда ты будешь спать, – обратился Арно к Старой Матери. – Она сказала?

Старая Мать печально взглянула на Хану, затем посмотрела на Арно и покачала головой. Потом, словно передумав, она повернулась к охотникам, но Арно опередил ее:

– Тогда убьем его и покончим с этим. Ведите его сюда! – громко приказал он.

– Нет! – вскрикнула Хана.

Но что она могла сделать? К тому же ее схватили чьи-то сильные руки, и она была не в состоянии вырваться. Юноша взглядом попрощался с ней, когда его, окруженного копьями, выводили из пещеры.

И тут начался настоящий ужас.

Ничего подобного Хана и представить себе не могла... она была уверена, что даже шаманы никогда о таком не слыхали.

Чужак оказался существом, которое не могло умереть.

Арно первый пронзил его копьем. Бледно-серый кремневый наконечник вонзился в бок чужака, и из раны хлынула кровь. Хана сама видела это. Ей удалось выскользнуть из рук удерживавшего ее охотника, и она выбежала из пещеры, все еще пытаясь как-то помешать палачам.

Но вдруг рана у юноши затянулась, и кровь перестала течь.

Все ахнули. Арно не мог поверить своим глазам. Он поднял копье и ударил снова. А затем глядел, раскрыв рот, как и новая рана побледнела, а потом затянулась. Он стал наносить удар за ударом. Но только те раны, в которые копье погружалось вместе с частью древка, оставались открытыми.

– Он демон... – прошептала одна из женщин.

Все были перепуганы. Но никто не двинулся с места. Оставить чужака и позволить ему уйти было слишком опасно.

Хана заметила, что с людьми что-то произошло. На их лицах появилось что-то новое, устрашающее. Страх перед неизвестным изменил их, сделав жестокими. Люди ее племени прежде никогда не мучили даже животных, добывая раненых сразу. Но сейчас их трудно было узнать... Они издевались над человеком.

– Может, он и демон, но он истекает кровью, – прошептал один из охотников, нанеся очередной удар. – Он чувствует боль.

– Принесите факел, – сказал кто-то. – Посмотрим, станет ли демон гореть!

То, что произошло дальше, превратилось в кошмар. Хане показалось, что она попала в центр урагана; она видела все, что происходит вокруг, пыталась бороться, но не могла ничего сделать. Отовсюду сбегались люди. Они тащили факелы, каменные топоры, кремневые ножи... Племя превратилось в одно огромное существо, единое стадо, упивающееся собственной жестокостью. Оно потеряло разум и стало неуправляемым.

Хана с отчаянием взглянула в сторону пещеры, где Старая Мать осталась лежать на своей

подстилке. Помощи от нее ждать было нечего.

Люди кричали, жгли чужака огнем, бросали в него камни. Он упал, истекая кровью, с дымящимися от ожогов ранами, не в состоянии сопротивляться. Но он не умер. Он пытался поползти.

Хана тоже кричала... она все время кричала и плакала, колотила охотников по плечам, а они отшвыривали ее в сторону. И это все продолжалось и продолжалось... Даже маленькие мальчики, расхрабрившись, выбегали вперед и бросали в чужака камнями.

Но он все не умирал.

Ханна почти теряла сознание. Ее горло разрывалось от крика, а в глазах стоял туман. Она больше не могла всего этого видеть, не могла выносить запаха крови и горячей плоти, слышать звуки ударов... Но деваться было некуда. Выбраться отсюда не было никакой возможности. Это была ее жизнь... Она должна была оставаться здесь и сходить с ума...

Глава 8

Задыхаясь, Ханна сидела в кровати. Некоторое время она не могла вспомнить, где находится. Через щель в занавесках проглядывал бледный рассвет – почти как тот, который видела Хана, – и она подумала, что ее кошмар все еще продолжается. Но постепенно предметы в комнате стали видны отчетливее. Книжный шкаф, набитый книгами и увенчанный окаменелым трилобитом на подставке. Туалетный столик, загроможденный всякой всячиной. Плакат с изображением велоцираптора и тиранозавра.

«Это я. Я помню себя».

Никогда еще Ханна не была так счастлива от этой мысли и никогда так не радовалась пробуждению.

Но этот сон... только что приснившийся ей, – он был о том, что с ней произошло... Конечно, это случилось давным-давно, но ничего в ее сне не напоминало те давние времена, когда, скажем, жили тиранозавры, о которых она столько читала.

А о трилобитах и упоминать нечего. Несколько тысяч лет назад – это всего лишь позавчерашний день для Матери-Земли.

Но все это произошло на самом деле, Ханна теперь это знала. Она примирилась с этим. Когда она заснула, ее подсознание отодвинуло завесу прошлого и позволило ей увидеть, что произошло с Ханой дальше.

«Тьерри!.. Люди моего племени мучили его. И бог знает, как долго это продолжалось... Как хорошо, что мне не пришлось увидеть, что произошло дальше. И разве это не меняет положения вещей?»

Ханна все же не знала, чем все закончилось. И она не была уверена, что хочет это знать. Но теперь обвинять Тьерри за все, что бы ни случилось впоследствии, было трудно.

Она чувствовала себя виноватой.

«Боже мой, что же я наговорила ему – это просто ужасно... Почему я все это сказала? Я так разозлилась... и совершенно вышла из себя. Меня охватила такая ненависть, что захотелось «достать» его как можно сильнее. Я действительно думала, что он может быть опасен, очень опасен. Я крикнула ему, чтобы он убрался навсегда. Но как же я могла? Ведь мы – родственные души, он мой духовный супруг!»

Ханна ощущала внутри странную пустоту – будто дерево, выжженное молнией.

«Ты чувствуешь опустошенность, – смутным дуновением прошелестел холодный внутренний голос, – но ты сказала Полу, что Тьерри продолжал убивать тебя снова и снова. Разве это можно оправдать? Он вампир, хищник, опасный по своей природе. Может, он сам ничего и не может с этим поделать, но это не значит, что ты вновь должна погибнуть. Ты что, собираешься позволить ему убить себя и в этой жизни?»

Ханна разрывалась между жалостью к Тьерри и глубоким инстинктивным страхом перед опасностью. Похоже, холодный внутренний голос был голосом разума.

«Продолжай жить как прежде; можешь жалеть его сколько хочешь, – наставлял он Ханну, – но держись от него подальше».

Она чувствовала, что нужно принять какое-то решение, хотя при мысли об этом ее сердце

цепенело. Оглядев комнату, Ханна взглянула на часы, стоявшие у кровати...

«О боже мой... школа!»

На часах уже четверть седьмого, и сегодня пятница. Школа сейчас казалась ей чем-то далеким, чем-то из прошлой жизни...

«Но ведь это не так! Ведь это моя жизнь, настоящая жизнь, единственная, которую можно считать реальной. Нужно отбросить всю эту чепуху о перевоплощениях, вампирах и Царстве Ночи. Нужно забыть о нем. Я прогнала его, и он ушел. А мне нужно вернуться к нормальной жизни».

От этих мыслей Ханна вдруг почувствовала себя подтянутой и свежей, будто только что приняла холодный душ. Она действительно приняла душ, надела джинсы и простую рубашку и уселась завтракать с мамой, которая то и дело бросала на нее внимательные взгляды, но не задала ни единого вопроса, пока завтрак не подошел к концу. А затем спросила:

– Вчера вечером, когда ты была у доктора Уинфилда, все прошло нормально?

Разве это было всего лишь вчера? Казалось, прошла целая неделя. Ханна прожевала кукурузные хлопья и наконец произнесла:

– М-м... А что такое?

– Он звонил, когда ты была в ванной. Мне показалось, что он... – мать Ханны умолкла, подыскивая нужное слово, – озабочен. Более того, встревожен. Правда, до истерики дело еще не дошло.

Ханна взглянула в лицо матери – умное загорелое лицо. Взгляд ее голубых глаз – а не серых, как у Ханны, – был прямым и пронизательным.

Ханне хотелось рассказать маме всю историю – но позже, когда будет время, и после того, как она сама обдумает случившееся. Особой срочности в этом не было. Сейчас все уже позади, и, пожалуй, она не нуждалась в совете.

– Пол вообще много о чем беспокоится, – рассудительно произнесла Ханна. – Думаю, поэтому он и стал психологом. Вчера он попытался провести со мной нечто вроде сеанса гипноза, но это не совсем сработало.

– Гипноз? – Брови матери взлетели вверх. – Ханна, я не уверена, следовало ли тебе...

– Не волнуйся. Все уже закончилось. Мы не собираемся больше этим заниматься.

– Понимаю... В общем, он просил, чтобы ты позвонила ему и договорилась о новой встрече. Думаю, он хочет поскорее увидеться с тобой. – Мать неожиданно взяла Ханну за руку. – Милая, тебе хотя бы немного лучше? Ночные кошмары еще продолжаются?

Ханна отвернулась.

– Ну... У меня было что-то наподобие этого сегодня ночью. Но, мне кажется, сейчас я понимаю эти сны гораздо лучше. Они больше не пугают меня, как раньше. – Ханна сжала руку матери. – Не волнуйся, все уже налаживается.

– Хорошо, но...

В этот миг на улице прозвучал сигнал автомобиля.

– Это Чесс. Мне пора.

Ханна проглотила остатки апельсинового сока, затем бросилась к себе в спальню и схватила рюкзак. На долю секунды она заколебалась, взглянув на корзину для бумаг, но потом покачала головой.

Нет. Не было никакого смысла брать с собой кольцо с черной розой. Кольцо принадлежало ему, и Ханне не хотелось, чтобы оно напоминало о нем.

Она повесила рюкзак на плечо, крикнула маме «до свиданья!» и поспешила наружу.

Автомобиль Чесс стоял на подъездной аллее. Ханна направилась к нему, и вдруг ей что-то почудилось. Ей показалось, что перед автомобилем кто-то стоит... какая-то высокая фигура, обращенная к ней лицом. Но в этот миг девушку ослепило солнце, и она непроизвольно зажмурилась, а когда вновь открыла глаза, никакой фигуры уже не было... Лишь взметнулся небольшой клуб пыли.

– Опаздываешь, – пожурила ее Чесс, когда Ханна забралась в машину.

Чесс, чье настоящее имя было Кэтрин Кловис, была хорошенькой: хрупкой, с коротко стриженными темными волосами, шапочкой обрамлявшими ее лицо. Но именно сейчас ее раскосые зеленые кошачьи глаза и улыбка Моны Лизы слишком напомнили Ханне ту Кэт.

Совершенно бессознательно Ханна оглядела ее – убедиться, что подруга не одета в оленьи шкуры.

– Ты в порядке? – обеспокоенно посмотрела на нее Чесс.

– Ага... – Ханна откинулась назад, прижавшись к спинке сиденья, и прищурилась. – Думаю, мне нужно проверить зрение.

Она уставилась на то место, где только что находилась призрачная фигура... Пусто... И Чесс была все той же Чесс – нарядной и несколько экзотичной, словно орхидея, расцветшая на бесплодной земле.

– Ну, ты можешь сделать это в конце недели, когда мы поедем за покупками, – сказала Чесс, подмигнув Ханне. – Мы должны отправиться за покупками. На следующей неделе твой день рождения, и мне нужно надеть что-то новое.

Ханна невольно усмехнулась и пробормотала:

– Может, новое ожерелье?

– Что?

– Ничего. – «Интересно, что потом случилось с Кэт? – подумала она. – Если Хана умерла молодой, то хотя бы Кэт должна была вырасти. Интересно, вышла ли она замуж за Рэна, парня, который хотел «взять ее в жены».

– Ты уверена, что все в порядке? – переспросила Чесс.

– Да. Извини, я плохо соображаю. Я почти не спала сегодня ночью.

Ханна собиралась поделиться с подругой своими тревогами, но чуть позже. Когда она сама немного успокоится.

Чесс обняла ее, ловко продолжая вести автомобиль одной рукой.

– Ничего, мы приведем тебя в норму, детка! Во-первых, подумай о своем дне рождения. Во-вторых, скоро выпускной. А что, разве этот психолог не старается помочь?

– Может быть, чересчур, – пробормотала Ханна.

К вечеру она вновь ощутила беспокойство, день в школе прошел как обычно. Дома Ханна спокойно пообедала с мамой. Но после обеда мать ушла на встречу с местными «охотниками за амиями», и Ханна поймала себя на том, что снова бесцельно бродит по комнатам. Она была слишком взвинчена, чтобы читать или смотреть телевизор, слишком расстроена, чтобы куда-нибудь пойти.

«Может, мне не хватает свежего воздуха?» – подумала она и тут же, поймав себя на этой мысли, усмехнулась.

«Ну да! Конечно! Свежий воздух... Если ты о чем-то на самом деле думаешь, так это о нем... что он может быть там. Разве не так?»

Это было так. Хотя Ханна понимала, что Тьерри вряд ли слоняется вокруг ее заднего двора, размышляя над тем, что она сказала ему.

«И почему это ты должна хотеть поговорить с ним? – задала она себе прямой вопрос. – Может, он и не так опасен, как кажется, возможно, сам не осознает своей опасности, но все же он не твой школьный приятель».

Однако Ханна никак не могла отделаться от смутного желания выйти из дома. Наконец она вышла на крыльцо, уговаривая себя, что постоит здесь минут пять, а затем вернется в дом.

Эта ночь была так же прекрасна, как и прошлая, но Ханну это не радовало. Все здесь слишком напоминало о Тьерри, и она чувствовала, как решимость ее слабеет. Он выглядел таким несчастным, таким растерянным, когда она приказала ему уйти...

– Я не помешаю?

Ханна вздрогнула и обернулась на звук голоса.

У крыльца стояла высокая девушка. Она была приблизительно одного возраста с Ханной или чуть старше. В ее длинных, очень длинных волосах, блестящих и черных, как вороново крыло, казалось, отражался лунный свет. Она была удивительно красива... и Ханна узнала ее.

«Это та девушка из моих видений. Это она мне сказала, что Тьерри коварен и хитер. Это она предостерегала меня. И это ее я заметила сегодня перед автомобилем Чесс. Должно быть, она продолжала наблюдать за мной и потом».

– Извини, если я напугала тебя, – улыбнулась девушка. – Ты так задумалась... но я не

ожидала, что ты испугаешься. Мне действительно нужно поговорить с тобой. У тебя найдется несколько минут?

– Я... – Ханна ощутила вдруг, что не может собраться с мыслями.

Почему-то ей стало неуютно в присутствии этой девушки, и это чувство было сильнее, чем странное, похожее на сон ощущение, будто узнаешь кого-то, кого никогда в своей жизни не видел.

«Но ведь она мне друг, – успокаивала себя Ханна. – Она помогала мне в прошлом и, возможно, хочет помочь и сейчас. Я должна быть ей благодарна».

– Конечно, – ответила она. – Мы можем поговорить. – И как-то неуклюже добавила: – Я помню вас.

– Замечательно! Это правда? Значит, все будет гораздо проще.

Ханна кивнула. И вновь напомнила себе, что эта девушка – ее друг и нечего опасаться или осторожничать.

– Ну... – Девушка оглядела крыльцо в поисках места, где бы присесть. – Ах...

Ханна смутилась, как если бы ее спросили: «Вы всех посетителей принимаете во дворе?» Она повернулась и открыла дверь.

– Входите. Мы можем поговорить в доме.

– Спасибо, – ответила девушка и улыбнулась.

На кухне, под яркой люминесцентной лампой, девушка казалась еще красивее. Такую красоту невозможно забыть. Тонкие правильные черты лица, шелковая кожа. Губы, при взгляде на которые Ханне приходили в голову эпитеты «полные» и «спелые». И глаза... таких глаз Ханна вообще никогда не видела – большие, миндалевидные, опущенные тяжелыми ресницами и светящиеся. Но если бы только это! Всякий раз, когда Ханна глядела на них, они будто меняли цвет: то от медового до оттенка красного дерева, то становились зелеными, как листва в джунглях, то пурпурными, то туманились синевою. Это было поразительно.

– Если вы помните меня, то должны догадываться, почему я здесь, – сказала девушка.

Она сидела, оперевшись локтями о кухонный стол, поддерживая кулаком подбородок.

Ханна произнесла лишь одно слово:

– Тьерри?

– Да. Судя по тому, как вы это произнесли, вы не нуждаетесь в моих советах. – Голос у девушки также был необычным: низким и приятным, с легкой хрипотцой.

Ханна пожала плечами:

– Ну, я все же многого не знаю о нем... но это вовсе не значит, что меня нужно предупреждать об опасности. Я уже сказала ему, чтобы он убрался.

– В самом деле? Удивительно смелый поступок!

Ханна моргнула. Она не видела в этом поступке ничего смелого.

– Я имею в виду, вы же понимаете, насколько он могуществен! Он – властелин Царства Ночи, глава всех вампиров, превращенных из людей. Он может, – девушка щелкнула пальцами, – призвать сотню младших вампиров и вервольфов, не говоря уже о его связях с ведьмами в Лас-Вегасе.

– Что вы хотите этим сказать? Что я не должна была прогонять его? Мне безразлично, сколько монстров он может призвать, – резко произнесла Ханна.

– Да. Конечно, вам безразлично. Я уже сказала, что вы смелая. – Девушка разглядывала Ханну, и в ее глазах проявился глубокий пурпурный оттенок горько-сладкого паслена. – Я просто хочу, чтобы вы знали, на что он способен. Он может стереть с лица Земли весь этот округ. Он может быть очень жестоким... и если он не получает того, что хочет, то просто впадает в ярость.

– И часто с ним так бывает? То есть часто он впадает в ярость?

– К сожалению, постоянно.

«Я не верю тебе».

Эта мысль пришла к Ханне внезапно. Она не знала, откуда она появилась, но проигнорировать ее не могла. Что-то в этой девушке беспокоило Ханну... это было похоже на ощущение, будто держишь в руке скользкий камень. В ней чувствовалась какая-то фальшь.

– Кто ты? – спросила она прямо.

Когда девушка подняла на нее глаза, теперь пылающие охрой, Ханна выдержала ее взгляд.

– Почему ты так беспокоишься обо мне? Почему ты оказалась именно здесь, где я живу? Или это простое совпадение?

– Конечно, нет. Я приехала сюда, потому что знала: он собирается найти тебя снова. Я беспокоюсь о тебе потому... ну, я знаю Тьерри с тех пор, как он был ребенком, еще до того, как он стал вампиром, и чувствую, что моя обязанность – остановить его. – Девушка улыбнулась, легко встретив твердый взгляд Ханны. – А зовут меня... Майя.

Последние слова она произнесла медленно, похоже, наблюдая за тем, какое впечатление они произведут на Ханну. Но это имя Ханне ни о чем не говорило. И Ханна просто не могла понять, жжет ли ей эта девушка по имени Майя или нет.

– Я знаю, что ты и раньше предупреждала меня о Тьерри, – сказала Ханна, пытаясь собраться с мыслями. – Но я не помню ничего, кроме того, что ты говорила мне. Я даже не знаю, кто ты... то есть перевоплощалась ли ты, как и я? Или ты...

Ханна не договорила. На самом деле она уже понимала, что Майя не человек. Люди не могут быть так сверхъестественно красивы и обладать такой грацией. И если Майя заявит, что она человек, Ханна будет точно знать, что все ее слова – ложь.

– Я вампир, – нисколько не колеблясь, спокойно ответила Майя. – Я жила в одном племени с Тьерри в те дни, когда ты родилась в своем племени из Триречья. На самом деле это я превратила Тьерри в вампира. Мне не следовало этого делать. Я должна была понять, что он – из тех людей, которые не способны собой управлять. Но я не знала, что он станет безумным и превратится в... такого, как сейчас. – Глядя куда-то вдаль отсутствующим взглядом, Майя тихо закончила: – Наверное, поэтому я и чувствую ответственность за него. – Затем она опять взглянула на Ханну: – Есть еще вопросы?

– Сотни, – ответила Ханна. – О Царстве Ночи и о том, что случилось со мной в прошлых жизнях...

– Боюсь, что я не смогу ответить на большинство из твоих вопросов. Существуют законы, которые запрещают говорить о Царстве Ночи... и в любом случае для тебя безопаснее не знать о нем. Что касается твоих прошлых жизней... ну... неужели тебе действительно хочется узнать, что он делал с тобой каждый раз? Это слишком отвратительно. – Майя наклонилась вперед, серьезно глядя на Ханну. – Оставь прошлое, забудь о нем. Просто постарайся в будущем быть счастливой.

Именно об этом Ханна сама недавно думала. Так почему же что-то в ней сейчас протестует против такого решения? Наконец она произнесла:

– Если ему так хочется убить меня, то почему он не сделал это прошлой ночью? Вместо того чтобы беседовать со мной?

– Милое мое дитя! – прозвучало слегка покровительственно, но, кажется, с искренним сожалением. – Он хочет, чтобы ты сначала полюбила его. А уж потом он тебя убьет. Я знаю, слышать об этом больно и тяжело, но так он действует всегда. Похоже, он считает, что должен так делать, потому что именно так он поступил в самый первый раз.

Ханна сидела молча. Ничто внутри нее не шевельнулось, не попыталось возразить, закричать, что это ложь. Мысль о том, что Тьерри одержим, звучала правдоподобно. Наконец она медленно произнесла:

– Спасибо, что ты пришла предупредить меня. Я тебе благодарна.

– Нет, ты мне не благодарна, – возразила Майя. – И я бы тоже не обрадовалась, если б кто-то сообщил мне подобное. – Она встала. – Надеюсь, нам больше не придется встречаться.

Ханна проводила ее до двери.

Уже выйдя на крыльцо, Майя обернулась:

– Знаешь, он действительно безумен. Может, у тебя опять возникнут сомнения. Но он одержим и непредсказуем, как любой маньяк, и он действительно способен на все. Смотри, чтобы он тебя не одурачил.

– Не думаю, что когда-нибудь еще увижусь с ним, – раздраженно ответила Ханна. – Поэтому одурачить меня ему будет довольно трудно.

Майя улыбнулась, кивнула и... исчезла. Так же, как и Тьерри, она просто повернулась и растворилась в ночи.

С минуту Ханна вглядывалась в темноту. А потом вернулась на кухню и набрала номер Пола Уинфилда.

Услышав автоответчик, она сказала:

– Привет, это Ханна. Мне передали, что ты хочешь договориться о встрече. Думаю, может, мы смогли бы увидеться завтра... или в любой другой день на следующей неделе. И... – Она заколебалась, раздумывая, стоит ли сейчас говорить что-либо еще, но затем пожала плечами, – наверное, лучше дать ему время подготовиться. – И мне хотелось бы еще раз вернуться в прошлое. Там есть кое-что, с чем мне нужно разобраться.

Повесив телефонную трубку, Ханна почувствовала какое-то облегчение. Так или иначе, но она доберется до правды.

Мрачно улыбнувшись, она направилась к себе в спальню. И остановилась как вкопанная на пороге.

На ее кровати сидел Тьерри.

На какой-то миг Ханна обмерла. А потом резко спросила:

– Что ты здесь делаешь?

Она оглядела комнату, пытаясь понять, как он попал сюда. Окна были закрыты, и открывались они только изнутри.

«Наверное, он проник сюда, пока мы беседовали на кухне с Майей».

– Мне нужно было видеть тебя, – сказал Тьерри.

Он выглядел странно. Его темные глаза, казалось, излучали жар, будто изнутри его что-то сжигало. Лицо было мрачным и напряженным.

– Я предупреждала, чтобы ты держался от меня подальше.

Ханна старалась, чтобы в ее голосе не прозвучал страх... но она испугалась. Воздух в комнате словно наэлектризовался... Он был будто пропитан ощущением опасности.

– Я знаю. И я пытался. Но я не могу оставаться в стороне, Ханна. Я просто не могу. Это... сводит меня с ума.

С этими словами Тьерри встал.

Сердце у Ханны подпрыгнуло и тяжело застучало. Изо всех сил она пыталась сохранить спокойствие.

«Он быстро двигается, – едва слышно прозвучал у нее в голове голос, и она с облегчением узнала смутное дуновение холодного голоса разума. – *Убегать бессмысленно, он поймает тебя в один миг*».

– Ты должна понять, – продолжал Тьерри. – Пожалуйста, попытайся понять. Ты нужна мне. Наше предназначение – быть вместе. Без тебя я ничто.

Он сделал шаг в ее сторону. Его глаза были темными и бездонными, и Ханна почти физически ощущала их жар.

«Да, он одержим, – подумала она. – Майя права. Он может притворяться, но на самом деле он обычный псих. Как и любой маньяк».

– Просто пойми. – Тьерри умоляюще протянул к ней руку.

– Я понимаю, – мрачно сказала Ханна. – И я хочу, чтобы ты убрался.

– Я не могу. Я должен быть уверен, что мы будем вместе – вместе, как нам и предназначено. И для этого есть только один способ.

В этот момент лицо Тьерри как-то изменилось. Изо рта показались два тонких клыка и впилась в нижнюю губу.

Сердце Ханны будто сжал холодный кулак.

– Ты должна присоединиться к Царству Ночи, Ханна. Ты должна стать такой, как я. Обещаю тебе: когда это закончится, ты будешь счастлива.

– Счастлива? – Ханну захлестнула волна тошнотворного ужаса. – Превратившись в такого монстра, как ты?! Я была счастлива, пока ты не появился. И я буду счастлива, если ты исчезнешь из моей жизни навсегда! Я...

«Умолкни!» – прикрикнул на нее холодный внутренний голос, но Ханна была слишком возбуждена, чтобы прислушаться к нему.

– Ты мне отвратителен. Я ненавижу тебя. И ничто никогда не сможет заставить меня

полюбить те...

Закончить ей не удалось. В одно мгновение Тьерри оказался рядом. А в следующий миг он уже схватил ее.

Глава 9

– Ты еще передумашь, – сказал Тьерри.

И тут окружающий мир стал стремительно закручиваться вокруг нее, словно в водовороте. Одной рукой он ухватил ее за волосы и повернул голову, обнажая шею, а другой прижал ее руки к телу. Ханна извивалась, сопротивлялась... но бесполезно. Тьерри был невероятно сильным.

Она ощутила его теплое дыхание на своей шее... а потом острое прикосновение зубов.

– Не сопротивляйся, – донесся до нее приглушенный голос Тьерри. – Будет только больнее.

Но Ханна сопротивлялась. И ей было больно. Боль опускалась вниз – в шею, левое плечо и руку. Сейчас, когда из нее пили кровь против ее воли, эта боль была просто невозможной. Казалось, будто ее душа покидает тело. В глазах потемнело, голова кружилась.

– Я... ненавижу... тебя, – вымолвила Ханна.

Она пыталась мысленно дотянуться до него, пыталась понять, не сможет ли как-то остановить его...

но с таким же успехом она могла бы карабкаться по гладкой отвесной скале. Их будто разделяла черная обсидиановая стена, и она не ощущала никакого мысленного контакта с Тьерри.

«Забудь об этом, – произнес хладнокровный внутренний голос, – и возьми себя в руки. Ты не должна упасть в обморок. Вспомни, что находится в комнате. Тебе нужно оружие. Где оно?..»

Дерево!

Она всего лишь только подумала об этом, но Тьерри тут же что-то почувствовал. Он заставил Ханну отвернуться от него, продолжая железной хваткой удерживать ее. Она понятия не имела, что он делает, пока он снова не заговорил.

– Я должен вернуть тебе то, что взял.

Его вторая рука оказалась у самого лица Ханны, и запястье Тьерри прижалось к ее губам. Ошеломленная от боли и потери крови, она вначале толком ничего не поняла, пока не почувствовала, что ей в рот течет теплая жидкость, и не ощутила странный острый вкус.

«О господи... нет. Это его кровь. Я пью кровь вампира!»

Она пыталась не глотать ее, но кровь продолжала течь, и рот Ханны был уже переполнен ею. Вкус у нее был совсем не таким, как у обычной крови. Он был пряным и слегка обжигающим... Ханна уже почти ощущала, как в ней что-то меняется.

«Ты должна прекратить это, – холодно произнес внутренний голос. – Сейчас же».

Рванувшись и едва не вывихнув плечо, Ханне удалось освободить одну руку. Она начала яростно сопротивляться – но не затем, чтобы вырваться. Ей нужно было попытаться сосредоточить все внимание Тьерри на том, чтобы удержать ее. Пока они боролись, Ханна незаметно вытянула вперед свободную руку.

«Да где же он?»

Ханна извивалась всем телом, пытаясь заставить Тьерри придвинуться ближе к письменному столу. Просто чуть ближе... еще ближе...

Пальцы Ханны нащупали стол. Чтобы отвлечь Тьерри, она наступила ему на ногу. Он рыкнул от боли и тряхнул ее за плечи, но пальцы Ханны продолжали шарить по столу, пока не нащупали что-то гладкое и длинное, с заостренным графитовым концом.

Карандаш!

Ханна сжала пальцы, схватив оружие в кулак. Она дышала с трудом: во рту было слишком много этой странной крови.

«Не думай об этом. Мысленно представь его руку. Представь себе, как карандаш вонзается прямо в нее и проходит насквозь. А теперь – ударь.»

Ханна размахнулась и изо всех сил вонзила карандаш в тыльную сторону кисти Тьерри.

Он взвизгнул от боли и возмущения... и в этот же миг она тоже ощутила резкую боль. Карандаш насквозь пробил ладонь Тьерри и вонзился ей в щеку.

Железная хватка рук, державших ее, ослабла, и сейчас нельзя было терять ни секунды. Ханна ударила Тьерри ногой по голени и вывернулась, когда он отшатнулся.

«Тебе нужно еще оружие! Взгляни на стол!»

Внутренний голос мог и не подсказывать этого: Ханна и так потянулась к столу, хватая ручки и карандаши – все подряд, какие там валялись. Слава богу, что у нее была привычка разбрасывать их где попало! Сжав их в кулаке, Ханна молнией метнулась через всю комнату и прижалась спиной к стене. Тяжело дыша, она глядела Тьерри в лицо.

– Следующий окажется в твоем сердце, – сказала она, вытаскивая один карандаш из пригоршни и сжимая так, что у нее побелели костяшки пальцев.

Ее срывающийся голос звучал тихо, но очень решительно.

– Ты ранила меня! – Тьерри вытащил карандаш и уставился на руку.

Лицо его исказилось, а от боли в глазах горела животная ярость.

Ханна его не узнавала.

– Верно, – задыхаясь, ответила Ханна. – И если ты снова попробуешь приблизиться ко мне, я убью тебя. Это я обещаю. А теперь убирайся к черту из моего дома и из моей жизни!

Тьерри перевел взгляд с Ханны на свою руку. А затем зарычал – зарычал по-настоящему. Его верхняя губа поднялась, обнажив зубы. Ханна никогда еще не видела, как лицо человека превращается в лицо зверя.

– Ты еще пожалеешь, – раздраженно произнес он. – И если ты кому-нибудь расскажешь об этом, я убью его. Точно убью. Это закон Царства Ночи.

С этими словами он исчез. Ханна лишь на мгновение прикрыла глаза – а он уже растаял. Должно быть, он спустился вниз и вышел через прихожую, но звука открывающейся двери Ханна не услышала.

Прошло несколько минут, прежде чем она смогла разжать руку, сжимавшую карандаш, и отойти от стены. Когда ей эта удалось, она неровным шагом направилась к телефону и набрала номер Чесс.

Занято...

Ханна уронила трубку. Ее тошнило, голова кружилась, но все же, едва держась на ногах, она дошла до столовой, одно из окон которой закрывалось на деревянный засов, – когда-то у матери был «пунктик» на безопасности. Ханна переломила засов через колено и направилась в гараж, прихватив с собой заостренный кусок дерева. В гараже стоял пыльный старый форд, принадлежавший еще ее отцу. Отыскав ключи, Ханна завела машину и поехала к дому Чесс. Она думала лишь об одном: только бы не оставаться одной!

Ханна вела автомобиль, а перед ее глазами плясали серые пятна. Ей все казалось, будто сейчас из прерии что-то выскочит и набросится на нее.

«Будь начеку. Просто будь начеку», – закусив губу до крови, твердила она себе.

«Ну, наконец-то! Вон и дом впереди. И в нем горит свет. Нужно лишь поскорее добраться до него».

Ханна до отказа выжала педаль газа. И в этот момент все погрузилось в серый туман.

Тьерри оглядел вестибюль и взглянул на часы. На протяжении последних двенадцати часов он делал это каждые пять минут, и его нервы уже начали сдавать.

Ему не нравилось, что Ханна осталась одна. Конечно, кольцо защитит ее, когда она будет находиться вдали от дома, а амулет, который он закопал на заднем дворе, защитит сам дом. Это был сильный амулет, сама бабушка Харман сделала его для Тьерри – старейшая и могущественнейшая ведьма на свете, Старшая Ведьма из Внутреннего Круга. Амулет будет надежно охранять дом, и никакой Ночной обитатель не войдет в него – если хозяева сами его не пригласят.

Но все же Тьерри не хотелось оставлять Ханну одну.

«Теперь уже скоро», – сказал он себе.

Большая часть прошлой ночи и весь сегодняшний день ушли у него на то, чтобы созвать

достаточно своих людей и составить план наблюдения за Ханной.

Она приказала ему уйти, и он сделал это. Ее слово было для него законом. Но это не означало, что он не должен ее охранять. Она даже не подозревала, что повсюду, прячась в тени и наблюдая, ее окружают Ночные обитатели... и все они готовы сражаться до смерти, если над ней нависнет какая-то угроза.

Люпа оказалась права. Он не смог справиться с этим в одиночку и теперь вынужден был положиться на других, доверив им охрану Ханна.

Тьерри снова взглянул на часы. Было девять вечера, и он едва удерживался, чтобы не отказаться от услуг Цирцеи. Но только такая могущественная ведьма могла установить защиту достаточно сильную, которая охраняла бы Ханну во всем графстве Амадор.

Тьерри все еще ждал. Остановив взгляд на ружье, висевшем на стене, он пытался отвлечься. Но бесполезно.

С тех пор как ему удалось вывести Ханну из гипнотического транса, он изо всех сил пытался не думать о тех давних днях. Но сейчас его непреодолимо тянуло назад... Он не просто вспоминал, а буквально воскрешал прошлое. Мысленно возвращался назад, к тому глупому юноше, которым он был когда-то...

Он не был первым вампиром. Этим он похвастаться не мог.

Он был лишь вторым.

Он вырос в племени Майи и Мудрой Элвайзы – сестер-близнецов, дочерей Гекаты,³ Повелительницы Ведьм. Тех самых Майи и Элвайзы, которые вошли в историю Царства Ночи как две величайшие личности. Элвайза, Хранительница Домашнего Очага, стала родоначальницей клана Харман, самого известного и почитаемого среди ныне живущих ведьм, а от Майи вели свое начало ламии и вампиры.

Но это было потом, а пока Тьерри знал только лишь, что обе сестры были хорошенькими девушками. Настоящими красавицами. Особенно Майя, у которой были длинные черные волосы, а глаза мерцали различными оттенками, напоминающими игру света на поверхности ледника. Но Тьерри любил обеих сестер.

Может, это его и погубило.

Он был совершенно обычным парнем. Он славился своей резьбой по кости и был одержим смутным желанием увидеть мир. Он считал само собой разумеющимся, что люди его племени могли влиять на погоду и общаться с лесными животными. Они были колдунами, обладавшими даром волшебной силы... И так было всегда. Это не считалось чем-то особенным.

И, так же как все люди его племени, Тьерри знал, что Майя пытается открыть секрет бессмертия и для этого за чем-то каждый день уходит в лес. Но и это тоже особенно не беспокоило его...

«Я был слишком молодым и очень, очень глупым», – подумал Тьерри.

Мечта Майи стать бессмертной погубила племя. Она была готова добиться своего любой ценой – даже превратившись в монстра, даже навлекая проклятье на своих потомков. Если бы Тьерри и другие колдуны племени поняли это, они смогли бы остановить Майю прежде, чем все произошло.

А Майе наконец удалось открыть секрет бессмертия. Но для того чтобы провести обряд, ей пришлось украсть младенцев своего племени. Всех четверых... Она забрала их с собой в лес, произнесла заклинание и выпила их кровь. Позже Тьерри и остальные люди племени нашли четыре маленьких обескровленных тельца.

Элвайза проплакала всю ночь. Тьерри, который никак не мог понять, как могла хорошенькая девушка, которую он любил, совершить такой ужасный поступок, тоже плакал. Майя же просто исчезла.

Но через несколько ночей она пришла к Тьерри. Он стоял на страже у входа в пещеру, когда она бесшумно возникла перед ним.

³ Геката – в греческой мифологии трехликая богиня, покровительница ночной нечисти и колдовства. (Примеч. ред.).

Майя изменилась.

Она больше не была той хорошенькой девушкой, которую он любил. Перед ним стояла великолепная, ослепительная красавица. Но это была уже не та Майя. Она двигалась с грацией ночного хищника, а в глазах ее пылал огонь.

Она была очень бледной, и это делало ее еще прекраснее. Ее губы, всегда нежные и манящие, казались алыми, как кровь. И когда она улыбнулась, Тьерри увидел длинные острые зубы.

– Привет, Тьорн, – сказала она (так его тогда звали). – Я хочу сделать тебя бессмертным.

Тьерри перепугался до смерти.

Он не мог понять, в кого она превратилась... в какое-то странное существо с ненормальными зубами. И у него не было ни малейшего желания стать похожим на нее.

– По-моему, это неправильно – то, что ты не можешь выбрать между мной и Элвайзой, – небрежно произнесла она, опустившись на землю. – Так что я решила покончить с этим. Ты будешь моим, отныне и навсегда.

Она взяла его за руку и потянула к себе. Ее пальцы были очень тонкими и очень холодными... и невероятно сильными. Тьерри не мог вырваться. Открыв рот, он с идиотским видом уставился на свою руку...

А ведь ему нужно было бы завопить во все горло, звать на помощь, постараться привлечь внимание людей и удрать. Но Майя удерживала его взглядом, словно змея птичку. Она казалась неестественной и злой... но до чего же красивой!

Это был первый и последний раз, когда Тьерри очаровала красота абсолютного зла... Но этого оказалось достаточно. С этого момента он сам обрек себя на вековые страдания. Всего миг неуверенности. И за это он будет расплачиваться невообразимо долгие годы.

– Это не так уж плохо, – сказала Майя, продолжая удерживать его магией своих жутких и прекрасных глаз. – Есть несколько вещей, которые мне пришлось узнать... о которых я не подозревала... Я думала, что выпью кровь младенцев и этим все закончится... но это не так.

Тьерри почувствовал тошноту.

– Эти зубы у меня появились не зря. Видишь ли, мне нужно пить кровь смертного существа каждый день, иначе я умру. Не совсем удобно, но с этим можно жить.

– О Геката, Темная Мать... – взмолился Тьерри.

– Оставь! – резко взмахнула рукой Майя. – Не молись, пожалуйста, и особенно этой старой карге. Я больше не ведьма. Я что-то совершенно новое... наверное, мне нужно придумать, как себя называть. Ночная охотница... кровопийца... в общем, не знаю. Я собираюсь положить начало новой расе, Тьорн. Мы будем лучше, чем ведьмы, – сильнее, быстрее... и мы будем жить вечно. Мы будем бессмертны, поэтому будем властвовать над всеми. И ты будешь моим первым обращенным.

– Нет! – воскликнул Тьерри.

Ему все еще казалось, что у него есть выбор.

– Да. Я хочу родить ребенка... но не от тебя. Этот ребенок унаследует мою кровь. Я дам мою кровь другому человеку – так же, как я дам ее тебе сейчас. Когда-нибудь во всем мире не найдется ни одного человека, у кого не будет моей крови. Прекрасная мысль, не так ли? – Майя сидела, подперев кулаком подбородок, и глаза ее мерцали.

– Элвайза остановит тебя, – решительно произнес Тьерри.

– Моя сестра? Ну уж не думаю. Особенно если ты станешь моим помощником. Она любит тебя, ведь ты знаешь. Ей будет трудно убить того, кого она так любит.

– Ей не придется это делать. Я сам убью тебя, – прорычал Тьерри.

Майя громко рассмеялась.

– Ты? Ты? Разве ты еще себя не знаешь? Ты не убийца... У тебя для этого недостаточно мужества. Конечно, все изменится, когда я дам тебе свою кровь. Но тогда ты уже не захочешь меня убивать. Ты соединишься со мной... и будешь счастлив. Вот увидишь. – Она потеряла руки, как бы успешно завершив трудные переговоры. – Ну... приступим.

Она была сильной, гораздо сильнее его. Прежде всего она зажала ему рот рукой – ведь к этому моменту до наивного Тьерри уже дошло, что он попал в настоящую беду и нужно звать на помощь. Потом она затащила его в кусты.

– Боюсь, это будет больно, – сказала Майя. Она подмяла его под себя, ее мерцающий взгляд был направлен прямо ему в глаза. – По крайней мере, для всех животных, которых я ловила, это было крайне неприятно. Но это для твоей же пользы.

И она впиалась ему в горло.

Теперь Тьерри стало ясно, для чего ей нужны эти длинные клыки. Ей нужны были эти зубы, как нужны они любой рыси, или пещерному льву, или волку – чтобы разрывать жертву.

Сквозь накачивающие на него темные волны ужаса и боли Тьерри чувствовал, как Майя пьет его кровь. Это продолжалось долго... Наконец он понял, что умирает, и с облегчением подумал, что скоро весь кошмар закончится.

Но как же он ошибся! Кошмар только начинался. Когда Майя подняла голову, ее рот был алым от крови. Кровь все капала, капала... Майя уже больше не была красивой, ее внешность стала дьявольской.

– Так, – произнесла она. – Теперь я дам тебе кое-что... чтобы все получилось.

Она откинулась назад и приставила к своему горлу обожженную деревянную щепку. Она улыбалась Тьерри! Она всегда была смелой. А затем, будто охваченная экстазом, она вонзила острую щепку в горло, и из него струей хлынула кровь. И она опять навалилась на Тьерри. Он не хотел глотать кровь, наполнявшую его рот. Но инстинкт выживания не позволил Тьерри захлебнуться. Теплая, необычная на вкус жидкость потекла ему в горло. Она обжигала, как перебродившее ягодное вино.

Майя напоила юношу своей кровью, и ему казалось, что конец его близок. Он еще не знал, что теперь не сможет умереть. Тьерри чувствовал, как Майя тащит его все дальше в лес, но он стал совершенно безвольным и не мог сопротивляться, а затем снова провалился во тьму.

Когда он очнулся, то обнаружил, что его похоронили.

Он выкарабкался из неглубокой могилы и увидел перед собой удивленное лицо своего брата Конлана. Племя совершило над Тьерри традиционный обряд – его закопали в мягкую землю в самой глубине пещеры.

Прежде чем брат успел завопить, Тьерри оказался у его горла.

Это был инстинкт животного. Жажда, которой прежде он никогда не испытывал. Удушающая боль, будто он тонул и вдруг выбрался на поверхность воды. Отчаяние, доводившее его до безумия. Он не мог ни о чем думать.

Тьерри бессознательно пытался разорвать горло брата.

Но кто-то окликнул его по имени, и это остановило его. Чей-то голос все звал и звал его так отчаянно... Тьерри оглянулся и увидел Элвайзу – ее карие глаза, полные слез, ее дрожащие губы...

С тех пор ее облик преследовал его всегда.

Тьерри выбежал из пещеры и продолжал бежать и бежать... До него донесся едва слышный голос Элвайзы:

– Тьорн, я остановлю ее. Клянусь! Я остановлю ее!

Позже он понял, что это было единственное, что она могла обещать ему. Элвайза знала, что Тьерри уже никогда не изменится. Таким он останется навсегда.

Названия для этого тогда еще не существовало. Но он стал первым превращенным вампиром. Майя, позже родившая сына, стала первой из ламий – вампиров, которые могли взрослеть и иметь детей. А ее сын, Ред Ферн,⁴ стал родоначальником семейства Редфернов, самого могущественного клана ламий в Царстве Ночи.

Но это произойдет в будущем. А пока Тьерри знал лишь то, что ему нужно убежать подальше от людей или он принесет им беду.

Майя настигла его, когда он пил из ручья, пытаясь утолить безумную жажду.

– Ты заболеешь, – критически оглядывая Тьерри, сказала она. – Тебе нельзя это пить. Тебе нужна кровь.

Тьерри вскочил, дрожа от ярости, гнева и беспомощности.

– А как насчет твоей? – огрызнулся он.

⁴ Ред Ферн (от англ. red fern) – красный папоротник. (Примеч. ред.).

– Как мило! Но это не поможет. Тебе нужна кровь живых существ.

Она совершенно не боялась его, и Тьерри вспомнил, какая она сильная. Ему с ней не справиться.

Он повернулся и побрел прочь.

Майя окликнула его:

– Ты не можешь уйти, ты сам знаешь. Тебе от меня не скрыться. Я выбрала тебя, Тьорн. Ты мой, отныне и навсегда. В конце концов ты поймешь это и соединишься со мной.

Тьерри шел дальше не оборачиваясь. Ему было невыносимо слышать преследовавший его смех.

Несколько недель он прожил в открытой всем ветрам степи, бродя среди высоких трав. Он был больше животным, чем человеком. Жажда, сжигавшая его изнутри, доводила до отчаяния – пока он не наткнулся на кролика. Через мгновение он уже держал его, вгрызаясь в горло. Его зубы сейчас были как у Майи – длинные, чувствительные, идеально приспособленные для того, чтобы вонзаться в плоть жертвы и рвать ее. Майя оказалась права: только кровь живого существа могла успокоить терзающее его чувство жжения и удушья.

Добыча попадалась ему нечасто. Но всякий раз, когда Тьерри пил кровь, это напоминало ему о том, кем он стал.

Он уже умирал от голода, когда наконец добрался до Трех Рек.

То, что перед ним маленькая девочка, Тьерри заметил уже после того, как повалил ее на землю. Он выскочил из зарослей кустарника, задыхаясь от жажды, как раненый олень... а она, подняв глаза вверх, глядела на него. А потом все погрузилось во тьму.

Когда он пришел в себя, то сразу же остановился. Он так нуждался в еде, умирая без нее в ужасной агонии... но он смог пересилить себя, оторваться от девочки и убежать. Потом его нашли соплеменники Ханы.

И они сделали то, что на их месте сделал бы каждый: увидев, как он мерзок, они стали грозить ему копьями. Он ожидал, что его тут же убьют. Он еще не понимал – и никто из них не понимал, – что подобное ему существо убить непросто.

И вдруг он увидел Хану.

Глава 10

При первом же взгляде на нее Тьерри ощутил, что он не животное, и даже смог подняться на ноги и встать, как человек. Она напомнила ему Элвайзу. В глазах ее светилась древняя мудрость. Любая женщина может казаться хорошенькой, если у нее правильные черты лица. Но Хана была красивой, потому что у нее была прекрасная душа.

И его внезапно охватило жгучее чувство стыда. Он злился, когда она защищала его.

И он сопротивлялся, когда она вытаскивала его из пещеры и пыталась заставить уйти туда, откуда он пришел. Как же она не понимала? Для него лучше умереть. Пока он на свободе, ни один ребенок, ни одна женщина или мужчина не будут в безопасности. Ведь даже сейчас, когда они стоят здесь вдвоем, освещенные луной, он весь дрожит от жажды крови. Это непреодолимое желание омрачало его разум, и единственное, что он мог сейчас, – это сдержаться, чтобы не схватить девушку и не впиться зубами в ее нежное горло.

Когда она сама предложила ему свою кровь, Тьерри едва не зарыдал. И тогда он отверг ее и ушел.

А потом пришли охотники. И его разум помутился от мучений. Пока соплеменники Ханы били его, вонзали в него ножи и копья, пытались его сжечь и все это длилось бесконечно, он совершенно перестал ощущать себя человеком. Он стал животным, одержимым инстинктами, как и эта толпа, пытавшаяся убить его.

И теперь, подобно зверю, Тьерри хотел только одного: выжить и уничтожить своих мучителей. И он знал, что сможет сделать это.

Горло... У каждого из них – белое горло, наполненное темной кровью. Этот образ медленно возник в его затуманенном от боли мозгу. Он был весь изранен, но внутри, будто гранитное ядро, все еще ощущалась сила. Он победит врагов, и они дадут ему жизнь.

Когда в Тьерри опять вонзилось копьё, он схватил его и потянул к себе.

Копье принадлежало широкоплечему охотнику, который привел других, чтобы те убили его. Тьерри схватил мужчину, когда тот, споткнувшись, наклонился вперед, и швырнул его на землю. Прежде чем толпа опомнилась, Тьерри ринулся к его горлу – туда, где под кожей пульсировала крупная вена.

Через минуту все было кончено. Тьерри пил глубокими, очень глубокими глотками и с каждым глотком набирался силы. Все племя из Триречья застыло, парализованное ужасом.

Это было неплохо.

Тьерри отшвырнул мертвое тело в сторону и потянулся к следующему врагу.

И когда к нему бросились несколько охотников, он перебил их всех по одному – первого, второго, третьего...

Он стал умелым убийцей. Кровь сделала его сверхъестественно сильным и быстрым, а непреодолимая жажда этой крови побуждала убивать. Он чувствовал себя свободно, как волк в стаде антилоп, – и никто из людей долго не понимал, что их спасет только бегство.

Это была настоящая бойня. Он убил их всех.

Опьяневший от крови, Тьерри торжествовал в своем животном неведении, упивался силой, которую дала ему эта кровь. Убивать было великолепно! Убивать ради еды, убивать ради мести! Уничтожать людей, причинивших ему зло! Он уже не мог остановиться...

Уже допивая последние капли крови из вены молодой девушки, он вдруг взглянул на ее лицо и увидел, что перед ним Хана.

Ее чистые серые глаза были широко открыты, но свет в них уже начал меркнуть.

Он убил ее...

И в один ослепляющий миг Тьерри перестал быть животным. Сейчас он глядел на единственного человека, который пытался помочь ему, который готов был отдать ему свою кровь, чтобы он выжил.

Затем он поднял глаза, оглядел пещеру и увидел все, что натворил. Он убил не только эту девушку. Он уничтожил большую часть ее племени.

Только сейчас Тьерри узнал всю правду. Он был проклят. Он совершил чудовищное преступление и об этом никогда не забудут, и он никогда не искупит его. Он встал на сторону зла, как и обещала ему Майя.

Нет такого наказания, которое стало бы для него слишком большим... и к тому же, как бы он ни был наказан, ничего уже не изменится – ни для этих людей, ни для этой девушки, умирающей у него на руках.

На мгновение какая-то часть его существа попыталась оправдаться.

«Ну что ж, пусть ты – зло, – убеждала его она. – Это не мешает тебе идти вперед. Наслаждайся этим. Не сожалей ни о чем. Теперь это твоя сущность. Прими это».

Девушка, которую он держал на руках, шевельнулась.

Она была еще в сознании. Ее глаза все еще оставались открытыми. Она подняла их на Тьерри...

В этот миг он испытал такой шок, какого даже не мог вообразить.

В этих больших серых глазах, в их огромных зрачках, которые расширились, словно хотели перед смертью поймать последние лучи света, Тьерри увидел... самого себя.

Он увидел самого себя и девушку, с которой рука об руку шел через века. Сменялись картины, возникали разные места и разные времена. Но всегда эти двое были вместе, соединенные невидимыми узами.

Тьерри узнал ее. Казалось, будто все эти века уже прошли и он лишь вспоминает о них. Но он знал, что это они вдвоем в будущем. Он глядел в коридор времени и видел то, что должно случиться.

Она была его родственной душой, его духовной супругой.

Она была той, которой предначертано пройти с ним через множество жизней, рождаясь, любя, и умирая, и вновь рождаясь. Они должны были прожить вместе много воплощений...

Но ничего этого теперь не будет. Он был бессмертным – как же он мог умереть и вновь родиться? А она умирала из-за него. Он все разрушил. Он уничтожил свою судьбу.

Ощущая всю чудовищность произошедшего, Тьерри безмолвно застыл перед Ханой. Он не мог даже выговорить «прости». Слова сейчас не имели никакого смысла... Что они могли

значить для нее? Тьерри просто сидел, глядя ей в глаза, и его била дрожь. Он понимал, что все погибло. И тогда Хана проговорила: – Я прощаю тебя.

Тьерри скорее угадал, чем услышал ее шепот. И он все понял, хотя Хана говорила на языке, чуждом ему. У него закружилась голова: оказывается, он мог общаться с ней! Они могли говорить друг с другом! О Богиня, какое счастье! Наконец он скажет ей, как попытается искупить свою вину: он выпустит из себя всю кровь...

Ты не можешь простить меня. – Тьерри видел, что она поняла его мысленный ответ. Он осознавал, что не заслуживает прощения. Но какая-то часть его существа хотела, чтобы Хана знала: он никогда не хотел, чтобы так случилось. – *Я не всегда был таким, как сейчас. Раньше я был человеком...*

У нас нет времени, – прервала она его.

Ее душа, казалось, тянулась к нему, увлекая его за собой в тихое, уединенное место, предназначенное только для них двоих. Тьерри знал, что она видит то же, что и он, тот же коридор времени.

Она была спокойной и печальной.

Я не хочу, чтобы ты умер. Но я хочу, чтобы ты пообещал мне кое-что.

Все, что угодно!

Обещай, что ты никогда больше не станешь убивать...

Пообещать это было очень легко. Ведь он не собирается жить без нее... хотя нет, она не хочет, чтобы он умер... Но он не может жить, зная, что убил ее, и он просто не сможет жить после всего, что сделал.

Но он подумает об этом позже... о том, как ему быть с этим бесконечно долгим мрачным будущим, ожидающим его. А сейчас он произнес:

Я больше никогда не буду убивать.

На ее губах промелькнула едва заметная улыбка.

И она умерла.

Ее серые глаза затуманились, взгляд остановился. Кожа ее приобрела призрачно-белый оттенок, а неподвижное тело, казалось, сразу стало меньше, как только душа покинула его.

Тьерри держал девушку в руках, баюкая ее и рыча, как раненый зверь. Он рыдал, и его била такая дрожь, что он с трудом удерживал ее тело. Любовь к ней пронзила его, словно копьё. Дрожащей рукой Тьерри осторожно убрал волосы с ее лица. Большим пальцем нежно провел по ее щеке... и на ней остался кровавый след.

Тьерри в ужасе уставился на него. Это пятно было как красное клеймо на бледной коже.

Даже любовь его смертельна! Его ласка выжгла на лице Ханы клеймо.

Тьерри заметил, что к нему подбираются несколько уцелевших охотников из племени Ханы; тяжело дыша, они приближались, держа копья наготове. Они чувствовали, что сейчас он уязвим. И он не поднял бы сейчас руку, чтобы остановить их... если бы не дал обещание Хане. Она хотела, чтобы он продолжал жить.

Тьерри поднял ее безжизненное остывающее тело и понес к охотнику, стоявшему ближе всех. Мужчина с недоверием и страхом уставился на него, но все же опустил копьё и принял мертвую девушку. А Тьерри вышел из пещеры – туда, где немилосердно пекло солнце. Он направлялся домой.

Майя догнала его в степи, появившись из высокой сочной травы:

– Я говорила тебе, чем все закончится. Теперь забудь эту облезлую блондинку и давай наслаждаться жизнью вместе.

Тьерри даже не взглянул на нее. Единственное, чего ему хотелось, – это убить Майю... но этого он сделать не мог.

– Не уходи от меня!

Майя уже не смеялась. Она была разъярена.

Тьерри бросился прочь, и вдогонку ему несся ее голос:

– Я выбрала тебя, Тьорн! Ты мой! Ты не можешь уйти от меня!

Тьерри мчался все дальше и дальше от нее, и голос Майи растворялся в гудении насекомых среди степной травы. Но ее мысленный голос преследовал его.

Я никогда не позволю тебе уйти. Ты всегда будешь моим, сейчас и всегда.

Тьерри шел быстро. Уже через несколько дней он добрался домой, к человеку, который был ему нужен.

Элвайза готовила целебные настои для больных. Услышав шум рядом с пещерой, она оторвалась от своего занятия и испуганно ахнула.

– Я не собираюсь причинить тебе вред, – поспешно произнес Тьерри. – Мне нужна твоя помощь.

Он попросил Элвайзу наложить на него чары, чтобы он заснул и проспал до тех пор, пока Хана не родится вновь.

– Это может быть очень нескоро, – сказала Элвайза, когда Тьерри рассказал ей обо всем, что произошло с ним. – Похоже, что ее душа была проклята. Могут пройти сотни лет... даже тысячи.

Тьерри было все равно.

– И ты сам можешь умереть, – добавила Элвайза. Глубокий взгляд ее светло-карих глаз был серьезным и сочувственным. – А если учесть, кем ты стал... не думаю, что существа, подобные тебе, рождаются вновь. Ты можешь просто... умереть навсегда.

Тьерри лишь кивнул в ответ. Он боялся всего двух вещей: того, что Майя найдет его, когда он будет спать, и того, что он не узнает, когда нужно проснуться.

– Второе я могу уладить, – подумав, сказала Элвайза. – Вы каким-то образом связаны. Ваши души едины. Когда она опять родится, голоса с Той Стороны шепнут тебе об этом.

Как разрешить первую проблему, Тьерри догадался сам. Он сам вырыл себе могилу. Это было единственное место, где он мог рассчитывать на покой и безопасность.

Элвайза дала ему настой корней и коры, и Тьерри отправился спать.

Он проспал долго. За это время произошла великая битва, после которой Элвайза выгнала из племени Майю и ее сына Реда Ферна, приказав им держаться подальше от ведьм. Потом возникло Царство Ночи и прошли целые тысячелетия, в течение которых изменялся мир людей. Когда Тьерри наконец проснулся, мир стал совсем другим – с цивилизациями и городами. И он знал, что где-то, в каком-то из этих городов родилась Хана. И он начал искать ее.

Он был скитальцем, бродягой, потерянной душой без дома и близких. Но убийцей он не был. Он научился добывать кровь не убивая, находил добровольных доноров, но не охотился на перепуганных жертв.

Он заглядывал в каждую деревню, мимо которой проходил, изучал новый мир, окружавший его, и всматривался в каждое лицо, которое встречалось ему. Большинство общин были рады принять этого высокого молодого человека в пыльных одеждах и с пронзительным взглядом. Но он оставался на каждом месте ровно столько, чтобы убедиться, что Ханы там нет.

Он нашел ее в Египте. Ей было шестнадцать. И ее звали Ха-накт.

Тьерри сразу узнал ее, потому что она была такой же высокой, светловолосой, сероглазой и прекрасной.

Она совсем не изменилась, за исключением одного.

На ее левой щеке, там, где к ней когда-то прикоснулись пальцы Тьерри, испачканные ее же кровью, образовалась красная отметина, похожая на кровоподтек. Будто на ее безупречно чистой коже появилось пятно краски.

Это было напоминание о том, что случилось с ней в прошлой жизни. Незаживающая рана.

Это была его вина. Стыд и горе переполняли Тьерри. Он обнаружил, что другая девочка, Кэт, которая была подругой Ханы в ее прошлой жизни, опять находилась рядом с ней. И здесь они были подругами. Может, лучше оставить ее одну в этой жизни и даже не пытаться заговорить с ней?

Но он забыл о Майе.

Вампиры не умирают.

Жизнь иногда преподносит сюрпризы. Именно в тот момент, когда Тьерри подумал о Майе, в вестибюль кто-то вошел. Все еще оставаясь в прошлом, Тьерри решил, что это, возможно, кто-то из Круга, и смутился из-за того, что его застали врасплох. Но затем его сердце забилось быстрее, а мышцы сильно напряглись. Перед ним стояла Майя.

Он не видел ее уже сотни лет. В последний раз это произошло в Квебеке, когда Ханна

носила имя Аннеты.

А Майя ее убила...

Тьерри поднялся.

Она была по-прежнему красива. Но для Тьерри ее красота была все равно что радужные пузыри на поверхности нечистот. Он ненавидел ее больше, чем кого бы то ни было.

– Значит, ты нашла меня, – спокойно произнес он. – Я знал, ты в конце концов появишься.

Майя ослепительно улыбнулась:

– Ее я нашла раньше.

Тьерри замер.

– Это очень хороший амулет. Мне пришлось ждать, чтобы застать ее одну и она пригласила бы меня зайти в дом.

У Тьерри заныло сердце. Он почувствовал, как оно бешено колотится в груди... словно пытаюсь вырваться и устремиться к Ханне – прямо сейчас!

Как же он мог оказаться таким дураком? Ханна добра и наивна! Разумеется, она могла пригласить в свой дом любого. И она считала Майю другом.

Но, может, хоть кольцо не дало подчинить ее сознание... если только Ханна не сняла его. А она, скорее всего, избавилась от кольца.

– Что ты с ней сделала? – сдавленным шепотом спросил он.

– О, ничего особенного. В основном мы просто побеседовали. Я сказала, что ты, возможно, будешь груб с ней, если все будет не по-твоему.

Майя склонила голову набок и, не спуская с Тьерри глаз, ожидала его реакции. Но Тьерри сдержался. Он просто стоял, молча наблюдая за ней.

Она не изменилась за прошедшие тысячелетия. Она никогда не менялась, никогда не старела, никогда не уставала. И она никогда ни в чем не уступала.

Иногда он думал, что следовало бы просто привязать себя к ней, найти бездонную пропасть и прыгнуть туда. Избавить мир от двух старейших вампиров и от всех бед, которые несет людям Майя.

Но он помнил о своем обещании Хане.

– Какая разница, что ты ей сказала, – холодно произнес он. – Ты ничего не понимаешь, Майя. Сейчас другое время. Она все помнит и...

– И ненавидит тебя. Я знаю. Бедный малыш...

Вид у Майи стал притворно-сочувствующим. Глаза ее засверкали переливчато-синим цветом. Тьерри заскрежетал зубами.

– И я пришел к решению, – продолжил он ровным тоном, – что круг должен быть разорван. И есть способ это сделать...

– Я знаю, – сказала Майя прежде, чем он успел закончить. – Ты можешь отказаться от нее. Уступить мне...

– Да.

Теперь уже Тьерри застал ее врасплох. В глазах у Майи вспыхнуло неподдельное удивление.

– Это мое «да», по крайней мере, касается первого, – закончил он. – Я покидаю ее.

– Ты не покинешь. Ты не сможешь.

– Она счастлива в этой жизни. И она... не хочет меня знать. – Что ж, как бы эти слова ни было трудно произнести, он сделает это. – Она помнит все... не знаю почему, но помнит. Может быть, потому, что она так близка к своей первоначальной сущности. Может, каким-то образом воспоминания всплыли в ее памяти. А возможно, это действие гипноза... Но в любом случае она больше не хочет меня знать.

Майя заинтересованно наблюдала за ним. Взгляд ее сумрачно-фиолетовых глаз стал глубоким, губы приоткрылись...

Внезапно она отвела взгляд и едва заметно улыбнулась:

– Она помнит все? Ты действительно так думаешь?

Тьерри кивнул.

– Когда-то я причинил ей лишь боль и страдания. Думаю, она это понимает. – Он вздохнул и опять поймал взгляд Майи. – Поэтому я завершаю круг... сейчас же.

– И ты собираешься уйти.

– Уходи и ты. Больше она для тебя не опасна. Если тебе от меня что-нибудь нужно, можешь иметь дело только со мной. Будешь в Вегасе, заходи. – Взгляд Тьерри был бесстрастным и изучающим.

Откинув голову, Майя рассмеялась мелодичным серебристым смехом.

– О... почему ты не сказал мне об этом раньше? Ты мог избавить меня от некоторых хлопот... но, с другой стороны, ее кровь оказалась такой сладкой. Мне бы не хотелось упустить...

Журчание ее голоса внезапно оборвалось: Тьерри отшвырнул Майю к стене, отделанной дубовыми панелями.

На мгновение он утратил над собой контроль. Он так рассвирепел, что не мог говорить вслух.

Что ты сделала с ней? Что ты сделала? – прокричал он мысленно, схватив Майю руками за горло.

Майя всего лишь улыбнулась. Она была самым древним вампиром и самым могущественным. В каждом вампире, который появлялся после нее, ее кровь разбавлялась, становясь слабее наполовину, на треть, на четверть... Но Майя была самым первым, чистокровным вампиром. Она никого не боялась.

Я? Я ничего ей не сделала, – так же мысленно ответила она. – *Боюсь, что именно ты напал на нее. Кажется, ее это очень огорчило... Она даже вонзила в тебя карандаш*. – Майя подняла руку, и Тьерри увидел на ней небольшую ранку со следами крови.

«Она прибегла к иллюзии», – подумал он.

Майя могла превращаться в кого угодно и во что угодно. Она обладала даром перевоплощения, подобно вер-вольфам и оборотням. И конечно же, она была ведьмой.

Она и вправду незаурядная, – продолжала Майя. – *Но с ней все в порядке: ты не изменил ее кровь настолько, насколько собирался. Как видишь, у нее оказался под рукой карандаш*.

Сзади стали подходить люди. Собираясь вокруг Тьерри, они беспокойно перешептывались. Они уже были готовы вмешаться и попросить его оставить девушку, которую он буквально душил.

Но Тьерри не обращал на них внимания.

Имей в виду, – сказал он Майе, глядя в ее насмешливые золотистые глаза. – Если ты снова тронешь Ханну... когда-либо... в любой жизни... я убью тебя. Я убью тебя, – прошептал он вслух, чтобы подчеркнуть свою убежденность в том, что говорит. – Можешь поверить, Майя, я сделаю это.

И он отпустил ее. Ему нужно было срочно увидеть Ханну. Даже небольшое изменение крови вампиром может быть опасным, а кровь Майи была самой мощной на Земле. И вот что плохо: ведь он уже взял у Ханны немного крови прошлым вечером. Она сейчас, должно быть, очень слаба... а может, изменения уже начались.

Тьерри не мог больше думать об этом. Он рванулся к двери, а в голове его звучал насмешливый голос Майи:

Не убьешь, ты сам это знаешь. Ты не убьешь меня. Тьерри умеет сочувствовать... Тьерри – хороший вампир... Тьерри – святой Рассветного Круга... Ты не способен на это. Ты не можешь убивать.

Тьерри остановился у порога и оглянулся. Он посмотрел Майе прямо в глаза:

– Ты меня доведешь...

Выйдя на улицу, он мгновенно растворился в ночной мгле, и тогда его догнали последние слова Майи:

И к тому же ты дал обещание...

Глава 11

Ханна шевельнулась. Как она здесь оказалась и что она здесь делает? Но потом вспомнила. Автомобиль! Она ехала к Чесс! Ее глаза мгновенно открылись.

Ханна успела отъехать довольно далеко от дороги. Ее «форд» затерялся в прерии, где,

кроме полыни и перекасти-поля, ничего не было. Он уткнулся передним бампером в огромный кактус, согнув его почти до земли.

Ханна огляделась вокруг и увидела, что вдалеке, немного левее, светятся окна в доме Чесс. Она повернула ключ в замке зажигания, но двигатель лишь чихнул и заглох.

«И что теперь? Оставить машину и пойти пешком?»

Ханна попыталась вспомнить, что же с ней произошло после того, как на нее напал Тьерри и она выпила его крови. Она прислушивалась к себе, стараясь обнаружить какие-либо изменения. Но ощущала лишь какое-то странное, легкое головокружение.

«Можно идти. Я в порядке». Прижимая к себе обломок деревянного засова, Ханна выбралась из автомобиля и направилась в сторону светившихся окон. Она почти не чувствовала под собой земли.

Она уже прошла несколько сотен ярдов, как вдруг услышала волчий вой.

Этот звук был ей так знаком и раздался он так неожиданно, что Ханна остановилась. Это, конечно же, был волк – такой же, как и те, что напали на нее у Пола. Но сейчас у Ханны не было никакого оружия, и серебра тоже не было.

«Нужно просто идти дальше», – решила она, вовсе не нуждаясь сейчас в советах хладнокровного внутреннего голоса.

Но, вспомнив о хищных длинных клыках и невероятного размера когтях, Ханна испугалась. К тому же та часть ее существа, которая была Ханой из Триречья, ощущала глубокий инстинктивный страх перед хищниками, о котором цивилизованная Ханна Сноу даже понятия не имела.

Сжав палку в холодной влажной ладони, она упрямо продолжала шагать дальше.

Вой послышался снова, так близко, что Ханна вздрогнула. Ее взгляд заметался, пытаясь определить, что скрывается во тьме. Ей показалось, что сейчас ее зрение стало острее, чем обычно бывало ночью... Может, это из-за крови вампира? Но даже этим новым зрением она не заметила никакого движения. Все пространство вокруг было пустынным и неестественно спокойным.

Небо казалось необычно высоким. И звезды сверкали на нем холодным голубым светом, будто показывая, что им нет никакого дела до всего, что происходит на земле.

«Я могу умереть здесь, а они все так же будут сиять», – подумала Ханна.

Она ощутила себя такой маленькой, такой незначительной... и такой одинокой.

Вдруг позади себя она услышала чье-то дыхание.

Странно... Вой был очень громким, а этот звук – совсем тихим... и это еще больше испугало Ханну. Этот звук был хорошо ей знаком. Он явно принадлежал кому-то, и это означало, что Ханна была здесь не одна.

Она быстро обернулась, держа палку наготове. По ее коже поползли мурашки, но она приготовилась сражаться за свою жизнь. Сейчас она была заодно со своим невозмутимо-спокойным внутренним голосом, и ее сердце стало холодным и твердым как сталь.

Перед Ханной возник высокий человек. Его светлые белокурые волосы отражали звездный свет.

Тьерри!

Ханна подняла палку.

– В чем дело? Тебе что, мало?

Ханна с удовлетворением обнаружила, что ее голос звучит уверенно. Правда, немного хриловато, но уверенно. Она выразительно погрозила ему палкой, демонстрируя, что имеет в виду под словом «мало».

– С тобой все в порядке? – спросил Тьерри.

Он выглядел... иначе, чем в последний раз. Его темные глаза вновь были печальны. Они были бы похожи на звезды, если бы в глубине их не таилась безграничная тоска.

– А тебе какое дело? – Ханна внезапно ощутила головокружение.

Справившись с ним, она увидела, что Тьерри подходит к ней, протягивая руку. Ханна взмахнула палкой в каком-то дюйме от его ладони и сама поразилась тому, как быстро ей удалось отреагировать. Ее тело двигалось инстинктивно и размеренно – как тогда, когда она

сражалась с волками-оборотнями.

«Наверное, в какой-то из своих жизней я была воином, – подумала она. – Может быть, оттуда ко мне и приходит невозмутимый внутренний голос – так же, как тот кристальный голос приходит от Ханы из Триречья».

– Мне есть дело. – По голосу Тьерри было заметно, что он вовсе не надеется, что Ханна поверит этому.

Ханна рассмеялась. Головокружение и пробудившиеся в ней инстинкты ввели ее в особое состояние. Она чувствовала себя дерзкой и, может быть, слишком самоуверенной.

«Наверное, так чувствуют себя пьяные», – подумала она, и ее мысли опять стали путаться.

– Ханна...

Она принялась размахивать палкой, не позволяя ему подойти ближе.

– Ты что, псих? – крикнула она. На ее глазах выступили слезы. – Ты думаешь, что можешь напасть на меня, а потом запросто вернуться и сказать «извини» и все будет в порядке? Как бы не так! Если между нами что-то и было, то все закончилось. Второго шанса у тебя не будет.

Ханна видела, как напряглось его лицо, как окаменели мышцы сжатых челюстей. Но самым неожиданным было то, что – она могла бы поклясться – в его глазах тоже заблестели слезы.

И тут она пришла в ярость. Как он смеет делать вид, что обижен, после всего, что натворил?

– Я тебя ненавижу! – Она выпалила эти слова с такой яростью, что даже сама испугалась. – Ты мне не нужен. Я не хочу тебя видеть. И я в третий раз говорю тебе: держись от меня подальше! Катись к черту!

Тьерри открыл рот, будто собирался что-то сказать, но после ее слов «ты мне не нужен» тут же закрыл его. Когда она замолчала, он отвернулся и посмотрел в сторону прерии.

– Может, это и к лучшему. – невнятно пробормотал он.

– Держаться от меня подальше?

– То, что ты ненавидишь меня.

Он опять взглянул на нее. Такого взгляда Ханна ни у кого никогда не видела. Он был невероятно отрешенным, безнадежным и... спокойным. Такой покой наступает после войны, в которой гибнут все.

– Ханна, я пришел сказать тебе, что ухожу, – продолжил Тьерри. Голос его, как и взгляд, был безжизненным и угасшим. – Я уезжаю домой. Больше я тебя не побеспокою. И ты права: я не нужен тебе. Ты можешь прожить долгую и счастливую жизнь без меня.

Если он надеялся, что эти слова произведут на нее впечатление, то ошибся. Она больше не верила ни одному его слову.

– Но только одно... – Он в нерешительности помедлил. – Прежде чем я уйду, ты разрешишь мне взглянуть на тебя? На твою шею. Мне нужно быть уверенным, что... – им опять овладело мимолетное колебание, – что я не причинил тебе особого вреда...

Ханна опять рассмеялась коротким, отрывистым смехом.

– Неужели ты считаешь меня такой дурой? Я имею в виду, настоящей дурой? – Она опять рассмеялась, и Тьерри услышал в ее смехе истерические нотки. – Если ты хочешь сделать что-нибудь для меня, то лучше всего повернись и уйди. Уйди навсегда.

– Я уйду. – Его лицо напряглось еще сильнее. – Обещаю. Просто я беспокоюсь, хватит ли у тебя сил добраться домой.

– Я могу сама о себе позаботиться. Мне не нужно от тебя никакой помощи. – Ханна ощутила очередной приступ головокружения, но постаралась не подавать виду. – Если ты просто уйдешь, мне уже будет хорошо.

На самом деле она знала, что хорошо ей не будет. Перед глазами опять заплескали серые пятна, и она чувствовала, что вот-вот потеряет сознание.

«Как бы добраться до Чесс?» – подумала она.

Для этого ей нужно пройти мимо Тьерри, что было сродни безумию... Но еще большим безумием было оставаться на месте, дожидаясь, пока она без чувств свалится у его ног.

– Я ухожу, – проговорила Ханна, стараясь, чтобы ее голос прозвучал ясно и отчетливо, а не как у человека, который близок к обмороку. – И я не хочу, чтобы ты шел за мной.

И она двинулась в сторону дома Чесс.

«Я не упаду в обморок, я не упаду в обморок», – не переставая твердила себе Ханна.

Она размахивала палкой и старалась глубоко вдыхать прохладный ночной воздух. Но с каждым шагом ее ноги все больше путались в густой траве, а стоило ей поднять глаза, как перед ними все начинало плыть.

«Я... не... упаду... в обморок...»

Ханна была уверена, что от этого зависит ее жизнь. Земля казалась вязкой, как болото. А где же окна? Каким-то образом они переместились вправо... Ханна попыталась изменить направление и споткнулась.

«Я не упаду в обморок...»

Но ноги отказали ей. Она их больше не ощущала и начала медленно оседать на землю. Единственное, что ей удалось, – это смягчить падение, выставив вперед руки. А затем ее окутали тьма и безмолвие.

Но сознание Ханны угасло не полностью. Она лежала на земле и плыла в этой тьме, будто одурманенная, как вдруг ощутила, что рядом с ней кто-то находится.

«Нет... – подумала она. – Возьми палку. Он укусит тебя. Он убьет тебя».

Но она не могла даже пошевелиться. Тело больше не слушалось ее.

Она почувствовала мягкое прикосновение руки, осторожно убирающей волосы с ее лица.

Нет...

Рука прикоснулась к ее шее. Но это было лишь осторожное прикосновение пальцев, легко пробежавших там, где остался след от укуса, – словно прикосновение врача, пытающегося поставить диагноз. Ханна услышала вздох облегчения, и пальцы перестали дотрагиваться до ее кожи.

«Все будет в порядке. – Голос Тьерри едва дошел до сознания Ханны. Она поняла: он думает, что она не слышит его. Он думает, что она без сознания. – Если в течение следующей недели держаться подальше от вампиров».

Что это, угроза? Ханна не поняла. Она уже готовилась к тому, что сейчас почувствует пронизывающую боль от укуса.

Он снова прикоснулся к ее лицу одними лишь пальцами, так ласково... так нежно.

«Нет», – подумала Ханна.

Она хотела встать, оттолкнуть его. Но не могла.

А ласковые пальцы гладили ее лицо, исследуя каждую его черточку. И эти легчайшие прикосновения вызывали у Ханны беспомощную дрожь.

«Я ненавижу тебя», – думала она.

Пальцы пробежали по изгибу брови, спустились вниз, к щеке, – туда, где было родимое пятно. Ханна внутренне содрогнулась. Затем пальцы проскользнули по подбородку и прикоснулись к губам. Кожа здесь была так чувствительна. Пальцы Тьерри обвели ее губы. Внутренняя дрожь Ханны перешла в трепет. Ее сердце переполнялось любовью и желанием.

«Я не должна это чувствовать... Я ненавижу тебя...»

Но она услышала шепот... шепчущий внутренний голос, которого она уже давно не слыхала. Кристально чистый, тихий, но звонкий:

«Прикоснись к нему. Разве ты не чувствуешь, что он сейчас не такой, как тогда? Другой запах, другой голос...»

Ханна не знала, что означают эти слова, да и не желала знать. Она только хотела, чтобы Тьерри остановился.

Его пальцы прикоснулись к ее ресницам, погладили нежную кожу век, будто придерживая их, чтобы они не открылись. Ханна почувствовала, что Тьерри наклонился ниже.

«Нет, нет, нет...»

Теплые губы прикоснулись к ее лбу. Всего лишь прикоснулись. И больше ничего.

«Прощай, Ханна», – прошептал Тьерри.

Она почувствовала, как сильные нежные руки подняли ее и понесли.

Сейчас она старалась не потерять сознание, чтобы насладиться ощущением необычного покоя и безопасности. И она изо всех сил пыталась открыть глаза.

Она хотела увидеть его руки. Ведь еще не прошло достаточно времени, чтобы рана,

нанесенная карандашом, полностью затянулась.

Если эта рана вообще была.

Но она не могла открыть глаза... до тех пор, пока не ощутила, что ее опустили на твердую землю. Лишь теперь ей удалось поднять тяжелые веки и бросить взгляд на его руки.

Никаких следов раны не было!

Это открытие буквально обожгло Ханну... но у нее уже не оставалось сил. Ресницы ее опять стали смыкаться, и, как сквозь туман, откуда-то издалека она услышала слабый звук дверного звонка.

А затем у нее в голове тихо прозвучал голос:

Тебе не нужно больше ничего бояться. Я ухожу... и она тоже.

Не уходи. Подожди. Мне нужно поговорить с тобой. Мне нужно спросить тебя...

Но ответом ей стало лишь дуновение прохладного ветерка, и она поняла, что осталась одна.

Потом Ханна услышала, как открылась дверь и раздался изумленный возглас матери Чесс, которая увидела подругу дочери, лежащую у их порога. Сбежавшиеся люди теребили ее, звали...

Но Ханне все это было неинтересно. Она позволила тьме окутать себя.

И когда она провалилась в забытие и полностью освободилась от реальности, то начала грезить. Она снова стала Ханой из Триречья и увидела конец своей жизни.

Она увидела, как грязный, окровавленный Тьерри поднимается, чтобы убить своих мучителей. Она знала, что пришла и ее очередь. Она подняла глаза и увидела его свирепое лицо, увидела звериный блеск в его глазах.

А потом она увидела, как все закончилось. Промелькнувший коридор времени, встреча со своим духовным супругом... Прощение и обещание...

А затем ее сознание заполнили призрачные тени. И в этом полумраке Ханна мирно и спокойно проспала до самого утра.

Первое, что увидела Ханна, когда проснулась, это зеленые, сверкающие, как у кошки, глаза, которые уставились на нее.

– Ну как ты? – спросила Чесс.

Ханна лежала на ее кровати. Из окна струился солнечный свет.

– Я... еще не знаю. – Неясные образы витали в ее голове, не складываясь в цельную картину.

– Мы нашли тебя вчера ночью. Ты бросила автомобиль далеко от дороги, но все же сумела добраться сюда, прежде чем совсем свалилась.

– О... да. Я помню.

Она действительно помнила; обрывки воспоминаний, как в головоломке, соединились вместе. Майя. Тьерри. Нападение. Автомобиль. Снова Тьерри. И наконец, ее сон. Ее собственный голос, произносивший: «Я прощаю тебя».

А теперь он ушел. Он ушел домой... туда, где был его дом.

Ханна впервые в жизни была в таком смятении.

– Ханна, что случилось? Ты заболела? Вчера мы не знали, отправлять тебя в больницу или нет. Но у тебя не было температуры, и ты нормально дышала, поэтому моя мама сказала, что тебе нужно всего лишь выспаться.

– Я не заболела.

Пожалуй, сейчас самое подходящее время рассказать Чесс обо всем. В конце концов, ведь именно поэтому она и мчалась к ней вчера ночью.

Но сейчас... сейчас, ярким солнечным утром, ей не хотелось ничего рассказывать. И вовсе не потому, что Чесс могла оказаться в опасности – опасности, грозившей ей со стороны Тьерри или вообще со стороны обитателей Царства Ночи. Просто Ханна не нуждалась в этом разговоре. Она могла сама со всем справиться. Эта проблема не касалась Чесс.

«И к тому же я еще не знаю всей правды, – подумала Ханна. – Но, кажется, она начинает проясняться».

– Ханна, ты хотя бы слышишь меня?

– Да. Извини. Я в порядке. Вчера у меня ужасно кружилась голова, но сейчас мне лучше. Я могу воспользоваться твоим телефоном?

– Можешь что?

– Мне нужно позвонить Полу... ну, ты знаешь, психологу. Мне нужно поскорее с ним встретиться.

Ханна вскочила и, переждав, пока предметы перестанут плыть у нее перед глазами, вышла из комнаты, сопровождаемая недоуменным взглядом Чесс.

– Нет, – отрезал Пол. – Об этом даже и речи не может быть. – Он взмахнул руками, а потом нервно похлопал по карманам в поиске несуществующей сигареты.

– Пол, пожалуйста! Я должна это сделать. И если ты не захочешь мне помочь, я попытаюсь сама. Думаю, что самогипноз сработает. Во всяком случае, у меня недавно довольно хорошо получилось увидеть сон о прошлом.

– Это... слишком... опасно. – Пол произнес каждое слово почти по слогам и опустил в свое кресло, прижав руки к вискам. – Ты разве забыла, что произошло в прошлый раз?

Ханне было жаль его. Но она жестко сказала:

– Если я сделаю это сама, последствия могут оказаться еще хуже. Верно? А если ты загипнотизируешь меня, то будешь рядом и вытацишь меня. Ты можешь опять плеснуть на меня водой.

Пол быстро взглянул на нее:

– Ах, так? А что, если на сей раз это не сработает?

Ханна отвела взгляд. А потом посмотрела Полу прямо в глаза и спокойно произнесла:

– Не знаю. Но я все же попытаюсь. Я должна узнать правду. Или я просто сойду с ума.

Пол застонал. Он схватил ручку и принялся нервно ее грызть, бегая по комнате.

– Что же такое тебе хочется узнать? Допустим, если я соглашусь... – Его голос звучал подавленно.

Ханна с облегчением вздохнула:

– Я хочу узнать об этой женщине, которая все время предостерегает меня. Ее зовут Майя. И я хочу узнать, как я умерла в других жизнях.

– Великолепно. Ты что, шутишь?

– Я должна это сделать. – Ханна глубоко вздохнула. Она не мигая смотрела на Пола, хотя уже чувствовала, как ее глаза наполняются слезами. – Я знаю, что ты не понимаешь этого. И я не могу объяснить тебе, насколько это важно для меня. Но это... Важно.

Наступило молчание.

– Хорошо. Ладно, – вздохнув, согласился Пол. – Но только потому, что для тебя безопаснее, если кто-то будет находиться рядом.

– Спасибо, – прошептала Ханна.

Потом она смахнула слезы и развернула листок бумаги.

– Я записала несколько вопросов для тебя... чтобы ты задал их мне.

– Прекрасно. Замечательно. Я уверен, ты скоро получишь ученую степень по психологии, – попытался пошутить Пол, но бумагу взял.

Ханна направилась к кушетке и устроилась на ней. Она закрыла глаза, приказав мышцам расслабиться.

– Так, – начал Пол. В его голосе не было прежней уверенности, как в первый раз. – Я хочу, чтобы ты представила себя плывущей в волнах красивого фиолетового света...

Глава 12

Ей было шестнадцать, и ее звали Ха-накт. Она была девственной жрицей, посвященной богине Исиде.

Она носила тонкую полотняную юбку, ниспадающую от талии до самых щиколоток. Больше на ней ничего не было – кроме широкого серебряного ожерелья с подвешенными к нему бусинами из аметистов, сердоликов, бирюзы и ляпис-лазури. Оба ее предплечья и

запястья охватывали серебряные браслеты.

Этим утром – она очень любила это время суток – Ха-накт заботливо разложила подношения Исида перед ее статуей: цветы лотоса, маленькие лепешки и пиво. Затем, обернувшись лицом к югу, она начала восхваление богини, призывая ее пробудиться.

Пробудись, Исида, Мать Звезд,
Великая в волшебстве,
Хозяйка Мира,
Повелительница своего отца,
Самая могущественная среди богов,
Госпожа над Водами Жизни,
Мощь Сердца,
Исида, у которой десять тысяч имен...

Позади Ха-накт раздался звук шагов, и она в испуге и досаде замолчала.

– Прости. Я не помешала тебе?

Перед ней стояла женщина, прекрасная женщина с длинными черными волосами.

– Тебе нельзя здесь находиться, – резко сказала Ха-накт. – Только жрецы и жрицы... –

Она внимательнее пригляделась к женщине и осеклась.

«Может, она и есть жрица... В ее лице что-то такое... особенное...»

– Я просто хочу поговорить с тобой. – Хрипловатый голос женщины звучал убедительно, почти завораживающе. – Это очень важно.

Она улыбнулась, и Ха-накт почувствовала, как у нее по спине пробежала дрожь.

«Если она жрица, то, конечно же, жрица Сета⁵».

Сет – самый злой из богов... и один из самых могущественных. В этой женщине, безусловно, чувствовалась сила. Но злая ли? Ха-накт не была полностью уверена в этом.

– Меня зовут Майя. И то, что я хочу рассказать, может спасти твою жизнь.

Ха-накт застыла. Ей захотелось убежать от Майи и разыскать свою лучшую подругу Хет-хетепс. Или, еще лучше, кого-нибудь из главных жриц. Но ее любопытство пересилило страх.

– Я действительно не могу прерывать восхваление... – начала было она.

– Это касается странника.

У Ха-накт перехватило дыхание. После долгого молчания она произнесла:

– Я не знаю, о чем ты говоришь. – В ее голосе прозвучала нерешительность, и она сама услышала это.

– О нет, ты знаешь. Странник. Высокий, белокурый, красивый... с такими печальными темными глазами. Тот, с которым ты встретишься тайком.

Девушку охватила дрожь. Она была жрицей, давшей клятву богине. Если кто-нибудь узнает, что она встречалась с мужчиной...

– О, не беспокойся, дитя мое, – улыбнулась Майя. – Я не собираюсь выдавать тебя. Как раз наоборот. Я хочу тебе помочь.

– Мы ничего не делали. – Голос Ха-накт задрожал. – Мы только поцеловались... Он говорит, что не хочет, чтобы я покидала храм. Он не собирается оставаться здесь долго. Он сказал, что не мог не заговорить со мной, как только увидел меня.

– И неудивительно, – холодно произнесла Майя. Она коснулась волос Ха-накт, и та инстинктивно отшатнулась. – Ты такая хорошенькая девушка. Какой необычный цвет волос для этой части света... Должно быть, ты думаешь, что любишь его.

– Я люблю его, – выпалила Ха-накт, прежде сумела сдержаться. А затем понизила голос: – Но я знаю свой долг. Он говорит, что в ином мире мы будем вместе.

Ей не хотелось рассказывать обо всем остальном – о тех удивительных вещах, которые она видела вместе со странником, о том, как она узнала его и что они предназначены друг

⁵ Сет – в древнеегипетской мифологии бог пустынь, бурь и непогоды, олицетворение зла. (Примеч. ред.).

другу.

– И ты ему поверила? Милое мое дитя! Ты так наивна. Вероятно, потому, что всю жизнь прожила в храме.

Женщина задумчиво оглядела все вокруг, потом опять взглянула на Ха-накт. Ее печальное лицо выражало сожаление.

– Мне неприятно, что приходится говорить тебе это. Но странник не любит тебя. На самом деле он очень злой человек. Он – Ур-демон, и он хочет украсть твою са.

«О Исида!» – испугалась Ха-накт.

Са была дыханием жизни, магической силой, позволяющей жить. Она слышала о демонах, которые крадут ее. Но поверить в то, что таким демоном был странник... Он казался таким ласковым, таким добрым...

– Это правда, – уверенно произнесла Майя, искоса взглянув на Ха-накт. – И ты сама это знаешь. Подумай как следует. Иначе зачем бы ему захотелось попробовать твою кровь?

Вздвогнув, Ха-накт залилась румянцем.

– Откуда ты знаешь?.. – Она умолкла, закусив губу.

– Вы встретились ночью у лотосового пруда, когда все еще спали. Наверное, ты подумала, что не будет большого вреда, если позволишь ему выпить немного твоей крови. Совсем немного. Только чуть-чуть... Это было так захватывающе... Но поверь мне: это убьет тебя. Он демон, и он хочет, чтобы ты умерла.

Хрипловатый завораживающий голос все звучал и звучал. Он рассказывал об Ур-демонах, которые пьют кровь, о мужчинах и женщинах, которые могут превращаться в животных, и о том месте, которое называется Царством Ночи, где все они живут... У Ха-накт начала кружиться голова.

И сердце ее разбилось. Разбилось буквально: при каждом вдохе она ощущала, как оно разрывается на части. Юная жрица не плакала, но слезы сами выступали из-под опущенных век.

Ведь она не могла отрицать, что странник вел себя почти как Ур-демон. Иначе зачем же ему нужно было пить ее кровь? И все то, что она видела вместе с ним, ощущение судьбы... все это могло быть магией. Он обманул ее с помощью чар.

Майя, похоже, закончила свой рассказ.

– Ты запомнишь, что я тебе сказала? – спросила она.

Ха-накт лишь печально взмахнула рукой. Какая разница, запомнила ли она. Ей хотелось сейчас лишь остаться одной.

– Посмотри на меня!

Вздвогнув, Ха-накт взглянула на Майю. И это было ее ошибкой. Необычные глаза Майи, казалось, каждое мгновение меняли свой цвет, переливаясь разными оттенками. И как только Ха-накт встретилась с ней взглядом, она уже не могла отвести его. Она была зачарована и чувствовала, что ею завладела чужая воля.

– Запомни все, что я сказала. – Глаза Майи приобрели глубокий золотистый оттенок, напомнив Ха-накт древние глаза крокодила. – И запомни еще одно. Запомни... как он убивает тебя.

А затем случилось самое странное. Ха-накт показалось, что она стала одновременно двумя девушками. Одна из них осталась в храме. А вторая смотрела на все происходящее из будущего. И в этот момент сама Ха-накт, и та ее сущность из будущего видели разные вещи.

Ха-накт видела, что Майя ушла и храм опустел. А потом в него кто-то вошел. Высокий человек со светлыми волосами и темными бездонными глазами... Странник! Он улыбнулся и подошел, протянув к ней руки. Он обнял ее, и его руки были сильными, как у демона. А затем он обнажил зубы.

Но та сущность Ха-накт, которая была девушкой из будущего, видела другое. Она видела, что Майя вовсе не покидала храм. Видела, как лицо и тело Майи стали зыбкими, словно вода... а потом изменились. Как будто возникло два образа – один в другом. Тот образ, что снаружи, был странником, но внутри под ним была Майя.

«Вот как это было. Вот как она это сделала...»

Этот голос прозвучал оттуда, где находилось будущее воплощение Ха-накт, но сейчас сама Ха-накт не поняла этого. Да у нее и не было времени подумать: в следующее мгновение

она ощутила страшную боль от разрывающих ее зубов.

«О Исида, Богиня Жизни, проводи меня в мир иной...»

– Так вот как она это сделала, – выдохнула Ханна.

Она сидела на кушетке. Теперь она знала, кто она. И даже больше – кем была раньше.

Это была еще одна из тех ослепительных вспышек в памяти. Будто она стояла в конце коридора времени и смотрела в прошлое – на сотни различных своих воплощений. Каждое из них немного отличалось от другого, и одеты они были по-разному, но все они были ею, Ханной. У нее были разные имена: Ханье, Анора, Сиана, Нэн, Хайана, Хонни, Йан, Аннета. Она была воительницей, жрицей, принцессой, рабыней. Но сейчас она чувствовала силу всех своих воплощений. В самом конце коридора, подернутого туманной мглой, слегка окрашенной розово-голубым цветом, ей почудилось, что она видит Хану, которая улыбнулась ей. А потом Хана повернулась и ушла – ее задача была выполнена...

Ханна глубоко вздохнула и вдруг воскликнула, почти не осознавая, что говорит вслух:

– Это сделала она! Майя! Она создала иллюзию. И конечно, она проделывала это и прежде. Может быть, каждый раз. Как поступить с тем, кто все время продолжает убивать тебя? Кто никогда не позволяет тебе дожить до семнадцати? Пытается уничтожить тебя – не только твою жизнь, но и душу?..

До Ханнны вдруг дошло, что Пол смотрит на нее с изумлением.

– Ты ждешь от меня ответа?

Она покачала головой, продолжая говорить:

– О Богиня... то есть Бог... она должна ненавидеть меня. Я все еще не понимаю почему. Может быть, она хочет, чтобы Тьерри принадлежал ей... или, может, она хочет сделать его несчастным. Ей нужно, чтобы он думал, будто я боюсь его до ужаса, будто я ненавижу его. И она добилась этого. Она убедила меня. Она убедила мое подсознание настолько, что я стала сама себя предостерегать от Тьерри.

– Если все, что ты говоришь, правда – а я не собираюсь признавать это ни на секунду, потому что тогда у меня точно отберут лицензию, – то могу сказать тебе одно: похоже, эта женщина очень, очень опасна.

– Так и есть.

– Тогда чему ты так радуешься? – растерянно спросил Пол.

Ханна взглянула на него и рассмеялась. Разве это можно объяснить?

Но она не просто радовалась. Она была счастлива... счастлива беспредельно! Это был исступленный восторг, экстаз...

Тьерри вовсе не опасен! Это подтверждали сотни ее сущностей. Майя была врагом, змеей, притаившейся в кустах. А Тьерри ее не обманывал. Он был тем, кто совершил ужасную ошибку и тысячу раз заплатил за нее... и он искал Ханну.

«Он ласковый и добрый. Он любит меня. И мы предназначены друг для друга. Я должна найти его».

Последняя мысль возникла у Ханнны, как внезапное озарение. Она замерла и задумалась.

Что же ей теперь делать? Куда он ушел? Домой. А где его дом? Ханна не знала. Он может быть где угодно.

– Ханна...

– Подожди, – прошептала она.

– Послушай, Ханна... я думаю, что нам, может быть, стоит поработать над всем этим. Побеседовать, исследовать твои ощущения...

– Тише! – махнула рукой Ханна. – Она дала мне ключ! Она сказала, что у него есть связь с ведьмами в Вегасе.

– О господи, – пробормотал Пол и внезапно вскочил. – Ханна, ты куда?

– Извини. – Она бросилась назад, обняла Пола и поцеловала его. И, рассмеявшись, глядя в его удивленное лицо, сказала: – Спасибо! Спасибо за помощь. Ты даже не представляешь, как много сделал для меня.

– Мне нужны деньги.

Чесс моргнула, продолжая внимательно смотреть на Ханну.

– Я знаю: нечестно просить, не объясняя, зачем они мне нужны. Но я не могу сказать. Это может оказаться опасным для тебя. Я просто прошу, чтобы ты мне поверила.

Чесс продолжала испытующе глядеть на Ханну своими раскосыми зелеными глазами. Затем, не проронив ни слова, встала.

Ханна опустилась на кровать Чесс, застеленную белоснежным хрустящим покрывалом. Через несколько минут Чесс возвратилась в комнату и уселась рядом с Ханной.

– Вот. – На покрывало шлепнулась кредитка. – Мама разрешила мне пользоваться ею, если что-нибудь понадобится для выпускного бала. Думаю, она все поймет... может быть.

Ханна бросилась Чесс на шею.

– Спасибо, – прошептала она. – Постараюсь вернуть ее как можно скорее. И как тебе удастся быть такой славной? – прорвало ее. – Я бы уже вопила во всю мочь, лишь бы узнать, в чем дело.

– Я и собираюсь вопить, – сказала Чесс, спохватившись. – И даже более того, я поеду с тобой.

Ханна отстранилась от подруги. Ну как же ей объяснить? Она знала, что, отправляясь в Лас-Вегас, она подвергает свою жизнь опасности. Прежде всего, со стороны Майи. И, вероятно, со стороны Царства Ночи. И даже, возможно, со стороны ведьм, с которыми связан Тьерри.

И она не может втягивать в это Чесс.

– Я хочу кое-что тебе поручить. – Ханна сунула руку в свою холщовую сумку и вытащила конверт. – Это для тебя и для моей мамы... на всякий случай. Если от меня не будет вестей к моему дню рождения, вскройте его.

– Ты что, не слышишь меня? Я поеду с тобой. Я не знаю, что у тебя произошло, но не позволю тебе сбежать отсюда одной.

– А я не могу взять тебя с собой. – Ханна поймала сверкающий взгляд кошачьих глаз и удержала его. – Пожалуйста, Чесс, пойми! Это то, что я должна сделать сама. Кроме того, мне нужно, чтобы ты осталась здесь и прикрыла меня. Ты должна сказать моей маме, что я нахожусь у тебя, чтобы она не волновалась. Ладно? – Ханна протянула руку к Чесс и слегка встряхнула ее. – Идет?

Чесс закрыла глаза и кивнула. А потом всхлипнула, и ее подбородок задрожал.

Ханна опять крепко обняла ее и прошептала:

– Спасибо. Давай навсегда останемся лучшими подругами.

В понедельник утром, вместо того чтобы пойти в школу, Ханна поехала на своем «форде» в аэропорт. Ее мама уже успела починить автомобиль: она думала, что Ханна проведет последний уик-энд вместе с Чесс, готовясь к выпускным экзаменам.

Было немного страшно и вместе с тем радостно лететь одной на самолете в незнакомый город. Находясь в воздухе, Ханна все время мечтала: «Вот уже ближе... все ближе... ближе...» И глядела на кольцо с черной розой.

Она разыскала его в спальне, в корзине для бумаг. И сейчас она поворачивала руку то так, то этак, любуясь игрой света в черном камне. Сердце ее вдруг сжалось.

«Что, если я не смогу найти его?»

Но было еще одно опасение, в котором Ханна не хотела признаваться даже себе. Что, если она найдет Тьерри, а он не захочет больше ее знать? Ведь она сотни раз повторила, что ненавидит его, и требовала оставить ее навсегда.

«Не буду думать об этом. Какой в этом смысл? Прежде всего я должна разыскать его, а потом будь что будет».

Аэропорт в Лас-Вегасе оказался на удивление большим. Ханна забрала свою единственную дорожную сумку с багажной вертушки и вышла наружу. Она окунулась в теплый пустынный воздух и остановилась, чтобы решить, что делать дальше.

Как же найти ведьм?

Этого она не знала. Ведь не искать же их в телефонном справочнике! Ханна решила действовать наудачу и направилась туда, куда и все, – в Стрип. Но это было ошибкой. Этот район в вечернее или ночное время был для нее опаснее всего.

Однако вначале все выглядело не так уж плохо. Стрип поразил ее блеском разноцветных огней. Отели выглядели настолько ослепительно и причудливо, что у Ханны перехватило дух. Один из них, «Луксор», был похож на гигантскую черную пирамиду со сфинксом у входа. Ханна остановилась, наблюдая, как глаза сфинкса мечут разноцветные лучи, и рассмеялась.

«Интересно, что бы подумала об этом Ха-накт?»

Но все же во всем этом блеске, во всей суматохе чувствовалось что-то неприятное. Что-то... нездоровое. Толпа, заполнявшая отели и улицу, была такой плотной, что Ханна протискивалась сквозь нее с трудом. Казалось, все люди несутся куда-то сломя голову... кроме тех, кто был прикован к игровым автоматам.

И от этого несло... «страстью к наживе» – Ханна наконец подобрала нужные слова. Все эти люди мечтали о легких деньгах. А отели хотели заграбастать деньги этих людей. И конечно, отели всегда были в выигрыше. Они напоминали венерину мухоловку, заманивающую людей. И даже если людям было что терять, они все равно устремлялись в ловушку.

Ханне стало трудно дышать. Ей захотелось опять оказаться в родном городе с его далекими горизонтами, просветляющими разум. Ей хотелось чистого воздуха. Открытого пространства.

Но еще хуже, чем эта атмосфера, пропитанная жаждой наживы и коммерцией, было то, что Ханна не могла найти здесь ни одной ведьмы.

Несколько раз она пыталась завести разговор с метрботелями и официантками. Но когда она как бы между прочим спрашивала, нет ли в городе людей, занимающихся колдовством, на нее глядели как на ненормальную.

К девяти часам вечера Ханна чувствовала себя совсем разбитой и уставшей. И она очень расстроилась.

«Я никогда не найду их. А это значит, что я никогда не найду его».

Она рухнула на скамейку у отеля «Звездная пыль» и стала размышлять, как быть дальше. Ноги болели, в голове стучало. Ей не хотелось тратить деньги Чесс на ночлег в отеле, но она обратила внимание, что полицейские прогоняли людей, которые пытались устроиться ночевать на улице.

«Зачем я сюда приехала? Лучше было бы дать объявление в газету: «Срочно ищу Тьерри» . Следовало бы сразу понять, что из этой затеи ничего не выйдет...»

Но как только Ханна об этом подумала, ее взгляд выхватил из толпы какого-то парня. Что-то в его облике привлекло внимание девушки.

Это был не Тьерри. Этот парень несколько не походил на Тьерри... за исключением того, как он двигался. Тот же инстинктивный контроль за движениями, та же пластичность дикой кошки, которую Ханна наблюдала у Тьерри и Майи. И лицо того парня... оно было слишком красивым для такого оборванца.

И когда он взглянул вверх на сияющую неоновыми огнями вывеску отеля «Звездная пыль», Ханна увидела отблеск света, отразившийся в его глазах.

«Это один из них. Это точно. Один из Ночных обитателей».

Ни секунды не раздумывая, Ханна схватила сумку, вскочила и бросилась вслед за парнем.

Это было не так легко. Он шел быстро, и ей приходилось лавировать в толпе. Парень направился из центрального района Стрип к одной из тихих, тускло освещенных улочек, располагавшихся параллельно проспекту.

Здесь, всего лишь в квартале от блестящей роскоши и суеты центра, был совершенно другой мир. Маленькие отели имели довольно жалкий вид. На каждом шагу вместо шикарных магазинов встречались одни ломбарды. Все это производило удручающее впечатление.

Ханна ощутила, как у нее покалывает в позвоночнике.

Сейчас она преследовала человека по пустынной темной улице, а вокруг не было ни души. В любую минуту он мог заметить, что кто-то идет за ним по пятам... Но что же оставалось делать? Ей нельзя было терять его.

Парень, казалось, заводил ее все дальше в те места, для которых у Ханны нашлось только одно подходящее название – «сомнительные». Редкие фонари почти не освещали улицу, и между ними сгущалась темнота.

Неожиданно парень резко свернул влево и исчез за углом здания с вывеской «Поручитель Дэн».

Ханна прибавила шаг, пытаясь догнать его, и обнаружила, что попала в какой-то проулок. Уже совсем стемнело. Секунду поколебавшись, она решительно сделала несколько шагов вперед.

В этот миг парень появился из-за мусорного бака. Он взглянул ей в лицо, и Ханна вновь поймала отблеск, сверкнувший в его глазах. Она стояла не двигаясь, пока он медленно подходил к ней.

– Вы шли за мной, я не ошибся?

Похоже, все это его забавляло. У него было узкое лицо с острым подбородком и темные волосы, которых, по-видимому, давно не касалась расческа. Ростом он был не выше Ханны, но казался сильным и гибким.

Подойдя ближе, парень оглядел ее с ног до головы. В его взгляде смешались похоть и голод. У Ханны мороз пробежал по коже.

– Извините, – сказала она, стараясь придать своему голосу спокойную твердость. – Я шла за вами. Я хотела спросить вас кое о чем... Я ищу одного человека.

– Ты нашла его, крошка. – Парень бросил быстрый взгляд вокруг, будто хотел убедиться, что, кроме них, в проулке никого не было.

И прежде чем Ханна успела сказать хоть слово, он прижал ее к стене.

Глава 13

– Не сопротивляйся, – выдохнул он ей в лицо. – Будет лучше, если ты просто расслабишься.

Ханна испугалась... и тут же разъярилась.

– И не мечтай!

Она резко вдохнула и двинула коленом ему в пах. Стоило бежать, спасаясь от Майи, и лететь сюда за тысячу миль, чтобы погибнуть застигнутой врасплох вампиром!

Ханна почувствовала, что парень пытается манипулировать ее сознанием... Это напомнило ей, как Майя завладела взглядом Ха-накт. Но с нее уже было достаточно гипноза на прошлой неделе. И она не поддалась.

Ханна защищалась изо всех сил – может, недостаточно умело, но крайне убедительно. Она стукнула парня головой в нос, когда он попытался добраться до ее шеи.

– Оу! – Парень отпрянул назад.

А затем еще крепче схватил Ханну за руку. Он потянул ее запястье к себе, и она внезапно все поняла. Здесь находится поверхностная вена. Он собирается пить кровь из нее!

– Нет уж, не выйдет! – задыхаясь, прошептала Ханна.

Она и представить себе не могла, что произойдет, если вампиру удастся выпить у нее хоть немного крови. Тьерри говорил, что в течение недели ей нужно держаться подальше от вампиров, иначе это может для нее плохо кончиться. Ведь и так уже проявились некоторые изменения – например, на стала лучше видеть в темноте.

Ханна изо всех сил пыталась вырвать руку из крепкого, как тиски, захвата, как вдруг услышала изумленный вздох и тут же почувствовала, что хватка ослабла и парень больше не пытается притянуть ее к себе. Он просто замер, уставившись вытаращенными глазами на ее руку. Он глядел на кольцо.

Если бы Ханну сейчас так не трясло, то выражение его лица могло бы ее развеселить. Парень выглядел ошеломленным, обескураженным, перепуганным... Он недоверчиво и вместе с тем растерянно глядел на кольцо.

– Кто... кто... кто ты? – пролепетал он.

Ханна посмотрела на кольцо, а потом на парня.

Ну конечно же! Какая же она дура! Ей нужно было сразу спрашивать о Тьерри. Если он властелин Царства Ночи, то его должен знать здесь каждый. Возможно, ведьмы ей вовсе не понадобятся.

– Я сказала тебе, что ищу одного человека. Его имя Тьерри Дескуэрдес. Это кольцо дал

мне он.

Парень тяжело вздохнул. Затем взглянул на Хану из-под упавших на глаза прядей.

– Я не обидел вас, нет? – Эти слова прозвучали не как вопрос. Скорее, это была просьба. – Я ведь ничего не сделал вам...

– У тебя не было шанса, – ответила Ханна. Она сейчас испугалась, что парень просто сбежит, поэтому поспешила добавить: – Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Я просто хочу найти Тьерри. Ты можешь мне помочь?

– Я... конечно, помогу! Да-да! Я могу здорово помочь. – Поколебавшись, он сказал: – Только придется порядочно прогуляться.

«Прогуляться? Значит, Тьерри здесь?»

У Ханны так подскочило сердце, что она едва не взлетела в воздух.

– Я не устала. – И это было правдой. – Могу прогуляться куда угодно.

Дом был огромным.

Он был великолепным. Даже роскошным. Просто дух захватывало.

Проводник оставил Ханну в начале длинной, обсаженной пальмами подъездной аллеи и бросив: «Это здесь», поспешно исчез во тьме. Ханна поглядела ему вслед и решительно направилась по аллее к зданию, искренне надеясь, что это действительно здесь. Она так устала, что ее шатало, а ноги будто налились свинцом.

Но когда она подошла к парадному входу, все ее сомнения развеялись. Здесь повсюду красовались черные розы. Они угадывались в мозаике стрельчатых окон, расположенных над двойными дверьми, и у этих роз был такой же стебель, завязанный сложным узлом, что и на кольце у Ханны. Черные розы причудливо переплетались на вензелях, украшающих окна сверху. Похоже, эти розы были чем-то вроде фамильного герба или печати.

При одном лишь взгляде на них сердце Ханны забило сильнее.

«Ну, так. Звони в дверь, – сказала она себе. – И прекрати чувствовать себя Золушкой, которая пришла поглядеть на принца».

Она нажала на кнопку звонка и затаила дыхание, прислушиваясь, как где-то далеко внутри раздался мелодичный звон.

«Пожалуйста, пожалуйста, отзовись...»

Ханна услышала приближающиеся шаги, и ее сердце по-настоящему заколотилось.

«Неужели все так просто?..»

Но когда дверь открылась, перед ней оказался не Тьерри. Это был парень студенческого возраста, одетый в униформу. Его каштановые волосы были аккуратно собраны сзади в короткий хвостик. Парень был в темных очках.

«Прямо молодой агент ЦРУ», – раздраженно подумала Ханна.

Они уставились друг на друга.

– М-м... Мне нужно... Я ищу Тьерри Дескуэрдеса, – проговорила наконец Ханна, стараясь казаться уверенной и настойчивой.

«Агент ЦРУ» был невозмутим. В том, как он ответил, не ощущалось недоброжелательности, но сердце Ханны упало.

– Его здесь нет. Попробуйте прийти через несколько дней. И лучше, если вы предварительно позвоните одному из секретарей. И он стал закрывать дверь.

– Подождите! – Ханна поставила ногу на порог и сама этому изумилась.

«Агент ЦРУ» посмотрел на ее ногу, а затем взглянул ей в лицо.

– Да?

«О господи, он считает меня надоедливой посетительницей».

Перед Ханной внезапно возникла картина толпы просителей, выстроившихся в очередь у дома Тьерри... и все они хотели от него чего-то. Совсем как те, что ожидают аудиенции короля.

«Наверное, и я выгляжу так же жалко, – подумала она. – В своих джинсах, в измятой, пропахшей потом рубашке, после целого дня шатаний по Стрипу... В грязных ботинках. С растрепанными волосами, спадающими на лицо...»

– Да? – с вежливой настойчивостью переспросил «агент ЦРУ».

– Я... ничего.

Ханна почувствовала, как у нее из глаз брызнули слезы, и это привело ее в бешенство. Стараясь скрыть их, она наклонилась, чтобы подхватить свою сумку. Ей показалось сейчас, что она набита камнями.

Она никогда так не уставала. Во рту у нее пересохло. И она мечтала лишь о том, как бы найти безопасное место, чтобы выспаться.

Но эти ее проблемы «агента ЦРУ» не касались.

– Спасибо, – сказала Ханна и, глубоко вздохнув, повернулась, чтобы уйти.

Но именно этот глубокий вздох и изменил все. По большому вестибюлю за спиной «агента» кто-то шел, и того мгновения, на которое Ханна задержалась, чтобы перевести дыхание, хватило, чтобы они с Ханной увидели друг друга.

– Нильсон, подожди. – раздался крик, и к дверям со всех ног бросилась девушка.

Она была тонкой и загорелой, с необычными серебристо-каштановыми волосами и темными янтарными глазами. На ее лице выделялись несколько желтоватых синяков.

Но что поразило Ханну, так это именно выражение ее лица. Янтарные глаза девушки широко распахнулись, и в них что-то вспыхнуло, а рот открылся от удивления. Она возбужденно замахала руками закричала «агенту», указывая на Ханну:

– Это она! Это она! Это она.

Тот, ничего не понимая, хлопал глазами, и тогда девушка стукнула его по плечу:

– Она!

Они оба повернулись и уставились на Ханну. Лицо «агента» наконец утратило непроницаемость. Он выглядел ошеломленным.

Ханна в свою очередь глядела на них, совершенно сбитая с толку. Затем, словно все еще не веря своим глазам, «агент» медленно открыл дверь.

– Меня зовут Нильсон, мисс. Входите, пожалуйста.

«Ну и дура же я, – подумала Ханна.

Запоздалым жестом она убрала волосы, нависшие над левой щекой и закрывающие родимое пятно. – Нужно было сказать им, кто я. Но как я могла знать, что они поймут?»

Нильсон осторожно взял у нее сумку и вновь заговорил:

– Мне очень жаль, мисс... Я не понял... Надеюсь, вы не сочтете...

– Никто не предполагал, что вы приедете, – с непосредственной прямоотой прервала его девушка. – Но хуже всего, что Тьерри куда-то уехал. Думаю, никто не знает, где он и когда вернется. И все же вам лучше остаться здесь. Даже представить не могу, что он с нами сделает, если мы вас потеряем, – улыбнулась она Ханне и добавила: – Я – Люпа Асеведо.

– Ханна Сноу.

– Я знаю. – Девушка подмигнула. – Мы уже встречались, но я не смогла представиться. Вы не помните?

Ханна покачала было головой... и вдруг моргнула. А затем еще раз. Тот серебристо-коричневый цвет... Янтарные глаза...

– Ага, – с огромным удовлетворением отметила Люпа. – Это была я. Там я и получила эти синяки. Думаю, что другой волк получил не меньше. Я распоролла ему...

– Не хотите чего-нибудь выпить? – поспешно прервал ее Нильсон. – Может, вы голодны? Почему вы не войдете и не присядете?

У Ханны в голове все закружилось.

«Эта девушка – волк-оборотень. Вервольф. В прошлый раз у нее были большие уши и пушистый хвост. Вервольфы – реальность. И она защитила меня...»

– Я... спасибо вам, – ошеломленно произнесла Ханна. – Ведь вы спасли мне жизнь, правда?

Люпа пожала плечами:

– Это моя работа. Хотите колы?

Ханна засмеялась:

– Я бы прикончила баночку.

– Я позабочусь, – сказал Нильсон. – Я обо всем позабочусь. Люпа, почему ты не проводишь ее наверх?

Он торопливо открыл сотовый телефон. Через минуту сюда уже примчалось несколько

парней, одетых так же, как и Нильсон. Самое странное: все они были очень молоды, не старше девятнадцати. Ханна уловила обрывки разговора:

– Ну, попробуй тот номер...

– А что, если оставить сообщение о...

– Пойдемте, – позвала Люпа, не давая Ханне дослушать. И все с той же веселой непосредственностью добавила: – Похоже, вам не мешает принять ванну.

Она провела Ханну мимо огромных белых статуй к широкой винтовой лестнице. Ханна мельком увидела комнаты, двери которых были распахнуты в коридор. Огромная гостиная, размером с футбольное поле, уставленная белыми диванами и мебелью в авангардистском стиле, увешанная картинами абстракционистов. Столовая со столом длиной в целую милю. Рояль в нише...

Ханна чувствовала себя сейчас настоящей Золушкой... Ни у кого в Шаманской Скале не было рояля.

«Я не знала, что он так богат. И я не знаю, смогу ли справиться с этим».

Но когда она оказалась в ванной – настоящей фантазии на мавританские темы, – украшенной ярко-зелеными растениями, отделанной кафелем в экзотическом стиле, с латунными круглыми светильниками в форме звезд, то решила, что, возможно, сумеет приспособиться к такой жизни. Если постарается.

Она блаженно вытянулась в джакузи, потягивая колу и вдыхая восхитительный запах ароматной соли. А потом устроилась в кровати с маленькими сэндвичами и рассказала Люпе, как она оказалась в Вегасе.

Когда Ханна закончила свою историю, Люпа сказала:

– Нильсон и все остальные пытаются разыскать Тьерри. Но это может занять некоторое время. Видишь ли, в субботу он появился здесь всего на несколько минут, а затем снова исчез... Но этот дом очень хорошо защищен. И все мы будем за тебя сражаться... сражаться до самой смерти, если придется. Так что здесь безопаснее, чем где бы то ни было.

Ханна ощутила спазм в желудке. Она не поняла... Люпа говорила так, будто они находились в замке, готовящемся к осаде.

– Безопаснее от чего?..

Люпа с удивлением взглянула на Ханну.

– От нее... от Майи, – прозвучало как само собой разумеющееся.

У Ханны заныло сердце.

«Мне следовало бы догадаться», – подумала она, но вслух лишь произнесла:

– Значит, ты считаешь, что мне все еще угрожает опасность...

У Люпы брови взлетели вверх.

– Ну конечно, – мягко произнесла она. – Майя попытается убить тебя. И она очень искусна в этом деле.

«Особенно когда это касается меня», – подумала Ханна.

Но сейчас она была слишком измотана, чтобы позволить страху полностью овладеть собой. Доверившись Люпе и Нильсону, а также остальным домочадцам, она заснула этой ночью, едва ее голова коснулась подушки.

Ханна проснулась и увидела солнечный свет. Он отражался от стен спальни, выкрашенных в нежно-золотистый цвет.

«Непривычно... но красиво», – еще не совсем проснувшись, подумала Ханна, разглядывая мебель черного дерева и декоративные ритуальные маски.

Вспомнив, где находится, она вскочила с постели. На резном, искусной работы комодке она нашла чистую одежду – как раз своего размера – и едва успела одеться, как в дверь постучала Люпа.

– Люпа, они уже...

Люпа покачала каштаново-серебристой головой:

– Они еще не нашли его.

Ханна вздохнула и улыбнулась, стараясь не подать виду, насколько огорчена.

– Я понимаю... – сочувственно взглянула Люпа. – Но пока ты ждешь, здесь можно познакомиться кое с кем. – Она усмехнулась. – Это несколько особые люди, и даже то, что они

находятся здесь, – тайна. Но я вчера ночью говорила с ними, и они решили, что все будет в порядке. Они все хотят встретиться с тобой.

Ханну охватило любопытство.

– Особые люди? Они действительно люди или... м-м?..

Люпа улыбнулась еще шире.

– Они и то и другое. Поэтому они и особые. – Продолжая разговор, Люпа вела Ханну вниз, по лестницам и коридорам длиной в целые мили. – Они кое-что сделали для меня, – добавила она уже без улыбки. – Они спасли жизнь мне и моей маме. Видишь ли, я не чистокровный вервольф. Мой отец был человеком.

Ханна изумленно глядела на нее.

– Да. И это было против законов Царства Ночи. Нельзя влюбляться в человека, а тем более вступать с ним в брак. Однажды ночью пришли другие вер-вольфы и убили отца. Они убили бы и меня с мамой, но Тьерри забрал нас из города и спрятал. Вот почему я сделаю ради него все, что угодно. Меня бы не было в живых, если бы не он... и не Рассветный Круг.

Люпа остановилась у двери комнаты в задней части дома. Затем, открыв дверь, она слегка кивнула и весело подмигнула Ханне:

– Иди знакомься. Думаю, вы понравитесь друг другу. Вы похожи.

Ханна не совсем поняла, что это означает. Она нерешительно переступила порог и огляделась.

Комната была меньше, чем парадная гостиная, и более уютная, с мебелью цвета теплой охры. На длинной буфетной стойке из золотистой сосны стоял завтрак. Пахло вкусно, но разглядеть Ханна ничего не успела. Как только она вошла, все повернули к ней головы, и она обнаружила, что на нее устремлены взгляды десятка людей.

Это были молодые люди. Приблизительно ее возраста. Обычные ребята, но на удивление красивые.

Дверь за Ханной плотно закрылась. Ханна все сильнее чувствовала себя так, будто вышла на сцену и забыла слова своей роли.

Но тут одна из девушек вскочила с дивана и радостно подбежала к Ханне:

– Ведь ты – Ханна?

– Да. Ханна.

– Просто не верится, что я на самом деле встретила тебя! Это так здорово! Тьерри рассказал нам все о тебе. – Она мягко положила руку Ханне на плечо. – Ханна, это – члены Рассветного Круга. А меня зовут Теа Харман.

Она была почти одного роста с Ханной; у ее золотистых волос, рассыпавшихся по плечам, был немного более темный оттенок, чем у волос Ханны. Взгляд карих глаз девушки был мягким, и в нем светилась мудрость.

– Привет, Теа. – Ханна инстинктивно почувствовала себя легко в ее присутствии. – Люпа рассказывала мне о Рассветном Круге, но я не совсем поняла.

– Он возник сначала как некая организация ведьм, – объяснила Теа. – Круг ведьм. Но он существует не только для ведьм. Этот Круг – для людей, и для вампиров, и для вервольфов, и для оборотней, и... ну, для всех, кто хочет помочь Ночным обитателям и людям ладить между собой. Они приходят сюда и встречаются друг с другом, а мы стараемся все объяснить.

Через несколько минут Ханна уже сидела на кушетке, держа в руках тарелку с фаршированными яйцами, и знакоилась со всеми.

– Это Джеймс и Поппи, – представила их Теа. – Джеймс – Редферн с материнской стороны... то есть потомок Майи. – В ее взгляде промелькнуло некое сожаление.

– Я не выбирал своих родителей. Поверь, уж точно не выбирал, – сказал Джеймс Ханне.

У него были светло-каштановые волосы и задумчивые серые глаза. И когда он улыбнулся, невозможно было не ответить ему улыбкой.

– Никто не выбирает своих родителей, Джемми, – подтолкнула его локтем Поппи.

В облике этой миниатюрной девушки ощущалась какая-то озорная мудрость. Над ее головой клубились рыжие кудри, а глаза были зелеными, словно изумруды. Ее волшебная, как у эльфа, красота показалась Ханне немного жутковатой... почти нечеловеческой.

– Они оба вампиры, – ответила Теа Ханне на ее невысказанный вопрос.

– Я не была раньше вампиром, – сказала Поппи. – Джеймс превратил меня, потому что я умирала.

– Для чего же еще нужен духовный супруг? – спросил Джеймс, и Поппи, усмехнувшись ему, подтолкнула его снова. Они явно влюблены.

– Вы – духовные супруги? – с какой-то тихой тоской спросила Ханна.

Ей ответила Теа:

– Видишь ли, в чем дело... что-то заставляет Ночных обитателей искать духовных супругов среди людей. Мы, ведьмы, считаем, что это действие какой-то Силы, которая вновь просыпается. Некой Силы, которая долго спала – может быть, с тех времен, когда родился Тьерри...

Теперь Ханна поняла, почему Люпа сказала, что она похожа на тех, кто принадлежит к Рассветному Кругу. Она была его частью...

– Но... это замечательно, – медленно произнесла она, пытаясь собраться с мыслями. – Я думаю...

Ханна не могла точно объяснить, почему она считает это замечательным, но у нее было ощущение, будто происходит что-то грандиозное, будто мир достиг какой-то важной поворотной точки и сейчас заканчивается какой-то цикл.

Теа улыбнулась.

– Я знаю, о чем ты думаешь. Мы тоже так думаем. – Она повернулась и протянула руку к очень высокому юноше с приятным лицом, рыжеватыми волосами и светло-кариими глазами. – А это мой духовный супруг, Эрик. Он человек.

– Всего лишь, – заметил парень, сидевший в противоположном конце комнаты.

Не обращая на него внимания, Эрик улыбнулся Ханне.

– А это Джиллиан и Дэвид, – представила очередную пару Теа, двигаясь по кругу. – Джиллиан – моя дальняя кузина, ведьма, а Дэвид – человек. Они тоже духовные супруги.

Джиллиан была крошечной, со светлыми белокурыми волосами, окружавшими ее головку шелковым облаком, и темно-фиолетовыми глазами. У Дэвида были темные волосы, карие глаза и худое загорелое лицо. Они оба улыбнулись Ханне.

Теа продолжала знакомить ее с остальными:

– Это Ракель и Квин. Ракель – человек... она была охотником на вампиров.

– Я им и осталась. Но я убиваю только плохих вампиров, – холодно произнесла Ракель.

Она была высокой, черноволосой и, казалось, в совершенстве владела своим телом. Глаза ее пылали зеленым пламенем.

– А Квин – вампир, – добавила Теа.

Квин был тем самым парнем, который отметил, что Эрик «всего лишь» человек. Он был очень красив, с правильными чертами лица, резко выраженными, но изящными. У него были черные глаза и такие же темные волосы, как и у Ракель. Он коротко улыбнулся Ханне, и хотя улыбка эта была красивой, в ней чувствовалась что-то раздражающее.

– Квин – единственный среди нас, кто может сравниться с тобой в памяти о прошлом. Его превратил в вампира Хантер Редферн еще в шестнадцатом веке.

На лице Квина снова вспыхнула улыбка.

– Вы случайно не жили в колониальной Америке? Может, мы там встречались?

Ханна улыбнулась в ответ, с интересом приглядываясь к Квину. На вид ему было не больше восемнадцати.

– Так вот почему все здесь выглядят так молодо? – спросила она. – Вся прислуга... я имею в виду, Нильсон и другие парни в форме. Они все вампиры?

Теа кивнула.

– Они все превращенные вампиры. Ламии – такие, как Джеймс, – могут взростеть, если захотят. Но если человек превращается в вампира, он перестает стареть. Причем никого старше девятнадцати нельзя превратить в вампира: их тела уже не смогут измениться. Они просто сгорают.

Ханна ощутила странный озноб. Какое-то предчувствие охватило ее... Но прежде чем она смогла что-то произнести, в разговор вмешался новый голос:

– Ну вот, говорите о ламиях, а что же меня не представляете?

Теа повернулась к окну:

– Извини, Эш... но если ты там заснул, то нечего упрекать нас в том, что о тебе забыли. – Она взглянула на Ханну. – Это еще один Редферн, кузен Джеймса. Его зовут Эш.

Эш был великолепен: высокий, элегантный, с пепельно-белокурыми волосами. Но когда он встал, не спеша подошел к Ханне и взглянул ей в глаза, она вздрогнула.

Его глаза были такими же, как у Майи: их цвет все время менялся. Сходство было настолько разительным, что Ханна не сразу смогла прикоснуться к его руке.

«Он унаследовал гены Майи», – подумала она.

Эш улыбнулся ей и вновь развалился в кресле.

– Здесь, конечно, не весь Рассветный Круг, – пояснила Теа. – На самом деле мы – самые новые его члены. Мы живем по всей стране... повсюду. Но Тьерри специально собрал нас вместе, чтобы поговорить о принципе духовного супружества и о пробуждении Древней Силы.

– Это было на прошлой неделе, перед тем как он узнал о тебе, – сказала медноволосая Поппи. – И прежде, чем он умчался. Но мы говорили обо всем без него, пытались разобраться, что делать дальше.

– Мне бы хотелось помочь вам, – сказала Ханна.

Это всем понравилось. Но Теа сказала:

– Ты должна вначале подумать. Находиться вместе с нами опасно.

– Мы у всех в «черном списке», – сухо заметила Ракель, темноволосая охотница на вампиров.

– Мы восстановили против себя все Царство Ночи, – произнес Эш, вращая своими беспрестанно меняющимися глазами.

– Мы! Ты сказал «мы!» – торжествующе, будто он выиграл спор, воскликнул Джеймс, повернувшись к кузену. – Ты признаешь, что являешься одним из нас.

Эш глядел в потолок:

– У меня нет выбора...

– Но у тебя он есть, Ханна, – прервала его Теа. Она улыбнулась, однако взгляд ее мягких карих глаз был серьезен. – Тебе нельзя подвергать себя еще большей опасности, чем та, что грозит тебе сейчас.

– Я считаю... – начала было Ханна.

Но закончить она не успела: откуда-то снаружи донесся страшный шум.

Глава 14

– Оставайся здесь, – быстро сказала Ракель, но Ханна побежала вместе со всеми к парадному входу.

Она услышала свирепое рычание и лай, доносившиеся с улицы... очень знакомые звуки!

Кругом с мрачным видом бегали Нильсон и другие «агенты ЦРУ». Они действовали со знанием дела, быстро, но без суеты. Ханна поняла, что они знают, как справляться с подобными вещами.

Но Люпы нигде не было видно.

Рычание стало громче и перешло в отрывистый лай. Раздался визг... а затем послышался шум драки. После наступившего на миг молчания Ханна услышала звук, от которого у нее по коже побежали мурашки, – дикий и жуткий... Волчий вой! К нему присоединились два других волчьих голоса; сплетаясь в прекрасную и мрачную гармонию, они звучали то повышаясь, то понижаясь. Ханна едва могла вздохнуть, ее всю, с ног до головы, охватила дрожь. Затем вой зазвучал на одной ноте, Долго, бесконечно долго. И все стихло.

– Ого... – прошептала миниатюрная блондинка, которую звали Джиллиан.

Парадная дверь открылась. Ханна почувствовала, что смотрит вниз, почти на уровень земли, но никакое четырехногое существо в дом не вошло. Вместо этого на пороге оказалась Люпа с двумя парнями – взъерошенные, возбужденные и ухмыляющиеся.

– Это просто были несколько разведчиков, – сказала Люпа. – Мы их прогнали.

– Разведчиков Майи? – спросила Ханна, преодолевая спазм в желудке.

«Значит, это правда. Майя пытается штурмовать дом, чтобы добраться до меня».

Люпа кивнула.

– Все будет в порядке, – постаралась произнести она помягче. – Но я думаю, вам всем лучше оставаться сегодня в доме. Можете посмотреть фильмы или пойти в игротеку.

Ханна провела весь день, беседуя с членами Рассветного Круга. Чем больше она о них узнавала, тем больше они ей нравились. Ее смущало только одно. Казалось, все они слишком прислушиваются к ее мнению... как бы полагая, что она мудрее и лучше их, потому что прожила много жизней. Но Ханна так не считала и поэтому чувствовала себя неловко.

Она все время пыталась не думать о Тьерри... и о Майе.

Но это было нелегко. Вечером она беспокойно бродила по дому и наконец поднялась в маленькую приемную на втором этаже, расположенную над огромной гостиной.

– Не можешь расслабиться? – лениво проговорил кто-то позади нее.

Ханна повернулась и увидела Эша: подтянутый элегантный, он стоял, опершись о стену. В сгущающемся сумраке комнаты его глаза казались серебристыми.

– Не то чтобы... Я просто хочу, чтоб скорее нашли Тьерри. Мне как-то плохо...

Они помолчали какое-то время. А затем Эш сказал.

– Да, без духовного супруга тяжело. Имею в виду, если ты его уже нашел.

Ханна заинтересованно взглянула на Эша. То, как он это произнес...

– Сегодня утром Теа сказала, что вы все собрались здесь, потому что у вас духовные супруги среди людей, – нерешительно заговорила она.

Эш глядел в другую сторону, на огромное, всю стену окно, выходящее на балкон.

– Да?

– И... ну... – «Может быть, она умерла? – подумала Ханна. – Может, об этом нельзя спрашивать?»

– И ты хочешь спросить, куда девалась моя духовная супруга?

– Я не собиралась любопытствовать.

– Ничего. Все нормально. – Эш опять поглядел в темноту за окном. – Она ждет меня... надеюсь. Мне нужно кое-что уладить, прежде чем я увижусь с ней.

Его вид больше не пугал Ханну, и неважно, что глаза все время изменялись. Сейчас он выглядел каким-то... уязвимым.

– Я уверена, что ждет, – сказала Ханна. – Держу пари, она будет рада увидеть тебя, когда ты все уладишь. Я знаю, что очень хочу увидеть Тьерри.

Эш удивленно взглянул на нее и улыбнулся. У него была очень хорошая улыбка.

– Это так, ведь ты побывала на ее месте. Тьерри действительно пытался загладить свою вину за прошлое. Думаю, он сделал много хорошего за последние несколько веков. Так что, может, и у меня есть шанс.

Он произнес это несколько иронично, но Ханна уловила странный блеск в его глазах.

– Знаешь, ты похожа на нее, – неожиданно добавил Эш. – На мою... Мэри-Линетт. Вы обе... мудрые.

И, прежде чем Ханна успела ответить, он кивнул ей и, выпрямившись, вышел в коридор, слегка насвистывая сквозь зубы.

Ханна осталась одна в темной комнате. Внезапно она почувствовала себя гораздо лучше. Будущее уже казалось более оптимистичным.

«Думаю, мне удастся сегодня заснуть. А завтра, может быть, уже приедет Тьерри...»

Она решительно направилась вниз, охваченная внезапным приливом надежды. Надежды и... беспокойства. После всего, что она наговорила Тьерри, у Ханны не было абсолютной уверенности в том, что он примет ее.

«Что, если он больше не захочет меня видеть? Не будь душой. Не думай об этом. Лучше выйди на улицу, глотни свежего воздуха и отправляйся спать».

Позже, конечно, Ханна поняла, какой бестолковой оказалась. Ведь ей уже следовало бы знать, что стоит выйти наружу за глотком свежего воздуха, как обязательно что-нибудь случится.

Но сейчас эта мысль казалась удачной. Люпа предупреждала ее, что нельзя открывать наружные двери... но окно вело всего лишь на балкон второго этажа, выходящий во двор.

Ханна открыла его и шагнула вперед.

«Как хорошо...» – подумала она.

Ночной прохладный воздух был таким приятным.

Отсюда она видела все пространство, покрытое травой, – вплоть до освещенных прожектором пальм и тихо плещущихся фонтанов. Ханна нигде не замечала людей Тьерри, но знала, что они где-то здесь, на своих местах, наблюдают и выжидают. Они охраняют ее. И она чувствовала себя в безопасности.

«Пока они стоят на страже, никто не проберется внутрь, – подумала Ханна. – Я могу спать совершенно спокойно».

Она уже почти повернулась, чтобы зайти внутрь, как вдруг услышала скрежет. Этот звук раздался над ее головой, со стороны крыши. Ханна взглянула вверх и... о ужас!

С крыши свисала летучая мышь.

Летучая мышь.

Огромная летучая мышь. Ее тело окутывали кожистые черные крылья, а маленькие красные глазки блестели, отражая свет. В голове Ханны заметались отрывочные дикие мысли.

«Может, это украшение?.. Нет же, идиотка, она живая... Может, это кто-то из охраны? Господи, может это Тьерри...»

Но она понимала, что все это чушь. И когда прошел первый миг оцепенения, она сделала вдох, чтобы позвать на помощь. Но не смогла уже издать ни звука. Внезапно с шумом раскрывающегося зонтика летучая мышь расправила свои черные крылья... их размах был огромен.

И в этот же момент Ханну, будто молнией, ударила ослепляющая волна чистой мысленной энергии. Перед глазами у нее вспыхнули звезды, и все исчезло во тьме.

Боль...

«Моя голова, – с трудом подумала Ханна. – И спина».

На самом деле у нее болело все. И она ослепла... или ее глаза были закрыты. Она попыталась открыть их, но ничего не изменилось. Она ощущала себя слепой и видела только одно – темноту. Полную, абсолютную темноту.

Ханна теперь понимала, что прежде никогда не видела настоящей тьмы. В ее спальне ночью всегда был рассеянный свет – он проникал в комнату сверху из-под занавесок. А на улице всегда светила луна или звезды; если же был туман, то сквозь него, хоть и слабо, просвечивали уличные огни.

А сейчас все было иначе. Сейчас ее окружала сплошная тьма. Ханне казалось, что она давит на нее, наваливаясь на тело. И как бы широко она ни пыталась открыть глаза, как бы пристально ни всматривалась, в этой темноте не было видно ни малейшего просвета.

«Только без паники!» – приказала она себе.

Но не паниковать было трудно. Ханна боролась с охватившим ее инстинктивным страхом темноты, врезавшимся в мозг еще со времен каменного века. В абсолютной темноте паникуют все.

«Просто дыши, – твердо приказала она себе. – Дыши. Вот так. Нужно выбраться отсюда. Делай все по порядку... Я не ранена?»

В этом она не была уверена. Чтобы ощутить свое тело, Ханне пришлось снова закрыть глаза. Она поняла, что сидит, сжавшись в комок, будто защищаясь от темноты.

«Ладно. Не думаю, что я ранена. Теперь нужно попробовать встать. Только очень медленно».

Но сейчас она испытала действительно настоящий шок. Встать она не могла. Просто не могла.

У нее не двигались ни руки, ни ноги. И когда она попыталась приподняться, всего лишь немного изменить положение тела, что-то впилося в бок, не давая даже пошевелиться.

С нарастающим ужасом Ханна все же смогла согнуть руку и притронуться к своей талии. Ее пальцы нащупали грубую веревку.

«Я связана! Связана...»

Ее спина прикасалась к чему-то твердому. Дерево? Ханна торопливо прикоснулась к нему

рукой. Нет, не дерево... Слишком гладкое. Что-то высокое, прямоугольное. Какой-то столб...

Ханна была прочно привязана к столбу. Веревка, кажется, обвивалась вокруг ее талии несколько раз и Довольно туго – так, что дышать было трудно. И она была завязана где-то вверху или далеко позади... Ханна не могла нащупать пальцами ни одного узла.

Похоже, это была очень крепкая, очень грубая веревка. Ханна уже поняла, что ей не удастся ослабить ее или развязать. Столб, кажется, тоже был очень крепким. А земля, на которой сидела Ханна, – грязной и каменистой.

«Я здесь одна, – медленно думала Ханна. Она слышала собственное тяжелое дыхание. – Я здесь совсем одна... в темноте... и я связана. Я не могу пошевелиться. Я не могу отсюда выбраться. Это Майя затащила меня сюда. Она бросила меня умирать здесь в темноте».

И тут Ханна просто утратила над собой контроль. Она стала звать на помощь, но лишь слышала, как ее голос отдавался эхом. Она тянула и крутила веревку пальцами, пока они не начали кровоточить. Она металась из стороны в сторону, пытаясь ослабить веревку или расшатать столб, пока боль в пояснице не заставила ее прекратить эти попытки. И наконец, поддавшись бешено нарастающему внутреннему страху, она громко зарыдала.

Первый раз в жизни она чувствовала себя такой одинокой и покинутой.

Наконец она выплакалась. И, всхлипнув напоследок, обнаружила, что еще в состоянии немного соображать.

«Послушай. Возьми себя в руки. Ты должна сама помочь себе, потому что никто за тебя этого не сделает».

Это звучал не хладнокровный внутренний голос и даже не тот, второй, кристально чистый голос – это был голос рассудка самой Ханны. Она приняла все свои прошлые сущности и весь их опыт и теперь чувствовала, что должна воспользоваться их мудростью.

«Ладно, – мрачно подумала она. – Больше никаких слез. Думай. Что ты можешь сказать о своем положении?»

Я нахожусь в закрытом помещении. Я знаю это потому, что здесь совсем нет света, а мой голос отдается эхом. Значит, я нахожусь в большой... комнате. Здесь очень высокий потолок. И каменный пол. Хорошо. Так, ты слышишь еще что-нибудь?»

Ханна прислушалась. В тишине, окружавшей ее, было трудно сосредоточиться: ее собственное дыхание и стук сердца казались ужасно громкими. Она чувствовала, как предельно напряглись ее нервы... но продолжала, не обращая ни на что внимания, изо всех сил вслушиваться в темноту.

И она услышала... Откуда-то издали доносился звук, похожий на медленно капающую воду из крана.

«Что за черт? Я нахожусь в большой темной комнате с каменным полом и протекающим водопроводным краном... Заткнись. Не расслабляйся. Что ты ощущаешь?»

Ханна приюхалась. Но ничего не вышло, и тогда она сделала глубокий вдох носом, не обращая внимания на боль от врезавшихся в тело веревок.

«Здесь пахнет плесенью. И сыростью. Здесь пахнет сыростью и холодом».

И действительно, здесь было холодно. Прежде, охваченная паникой, Ханна не ощущала этого, но сейчас ее пальцы заледенели, а руки и ноги застыли.

«Ладно... Выходит, я нахожусь в большой темной холодильной камере с высоким потолком и каменным полом. И здесь плесень и сырость».

Это подвал? Подвал без окон?»

Но Ханна понимала, что просто обманывает себя. Всей своей кожей она ощущала давление каменной глыбы, нависающей над ней. Ее слух говорил, что монотонная капля – это звук воды, где-то далеко капающей на камень. А обоняние подсказывало, что вряд ли такое помещение может находиться в здании. Пальцы Ханны ощущали естественные неровности каменной поверхности, на которой она сидела. Ей не хотелось этому верить. Но все свидетельствовало об одном.

«Я нахожусь в каменной яме. В каменной яме... возможно, в какой-то пещере. В любом случае – под землей. И бог знает, как глубоко. Но достаточно глубоко и достаточно далеко, чтобы свет от входа не проникал сюда».

«Здесь очень глубоко», – подсказывали Ханне все ее чувства.

Она находилась в самом заброшенном месте на свете. И теперь она должна здесь умереть.

Ханна никогда не страдала клаустрофобией, но сейчас не могла освободиться от ощущения, что вся эта громада камня, окружающая ее со всех сторон, раздавит ее.

«В любую минуту все может обрушиться», – думала она, физически ощущая давление, как если бы она находилась на дне океана.

Она уже с трудом дышала.

Ханна понимала, что нужно отбросить эти мысли. Она не желала снова превращаться в перепуганное создание. Но еще страшнее смерти была мысль о том, что она может сойти здесь с ума.

«Вспомни о Тьерри. Когда он узнает, что ты исчезла, то начнет искать тебя. Ты знаешь это. И он не остановится, пока не найдет тебя.

Но к тому времени я буду мертва», – невольно подумала Ханна.

Ее страх исчез, но мысль о смерти вызвала у нее острое чувство одиночества.

«Еще одна жизнь, в которой я потеряла его... – Ханна сморгнула набежавшие слезы. – О господи!..

Это так тяжело. Так тяжело надеяться, что однажды все пойдет как надо... Но я встречу с ним снова в моей будущей жизни. И может быть, тогда я не буду настолько глупой и не поддамся на уловки Майи. Но для него все это, наверное, еще тяжелее. Ему придется ждать годами, день за днем. А я просто сплю и со временем проснусь где-нибудь. А потом однажды он придет ко мне, и я снова обо всем вспомню... и у нас все начнется сначала. Я действительно старалась сейчас сделать все, Терри! Я сделала все, что могла. Я не хотела все испортить. Обещай, что ты снова будешь искать меня. Обещай, что ты найдешь меня. Я буду ждать тебя. И неважно, сколько времени это займет».

Ханна закрыла глаза и, прислонившись к столбу, почти бессознательно прикоснулась к кольцу, которое дал ей Тьерри. Может быть, в следующей жизни она вспомнит все как есть.

Внезапно печаль словно улетучилась, и она больше не ощущала никакого страха – пожалуй, только сильную усталость.

Все еще не открывая глаз, Ханна слабо усмехнулась.

«Я совсем без сил. Вот так и мама всегда жалуется на усталость. Взять бы и выбросить сейчас это истрепанное тело и раздобыть новое...»

Мысль оборвалась и исчезла.

«Что это за шум?»

Ханна наклонилась вперед, насколько позволяла веревка, и прислушалась изо всех сил. Ей показалось, что она слышит... да, что-то слышит. И вот опять... какой-то отчетливый звук, отдающийся эхом в темноте. Он был похож на звук шагов. И он звучал все ближе.

«Да, да! Я спасена, я свободна!»

Сердце Ханны застучало так сильно, что она едва дышала, не в состоянии крикнуть. Но как только она заметила подпрыгивающее пятно света в темноте, ей удалось хрипло позвать:

– Тьерри? Эй! Я здесь!

Свет приближался. Шаги были слышны все ближе. Но ответа не последовало.

– Тьерри?.. – Голос Ханны сорвался.

Опять шаги... Свет стал гораздо ярче. Это был луч света от карманного фонаря. Ханна закрыла глаза и застыла, почти окаменев.

Луч фонаря уперся в нее. Он осветил ее лицо, ослепив глаза. Затем раздался щелчок – это включился еще один фонарь, более яркий. К Ханне возвратилось зрение, заставляя лихорадочно работать ее мозг. Но никакой радости от этого она не испытывала. Она ощутила лишь ледяной холод, и все ее тело пронизала дрожь.

Конечно, это был не Тьерри. Это была Майя.

Глава 15

– Надеюсь, я не потревожила тебя, – сказала Майя.

Она поставила на землю фонарь и черный рюкзак, а затем, подбоченившись, стала разглядывать Ханну.

«Не стану плакать. Не доставлю ей такого удовольствия», – решила Ханна.

А вслух сказала:

– Я не знала, что вампиры могут превращаться в летучих мышей.

Майя рассмеялась. В свете фонаря она выглядела красавицей. Длинные черные волосы волнами окутывали ее, ниспадая по спине до самых бедер. Кожа светилась молочно-белым оттенком, глаза были темными и загадочными, а смеющийся рот – алым.

На ней были модные джинсы и туфли из змеиной кожи на высоких каблуках. Забавно, но Ханна никогда не замечала прежде, во что Майя одета. Обычно если женщина так поразительно красива, то на ее одежду почти не обращаешь внимания.

– Не все вампиры бывают оборотнями, – ответила Майя. – К тому же я не похожа на других вампиров. Я, моя дорогая, – первый вампир. Самый первый. И должна сказать, меня от тебя уже тошнит.

«Взаимно», – подумала Ханна.

– Тогда почему ты не оставишь меня в покое? Почему ты не оставишь в покое нас с Тьерри?

– Потому, моя цыпочка, что тогда я проиграю. А я должна выиграть. – Майя в упор очень серьезно посмотрела на Ханну и тихо спросила: – Ты еще не поняла этого? Я должна выиграть, потому что иначе я потеряю слишком много. Слишком много сил я во все это вложила. Поэтому единственное, что мне нужно, – это выиграть.

У Ханны перехватило дыхание.

Она не ожидала от Майи такого ясного ответа... Но сейчас, получив его, она все поняла. Всю свою жизнь Майя посвятила тому, чтобы разлучить Ханну и Тьерри. Всю свою долгую жизнь. Тысячелетия своей жизни... И если она проиграет, ее жизнь потеряет смысл.

– Ты не знаешь, что бы еще сделать, – медленно прошептала Ханна, уже все понимая.

– Ну, пора заканчивать эту пресс-конференцию. Сама понимаешь, я могу сделать очень многое... Мне надоело играть с тобой в эти дурацкие игры.

Ханна проигнорировала эту угрозу...

– Но это ничего тебе не даст, – с искренним недоумением ответила она таким тоном, будто они с Майей обсуждали, идти ли им за покупками. – Конечно, я понимаю, что ты собираешься убить меня. Но это не поможет тебе получить Тьерри. Он просто еще больше возненавидит тебя... и он дождется, пока я вновь вернусь.

Майя опустила на колени, роясь в рюкзаке. Она взглянула на Ханну и улыбнулась – медленно и загадочно:

– Дождется?

Глядя на алые губы Майи, Ханна почувствовала, будто ее окатили ледяной водой.

– Ты знаешь, что дождется. Если ты не убьешь и его.

Губы Майи опять изогнулись в улыбке.

– Интересная мысль! Но не совсем то, что я имею в виду. Мне он нужен живым. Видишь ли, он – мой приз. Когда выигрываешь, тебе полагается приз.

Ханну продолжал сковывать холод.

– Но он будет ждать меня.

– Нет, если ты не вернешься.

"И как же ты сделаешь это. – подумала Ханна. – О господи, может, она собирается держать меня здесь живой... связанной и живой, пока мне не стукнет девяносто?"

Волна удушья охватила Ханну. Она огляделась вокруг, пытаясь представить, каково это – провести здесь всю жизнь. В этом холодном, темном, жутком месте...

Майя разразилась смехом.

– Не можешь сообразить, как это будет? Ладно, позволь тебе помочь. – Она подошла к Ханне и опустила на колени. – Посмотри сюда. Посмотри...

Она подняла овальное ручное зеркало и направила свет фонаря в лицо Ханне.

Ханна взглянула... и ахнула.

Это было ее лицо... но вместе с тем и не ее. Сразу она даже не могла определить, в чем разница... но единственное, что было ясно, – перед ней лицо Ханы. Ханы из Триречья. А потом она поняла: ее родимое пятно исчезло.

Или... почти исчезло. Ханна замечала лишь след от него, когда поворачивала голову в сторону. Но оно так побледнело, что стало почти незаметным.

«Боже мой, я стала красивой», – оцепенев, подумала Ханна.

Она была слишком изумлена, чтобы как-то гордиться этим. Но затем она поняла, что выглядит красивой совсем не потому, что пятно исчезло.

Даже при искусственном освещении в свете фонаря было видно, какой она стала бледной. Почти прозрачная кожа приобрела кремовый оттенок. Ее глаза стали больше и ярче, а рот – нежнее и чувственнее. Во всем ее облике появилось что-то такое...

«Я выгляжу как Поппи, – подумала Ханна. – Как Поппи, медноволосая девушка-вампир».

Онемев, Ханна взглянула на Майю. Алые губы Майи растянулись в улыбке.

– Да. Я изменила твою кровь, когда поймала тебя прошлой ночью. Поэтому ты и проспала так долго... Возможно, ты не ощущаешь этого, но сейчас уже полдень. И перерождение уже началось. Думаю, еще одно изменение... может быть, два... Но я не хочу торопиться. Не хочу, чтобы ты умерла прежде, чем превратишься вампира.

У Ханны закружилась голова. Она без сил откинулась назад к столбу и удивленно смотрела на Майю.

– Но почему? – почти умоляюще прошептала она. – Зачем ты хочешь превратить меня в вампира?

Майя встала. Она подошла к рюкзаку и аккуратно засунула в него зеркало. А затем вытащила что-то еще... что-то настолько длинное, что оно не помещалось в рюкзаке и торчало из него. Она показала это Ханне.

Палка. Черная деревянная палка, наподобие копья, приблизительно такой же длины, как рука Майи. С хорошо заостренным концом.

– Вампиры не возвращаются, – сказала Майя.

Ханна услышала дикий, нечеловеческий хохот.

Теперь она все время пыталась набрать побольше воздуха. Она боялась, что сейчас потеряет сознание или ее стошнит.

– Вампиры... не...

– Не правда ли, занятная мелочь? Должна признать, я не совсем понимаю логику, но вампиры не перевоплощаются, даже если они и Древние Души. Они просто умирают. Я слышала, что, когда превращаешься в вампира, теряешь душу. Впрочем, не знаю... Как ты думаешь, у Тьерри есть душа?

Смерть... Она могла это принять. Но умереть навсегда, навсегда уйти... Что, если вампиры даже не попадают куда-нибудь в другое место... в какой-то загробный мир? Что, если они просто исчезают навсегда?

Ничего более ужасного Ханна не могла себе представить.

– Я не позволю тебе... – прошептала она. Голос ее был хриплым и срывающимся. – Я не...

– Но ты не можешь остановить меня. – Майю явно все это забавляло. – Это пеньковая веревка. Она удержит тебя, когда ты станешь вампиром, так же прочно, как и сейчас. Ты беспомощна, бедная малышка. Ты не можешь помешать мне. – И с видом полного довольства собой Майя добавила: – Наконец-то я нашла способ разорвать круг!

Она оставила свой рюкзак и снова опустилась на колени перед Ханной. Сейчас, когда ее красные губы раскрылись, Ханна увидела длинные острые зубы.

Она сопротивлялась. Даже понимая, что это бесполезно, она делала все, что в ее силах, и отчаянно пыталась отбиваться ногами. Но это ничего не дало. Майя была намного сильнее. В считанные минуты она прижала обе руки Ханны к столбу и повернула ее голову, обнажив шею.

Теперь Ханна поняла, почему в тот раз Майя заставила ее пить кровь вампира. Это было не просто бездумной жестокостью. Это была часть ее замысла.

«Ты не сделаешь это со мной. Ты не сможешь. Ты не сможешь убить мою душу...»

– Ну как, готова? – услышала Ханна слова, произнесенные с каким-то присвистом.

И тут же ощутила прикосновение зубов.

Она снова боролась, вырываясь, как газель из пасти львицы. Но бесполезно. Из Ханны против ее воли высасывали кровь, и это было невероятно больно. Ханна ощущала, как Майя

пьет ее кровь жадными глотками.

«Я не хочу этого...»

Наконец острая боль стихла и стала тупой и ноющей. Ханна была словно в тумане, все ее тело онемело. Майя заставила ее изменить положение, откинув голову Ханны назад и прижав свое запястье к ее рту.

«Не буду пить... Лучше захлебнусь. По крайней мере, я умру прежде, чем стану вампиром».

Но Ханна поняла, что не так легко заставить себя умереть от удушья. В конце концов, задохнувшись, она стала глотать кровь Майи.

Майя просто ждала.

– Ну вот. – Вздохнув, она снова посветила фонарем в лицо Ханны. – Да. – Она осмотрела ее деловито, как хозяйка – индюшку, запекающуюся в печи. – Да, все идет как надо. Еще один раз – и все будет кончено. Ты станешь вампиром... если мы не потеряли слишком много времени после первого изменения.

– Тьерри убьет тебя, когда узнает, – прошептала Ханна.

– И нарушит свое священное обещание? Я так не думаю, – улыбнулась Майя и, снова поднявшись на ноги, начала возиться с рюкзаком. – Конечно, всего этого не случилось бы, если бы он не нарушил своего обещания мне, – сухо добавила она. – Он сказал, что ты никогда больше не станешь между нами. Но не успела я оглянуться – а ты тут как тут! Слоняешься по его дому как ни в чем не бывало. Ему следовало быть осторожнее.

Ханна с недоумением уставилась на нее:

– Он даже не знал, что я пришла туда! Майя... ты что, не понимаешь? Он не знал...

Майя лишь отмахнулась от нее.

– Не думай, что я поверю хоть одному твоему слову. – Она выпрямилась, посмотрела на Ханну и, вздохнув, выключила фонарь и взяла ручной фонарик. – Боюсь, мне придется оставить тебя на время. Я вернусь вечером и закончу эту работенку. Не беспокойся, я не опоздаю... кроме того, меня поджимают сроки. Ведь завтра твой день рождения.

– Майя... – «Я должна удержать ее, – думала Ханна. – Нужно заставить ее понять, что Тьерри не нарушал обещания».

Она пыталась отогнать от себя те мысли, которые заставляли ее холодеть. А что, если Тьерри говорил обо всем Майе серьезно? Что, если он действительно останется с Майей, если Ханны больше не будет между ними?

– Мне некогда, пора бежать, – бросила Майя, вновь расхохотавшись, как от удачной шутки. – Надеюсь, ты не будешь скучать. Кстати, я бы не слишком раскачивала этот столб. Здесь заброшенный серебряный рудник, и все может обрушиться в любой момент.

– Майя...

– Увидимся позже.

Майя подхватила рюкзак и ушла.

Она не обращала внимания на крики, и Ханна в конце концов затихла, когда уже не стал виден луч фонаря.

Ее снова окружила тьма. Опустошенная эмоционально и физически после того, что сделала с ней Майя, она чувствовала страшную слабость. Ее тошнило, лихорадило, она ощущала зуд, будто под кожей медленно проклеивались какие-то ростки.

И она была одна.

Ханна уже почти, почти что начала снова поддаваться панике. Но она боялась, что если сейчас потеряет контроль над собой, то уже никогда не возьмет себя в руки.

«Время! Именно это! У тебя есть немного времени. Она не вернется до вечера... Итак, приди в себя и используй время, которое у тебя есть. Но здесь так темно... Погоди... Она взяла с собой фонарь? Она его выключила, но взяла ли с собой?»

Крайне осторожно Ханна пошарила вокруг себя руками. Ничего... но дотянуться дальше она не могла из-за веревок.

«Ладно. Попробуй ногами. Осторожно. Если ты оттолкнешь его – все пропало».

Ханна подняла одну ногу и начала потихоньку опускать ступню к земле, ощущая пространство вокруг себя медленными движениями. На третий раз ее ступня что-то задела, и

оно перевернулось.

«Фонарь! Теперь подтолкни его к себе. Осторожно. Аккуратно. Ближе... еще чуть-чуть... поближе к себе... Есть!»

Ханна протянула руку и схватила фонарь, держа его бережно двумя руками.

«Только не урони... найди выключатель».

Пещера озарилась светом.

Ханна поцеловала фонарь. Она действительно его поцеловала. Это был обычный туристический фонарь на батарейках, с люминесцентной лампой, но ей казалось, что она держит в руках чудо.

«Ладно. Теперь осмотришь. Что ты можешь сделать, чтобы помочь себе?»

Но когда Ханна огляделась, у нее заныло сердце. Пещера, в которой она находилась, была неправильной формы, с шероховатыми стенами и выступающими каменными плитами. Старый серебряный рудник, как сказала Майя. Значит, это место давно заброшено людьми.

По одну сторону от себя Ханна видела столбы, такие же, как тот, к которому она была привязана. Похоже, они служили опорой для стен.

«Благодаря этим опорам рудокопы, наверное, могли добираться в глубь рудника, – рассеянно подумала Ханна. – А может, они поддерживают свод... или и то и другое».

И эти столбы неустойчивы.

В крайнем случае она просто постарается изо всех сил, чтобы все это рухнуло. А затем будет молиться, чтобы быстрее умереть. Ну а пока она продолжала осматриваться.

Стена, находившаяся справа от нее, – единственная, которую она могла видеть в пятне света, – была удивительно разноцветной. Даже красивой. Не обычный грубый темно-серый камень, а светло-серый камень с прожилками молочно-белого и бледно-розового кварца.

«Серебро иногда встречается в кварцевой породе, – подумала Ханна. Она знала об этом от маминых друзей, палеонтологов. – Но какая мне от этого польза? Это красиво, но бесполезно».

К ней вновь стал подкрадываться панический страх. У нее есть свет. Ну и что? Она может видеть, но у нее нет ничего, что могло бы помочь.

«Но ведь что-то здесь должно быть! Камни... Только камни, и это все... – Ханна передвинулась: один из камней вдавился ей в бедро. – Может быть, я смогу забросать ее камнями... Нет, не камни... Кварц!»

Внезапно все тело Ханны пронизала дрожь. Ее будто ударило током, и она замерла.

«У меня есть кварц!»

Трясущимися руками она поставила фонарь на землю и потянулась за неровным осколком камня, который валялся недалеко. На ее глаза навернулись слезы. Это была кварцевая друза – кристалл прекрасной структуры, пригодный для обработки.

«Я знаю, как сделать из него оружие».

Конечно, Ханна никогда не изготавливала кварцевых орудий в своей жизни. Но Хана из Триречья занималась этим все время. Она делала ножи, скребки, сверла... и ручные топоры. С кремнем работать было легче: его фактура была более однородной. Но кварц был прекрасен...

«Мои руки помнят, как это делать...»

Ладно. Успокойся. Прежде всего найди еще один подходящий камень».

Это оказалось совсем просто. Повсюду вокруг нее валялось столько камней. Ханна подняла один, слегка закругленный, и взвесила его в руке: «Этот подойдет».

Подтянув к себе ногу, она положила кусок кварца перед собой и принялась за работу. Впрочем, ручной топор ей был не нужен. Как только она отколола несколько достаточно длинных пластин с острыми краями, она начала пилить ими веревку. Пластины были с неровными, но с острыми, как осколки стекла, зазубринами и хорошо резали пенку.

Это заняло много времени. Ханне еще дважды приходилось откалывать пластины, когда старые затуплялись. Но она упорно продолжала работать, пока наконец не сдернула один виток веревки, затем еще и еще один. Когда Ханне удалось избавиться от остатков веревки, она почти вскрикнула от радости:

– Свободна! Я сделала это! Я сделала!

Вскочив на ноги, забыв о слабости и о том, что ее продолжало лихорадить, она, танцуя, прошла по пещере. Потом она подбежала к своему драгоценному фонарю и схватила его.

«Все... теперь я выберусь отсюда!»

Но это оказалось не так легко.

Некоторое время ушло на то, чтобы понять, что делать дальше. Затем она направилась к выходу тем же путем, что и Майя. Ханна шла бесконечными извилистыми коридорами, иногда настолько узкими и низкими, что едва протискивалась в них. Каменные стены были холодными... и влажными.

Несколько раз она попадала в галереи, оканчивающиеся тупиком. И лишь когда Ханна добралась до конца основного коридора, она поняла, как Майя попала сюда.

Ханна стояла в самом низу вертикальной шахты, уходившей вверх, возможно, на сотни футов. Там, в самом верху, Ханна могла различить красноватый солнечный свет.

Шахта походила на гигантский дымоход, разве что стены отстояли дальше друг от друга и были настолько гладкими, что за них невозможно было зацепиться.

«Отсюда никак не выбраться. Наверное, когда рудник работал, здесь было что-то вроде подъемника», – оцепенев, подумала Ханна.

Она плохо чувствовала себя и была очень расстроена. Даже не верилось, что все ее труды пошли прахом.

Она отчаянно стала кричать, глядя вверх, на такой недостижимый прямоугольник солнечного света. Но когда она охрипла настолько, что почти уже не слышала своего голоса, то поняла, что кричать бесполезно.

«Никто тебе не поможет. Что ж... Значит, ты должна помочь себе сама.

Но все, что у меня есть здесь, – это камни... Нет! Нет, сейчас я свободна. Я могу передвигаться. И могу добраться до опор. У меня есть камни... и дерево».

На мгновение Ханна замерла, а затем помчалась вниз по коридору, прижав фонарь к груди.

Добравшись до пещеры, она с волнением осмотрела опоры.

«Да. Некоторые из них вполне подходят. Дерево старое, но крепкое. С ним можно работать».

На этот раз она смастерила треугольный каменный топор, особое внимание уделив лезвию – прямому, тонкому и острому. Топор получился достаточно тяжелым и удобно лежал в руке. Ханна могла гордиться собой.

Затем она отрубила топором кусок дерева от скрипящей старой стойки. Она негромко насвистывала, но сердце ее замирало от страха, что все сооружение в любой момент может рухнуть ей на голову.

Она обтесала этот кусок дерева, придав ему округлую форму, и у нее получилась палка толщиной в палец и такой же длины, как ее предплечье. Потом она быстро сделала кварцевый скребок, чтобы придать палке правильную форму.

И наконец, осколком кварца она остро заточила один конец палки, а чтобы окончательно отполировать и заострить его, несколько раз провела им по шершавой каменной стене.

Оружие было готово, и Ханна любовалась им.

Теперь у нее был кол. Очень хороший деревянный кол.

Это будет сюрприз для Майи.

Ханна села, выключила фонарь, чтобы сохранить батарею, и стала ждать.

Глава 16

Прошло много времени, прежде чем Ханна снова услышала звук шагов.

Пока длилось ожидание, она пыталась отвлечься, беззвучно напевая разные песенки и вспоминая тех, кого любит.

Мама. Ее мама сейчас даже не скучает по ней, ведь она не знает, что Ханна уехала. Но завтра... Завтра – первое мая, день рождения Ханны, и Чесс отдаст ее маме письмо...

Чесс! Конечно же, Чесс. Ханне было жаль сейчас, что она не провела с ней больше времени перед расставанием, что не объяснила ей все подробнее. Чесс пришла бы в восторг от ее рассказа. Кроме того, она имеет право знать, что у нее тоже Древняя Душа.

Пол Уинфилд. Странно... Она знакома с ним всего неделю. Но он пытался помочь ей. И

сейчас он знает о Ханне Сноу больше, чем кто-либо другой в ее городе.

«Надеюсь, он не начнет снова курить, когда узнает о моей смерти».

Ведь похоже, что ее жизнь подходит к концу. Ханна не испытывала иллюзий на этот счет. У нее было оружие, но у Майи оно тоже было, и Майя гораздо быстрее и сильнее ее. Она не была бы достойным противником Майи даже при более выгодных обстоятельствах, а тем более сейчас, когда у нее совсем не осталось сил. Самое большое, на что Ханна может надеяться, – это вынудить Майю убить ее, пока она еще остается человеком.

Ханна вспомнила о членах Рассветного Круга. Они все такие хорошие. И очень жаль, что она уже не сможет узнать их поближе, помочь им. Они занимались таким важным делом, и Ханна инстинктивно чувствовала, что все это необходимо именно сейчас.

Она подумала о Тьерри.

«Наверное, ему опять придется отправиться в странствия. Как это грустно! У него была не слишком счастливая жизнь. А ведь я уже надеялась, что смогу сделать так, чтобы в его глазах больше не было этой печали...»

Когда Ханна наконец услышала шум, то подумала, что это ей кажется. Она замерла.

«Нет. Это действительно шаги. И они приближаются. Это пришла Майя».

Ханна приготовилась. Она заняла позицию у самого входа в пещеру, глубоко вздохнула и припала к земле. Она вытерла вспотевшую правую ладонь о джинсы и покрепче сжала ею деревянный кол.

Она знала, что Майя должна направить луч фонаря к столбу, где привязана Ханна, а затем может сделать несколько шагов в глубь пещеры, пытаясь выяснить, что происходит.

«И тогда дело за мной. Я незаметно зайду ей за спину, прыгну, ударю, и кол пронзит ее. Но чтобы все получилось, нужно сделать это очень быстро».

Когда у входа в пещеру появился свет, Ханна затаила дыхание. Только бы Майя не услышала ее!

«Спокойно... Спокойно...»

Свет приближался. Ханна, не двигаясь, наблюдала за ним. Но что это? Она увидела не острый, точно направленный луч карманного фонарика, а большое пятно рассеянного света походного фонаря.

Она принесла еще один фонарь! Это означало...

Майя вошла в пещеру. Она вошла быстро и прошла мимо Ханны. Она еще не осветила фонарем столб. И она не казалась обеспокоенной... до нее еще явно не дошло, что Ханна там нет.

Ханна мысленно выругалась. Майя уже ушла слишком далеко... почти исчезла из виду.

«Вставай!»

План Ханны рушился. Она привстала и замерла, услышав, как щелкнули ее коленные суставы, – громко, будто прозвучал ружейный выстрел.

Но Майя продолжала идти не останавливаясь. Она была уже почти у самого столба.

Ханна двинулась за ней, стараясь шагать как можно тише. Майе стоило всего лишь обернуться, чтобы увидеть ее... Но она уже подошла к столбу. И остановилась, оглядываясь по сторонам.

Ханна находилась уже прямо за ее спиной.

Сейчас!

Именно сейчас – нужный момент. Мышцы Ханны сами знали, как нанести удар, как распределить вес тела, чтобы деревянный кол вонзился Майе под левую лопатку. Ханна знала, как это сделать...

Но она не могла.

Она не могла нанести удар в спину. Нанести этот удар тому, кто ничем не угрожал ей в данный момент, кто даже не подозревал, что находится в опасности.

«О господи! Не будь дурой! Сделай это!»

«О Богиня! – эхом отозвался голос в ее голове. – Ты же не убийца. Ведь это даже не самозащита!»

Ханна была в смятении, почти в истерике. Она услышала собственные всхлипывания... Она плакала.

Рука ее опустилась, мышцы расслабились. Она не сделала этого! Она не смогла...

Майя медленно обернулась.

В свете фонаря она выглядела красиво и жутко. Оглядев Ханну с ног до головы, она особенно внимательно посмотрела на опущенный деревянный кол. А затем взглянула Ханне в лицо.

– Ты очень странная девушка, – почти с искренним недоумением проговорила она. – Почему ты не сделала этого? Тебе хватило ловкости, чтобы освободиться и сделать себе оружие. Так почему же у тебя не хватило мужества довести все до конца?

Именно об этом Ханна тоже спрашивала себя, только в более резких выражениях.

«Теперь я умру, – подумала она. – И может быть, навсегда – потому что у меня нет мужества. Потому что я не могу убить того, кто является абсолютным злом и кто окончательно решил убить Меня. Это вовсе не высокая мораль. Это глупость».

– Думаю, это последствие египетского храмового воспитания, – заметила Майя. – Или, может, той жизни, когда ты была буддисткой... ты помнишь это? А может быть, ты просто слабая.

«Просто жертва. Я прожила несколько тысячелетий, будучи жертвой – твоей жертвой. Думаю, сейчас я доиграла свою роль».

– Ну ладно. На самом деле все это неважно. Все приходит в конце концов к одному и тому же. В общем, так. Давай покончим с этим.

Тяжело дыша, Ханна не отрываясь глядела на нее, будто кролик, ослепленный автомобильными фарами.

Никто не должен вести себя как жертва. Каждое создание имеет право бороться за свою жизнь.

Но Ханна больше не могла заставить себя даже пошевелиться. Она слишком устала. У нее все болело – от головы до кончиков пальцев рук и разбитых, израненных ног.

Майя улыбалась, удерживая взгляд Ханны, и глаза ее меняли цвет – от голубого оттенка ляпис-лазури до льдисто-зеленого.

– Будь хорошей девочкой, – тихо и завораживающе пропела она.

«Я не хочу быть хорошей девочкой...»

Майя протянула к ней свои длинные руки.

– Не прикасайся к ней! – прозвучал голос Тьерри со стороны входа в пещеру.

Ханна резко повернула голову – туда, где у противоположного конца пещеры появилось новое пятно света. В первые секунды ей показалось, что у нее галлюцинация.

Но это действительно был Тьерри. Он стоял там с фонарем в руках – высокий, напрягшийся, как сжатая пружина... как хищник, приготовившийся к прыжку.

Но он находился слишком далеко. А Майя была очень проворной. И прежде чем Ханна поняла, что происходит, Майя уже ринулась к ней. Всего один молниеносный шаг – и она оказалась позади Ханны, сжав руками ее горло.

– Не двигайся! – приказала она Тьерри. – Или я сверну ее хрупкую шейку.

Ханна не сомневалась, что именно так все и будет. Она ощущала железную хватку рук Майи. Эта вампирша не нуждалась в оружии.

Тьерри поставил фонарь на землю и поднял руки.

– Хорошо, – спокойно произнес он.

– И скажи, чтобы все, кого ты привел в этот туннель, убрались прочь. Все – вон отсюда! Если увижу хоть кого-нибудь, убью ее.

Не поворачиваясь, Тьерри крикнул:

– Возвращайтесь к выходу! Все до единого! – А потом взглянул на Ханну: – Ты в порядке?

Ханна не могла кивнуть. Майя так крепко сжала ее шею, что она едва вымолвила:

– Да.

Но она могла смотреть на него, и он мог видеть ее глаза.

Сейчас она знала, что все ее опасения, будто Тьерри не захочет больше ее видеть, беспочвенны. Он любил ее. Впервые она видела перед собой человека, лицо которого так открыто выражало любовь и заботу.

Более того, они понимали друг друга без слов. Всем недоразумениям и недоверию наступил конец. Возможно, впервые с того времени, когда она была Ханой из Триречья, Ханна сейчас безоговорочно доверяла ему.

Между ними была полная гармония.

И никто из них не хотел, чтобы смерть разрушила все.

Оторвав наконец взгляд от Ханны, Тьерри посмотрел на Майю:

– Все кончено. Ты должна это понять. Здесь, внизу, со мной двадцать человек, и еще двадцать ожидают наверху. – А затем неторопливо добавил более тихим голосом: – Но даю тебе слово, что ты можешь выйти отсюда прямо сейчас, Майя. Никто тебя не тронет. Все, что ты должна сделать, – это отпустить Ханну.

– Вместе... – сказала Ханна и закашлялась: Майя сильнее сжала ее горло. Затем с трудом вздохнула и закончила: – Мы уйдем отсюда вместе, Тьерри.

Он кивнул, взглянул на Майю и протянул к ней руку, словно пытаясь убедить испуганного ребенка.

– Просто отпусти ее, – тихо повторил он.

Майя засмеялась.

У Ханны даже мурашки поползли по коже. Смех звучал неестественно, ни один нормальный человек не мог так смеяться.

– Но тогда я не выиграю, – почти весело возразила она.

– Ты в любом случае проиграешь, – спокойно ответил Тьерри. – Даже если ты убьешь ее, она будет жить...

– Не будет, если я вначале превращу ее в вампира, – прервала его Майя.

Но Тьерри покачал головой:

– Не в этом дело. – В его голосе, по-прежнему спокойном, сейчас появилась абсолютная уверенность, какая-то глубокая внутренняя убежденность. – Если ты убьешь ее, она все равно будет жить... здесь. – Тьерри ударил себя в грудь. – В моем сердце. Она всегда здесь. Она – часть меня самого. И пока ты не убьешь меня, ты не сможешь по-настоящему убить ее. И ты не сможешь выиграть. Все очень просто.

Наступило молчание. У Ханны сжималось сердце от любви к Тьерри, а глаза были полны слез.

Она слышала прерывистое дыхание Майи. И ей показалось, что хватка рук Майи едва заметно ослабла.

– Я могу убить вас обоих, – наконец с раздражением произнесла Майя.

Тьерри просто пожал плечами – этот жест сейчас выражал скорее сожаление.

– Но как ты можешь выиграть, если те, кого ты ненавидишь, не увидят твоей победы?

Это прозвучало безумно... но это была правда. Ханна почувствовала, как его слова ударили Майю, будто метко попавшее в цель копьё. Если Майя не получит Тьерри в качестве приза, если она не сможет хотя бы заставить его страдать, то какой во всем смысл? В чем победа?

– Давай разорвем этот круг прямо сейчас, – негромко произнес Тьерри. – Отпусти ее.

Его мягкий голос звучал так убедительно и в нем чувствовалась такая усталость, что Ханна не понимала, как можно отказать ему. И все же она удивилась тому, что затем произошло.

Медленно, очень медленно руки, державшие ее шею, разжались. Майя отступила назад.

Ханна глубоко вздохнула. Ей хотелось побежать к Тьерри, но она боялась сделать хоть какое-нибудь движение, которое могло бы нарушить установившееся сейчас хрупкое равновесие. К тому же у нее дрожали колени.

Майя обошла ее вокруг, держась на расстоянии одного-двух шагов и не спуская глаз с Тьерри.

– Я любила тебя. – Ханна впервые услышала, как задрожал голос Майи. – Почему же ты не понял этого?

Тьерри покачал головой:

– Потому что это неправда. Ты никогда не любила меня. Ты просто хотела меня. И именно потому, что не могла меня получить.

Тьерри и Майя стояли, молча глядя друг на друга.

«Они молчат не потому, что хорошо понимают друг друга без слов, – подумала Ханна, – а потому, что они никогда не понимали друг друга. Им нечего друг другу сказать».

Молчание становилось все тягостней... и Майя сникла. Не то чтобы это полностью сразило ее, но она пала духом. Ханна видела, как жизнь оставляет ее... как покидает ее надежда. Как уходит энергия, которая питала ее тысячелетиями. Все это порождалось потребностью выиграть... а сейчас она поняла, что проиграла.

Она потерпела поражение.

– Пойдем, Ханна, – мягко сказал Тьерри. – Пойдем.

Он повернулся и крикнул тем, кто находился в туннеле:

– Освободите путь! Мы выходим.

Но именно тут все и произошло.

Майя тяжело оседала, опустив голову и глядя в землю. Или... на свой рюкзак.

И сейчас, когда Тьерри повернулся, она быстро взглянула на него и метнулась в змеином броске. Выхватив из рюкзака свою черную палку и держа ее горизонтально, она отвела руку назад.

Ханна мгновенно узнала эту позу. Ведь Хана из Триречья часто видела, как охотники бросают копьё.

– Игра окончена, – прошипела Майя.

У Ханны была доля секунды, чтобы действовать... и ни мгновения для размышления. Единственное, что она успела подумать, это – «нет!».

Стремительно рванувшись к Майе, Ханна сделала выпад и первая ударила ее своим деревянным копьём. Она вложила в этот удар все силы, весь вес своего тела. Острие вошло Майе точно под лопатку. Она пошатнулась, теряя равновесие. Черная палка покатилась, подпрыгивая, по неровному каменному полу.

Ханна тоже потеряла равновесие и стала оседать на землю. Майя продолжала падать. Казалось, все происходит, как при замедленной киносъемке.

«Я убила ее».

Радости победы при этой мысли Ханна не ощущала. Было лишь спокойствие от осознания свершившегося факта.

Потом замедленное движение киноплёнки закончилось, и Ханна ощутила то, что ощущает человек, с удивлением обнаруживший, что упал и лежит на земле. Только лежала она не на земле, а на Майе, из спины которой торчал деревянный кол.

В первое мгновение у Ханны мелькнула дикая мысль, что нужно найти врача. Никогда в своей жизни ей не приходилось видеть такой страшной раны. Из спины Майи текла кровь, кол вошел очень глубоко. Дерево проткнуло тело вампира будто острый стилет, пронзающий человеческую плоть.

Тьерри опустился на колени рядом с Майей и отодвинул Ханну от распростертого тела – будто ей все еще угрожала опасность. Ханна потянулась к нему, и их руки встретились. Она крепко держала его за руку, чувствуя прилив тепла и покоя.

Затем Тьерри осторожно перевернул Майю на бок. Волосы упали черным водопадом на ее бледное как мел лицо, а глаза были широко открыты. Но она смеялась.

Майя смеялась!

Она глядела на Ханну и смеялась. Хриплым голосом она выдохнула:

– Все-таки... у тебя есть мужество.

Ханна прошептала:

– Мы можем что-нибудь сделать для нее?

Тьерри покачал головой.

То, что произошло затем, было ужасно. Смех Майи стал булькающим. Из уголка ее рта показалась струйка крови. По телу прошла судорога, и взгляд Майи остановился. Она застыла неподвижно.

У Ханны перехватило дыхание.

«Она умерла... Я убила ее. Я убила... Каждое существо имеет право бороться за свою жизнь... и любовь».

– Круг разорван, – тихо сказал Тьерри.

Он отпустил плечо Майи, и ее тело тяжело упало на землю. Сейчас оно казалось меньше, стало каким-то сморщенным. Через мгновение Ханна поняла, что это не иллюзия. С Майей происходило то же, что происходит с вампирами в кино. Ее мышцы и плоть съеживались и ссыхались. Тело будто проваливалось внутрь себя, сплющивалось – оно как бы таяло и одновременно затвердевало. Кожа становилась желтой и жесткой, под ней прорисовывались сухожилия.

В конце концов Майя превратилась просто в кожаный мешок с костями.

Ханна нервно сглотнула и закрыла глаза.

– Ты в порядке? Дай я взгляну на тебя. – Тьерри обнял ее, внимательно разглядывая. Когда Ханна встретилась с ним глазами, он посмотрел на нее долгим испытующим взглядом и повторил вопрос, теперь уже подразумевая совсем другое: – Ты в порядке?

Ханна поняла. Она посмотрела на Майю, а затем опять на Тьерри и медленно проговорила:

– Я вовсе не горжусь этим. Но и не жалею. Просто... это нужно было сделать. – Она немного подумала и произнесла, четко выговаривая каждое слово: – Я... навсегда... отказываюсь... быть жертвой.

Тьерри еще крепче прижал ее к себе:

– Я горжусь тобой. – А затем добавил: – Пойдем. Нужно отвести тебя к целителю.

И они отправились назад узким коридором, который больше не был таким темным: люди Тьерри расставили фонари через каждые несколько шагов. В конце коридора из помещения с вертикальной штольной их подняли на поверхность с помощью каната и системы блоков.

Наверху их ждали Люпа, Нильсон и вся «группа ЦРУ». Здесь же были и Рагель с Квином. «Бойцы», – подумала Ханна.

Все окликали ее, смеялись и хлопали по плечу.

– Все кончено, – коротко сказал Тьерри. – Она умерла.

Все посмотрели на него, а потом на Ханну. Они все поняли. И вновь стали одобрительно восклицать и обнимать Ханну. А она больше не чувствовала себя Золушкой, сейчас она ощущала себя Элли, которая убила Бастинду. И ей это совсем не понравилось.

Люпа тронула ее за плечо и взволнованно спросила:

– Ты хоть понимаешь, что сделала?

– Да, – ответила Ханна. – Но я больше не хочу сейчас об этом думать.

До тех пор, пока ее не подняли наверх, ей не приходило в голову спросить Тьерри, как же ему удалось разыскать ее. Она стояла на вершине неприметного склона горы, где поблизости не было никаких построек, никаких ориентиров. Майя нашла очень хорошее логово.

– Один из слуг продал ее, – сказал Тьерри. – Он добрался до моего дома приблизительно в одно время со мной и сказал, что может продать информацию. Это вервольф, которому не нравилось, как она обращается с ним.

«Может, это тот вервольф с черной шерстью?» – подумала Ханна.

Ей захотелось оставить все вопросы на потом.

– Домой, сэр? – спросил слегка запыхавшийся Нильсон.

Он только что поднялся из шахты.

Тьерри взглянул на него, засмеялся и стал помогать Ханне спускаться по склону:

– Правильно, Нильсон. Домой.

– Мне нужно позвонить маме, – сказала Ханна.

Тьерри кивнул.

– Но, может, ты подождешь, пока она проснется? Еще не рассвело.

Они находились в доме Тьерри, в изысканной спальне с позолоченными стенами, отливающими мягким блеском. За окном едва начало светать.

Было так хорошо отдыхать, избавившись от постоянного страха и напряжения, и Ханна чувствовала, как расслабляется ее измученное тело. Так замечательно было ощущать себя живой. Словно она заново родилась и воспринимала мир, глядя на все широко открытыми глазами. Любая малость – чашка горячего кофе, огонь в камине – казалась такой прекрасной.

И как хорошо быть вместе с Тьерри!

Он сидел на кровати, держа Ханну за руку, и не сводил с нее глаз, будто не мог поверить, что она действительно рядом.

Целитель приходил и уже ушел, и теперь они были только вдвоем. Они сидели молча, не нуждались в словах, и глядели друг другу в глаза. А потом потянулись друг к другу и обнялись. Они отдыхали друг у друга в объятиях, как уставшие путники.

Ханна наклонилась, подставив лоб для поцелуя Тьерри.

«Все закончилось, – подумала она. – Я была права, когда говорила Полу, что наступает апокалипсис... но все закончилось».

Тьерри поцеловал прядь волос, упавших ей на лоб. А затем заговорил, но не вслух, а мысленно. И как только Ханна услышала его, она поняла, что Тьерри пытается сказать ей что-то серьезное и важное.

Знаешь, ты была очень близка к тому, чтобы превратиться в вампира. Теперь ты будешь болеть несколько дней, пока твоё тело не станет опять полностью человеческим.

Ханна кивнула, не поднимая головы. Целитель уже говорил ей об этом. Но она чувствовала сейчас, что Тьерри еще не сказал ей всего, что хотел. *И... ну, в общем, у тебя еще есть выбор.*

Наступило молчание. А потом Ханна подняла голову и взглянула на Тьерри:

– Что ты имеешь в виду?

Он глубоко вздохнул и ответил вслух:

– Я имею в виду, что ты еще можешь стать вампиром. Ты сейчас на самой грани. И если хочешь, мы можем закончить твоё превращение.

Теперь уже глубоко вздохнула Ханна. Прежде она не думала об этом... но сейчас задумалась. Стать вампиром! Это значит – обрести бессмертие... И она сможет оставаться с Тьерри вечно – кто знает, сколько тысячелетий... Она станет сильнее и быстрее, чем человек, приобретет телепатические способности.

И физическое совершенство.

Рука Ханны непроизвольно потянулась к левой щеке, к родимому пятну. Врачи не сумели устранить его. Но оно исчезнет, если она превратится в вампира...

Она посмотрела Тьерри прямо в глаза:

– Ты этого хочешь? Чтобы я стала вампиром?

Он тоже глядел на ее щеку. А затем встретился с ней глазами:

– Я хочу того, чего хочешь ты. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Все остальное для меня неважно.

Ханна опустила руку.

– Тогда, – очень тихо произнесла она, – если ты не возражаешь, я хочу остаться человеком. Мне безразлично это мое пятно. Это просто... часть меня самой. Оно не вызывает у меня никаких плохих воспоминаний. – И через минуту добавила: – Думаю, все люди несовершенны.

Ханна увидела слезы на глазах у Тьерри. Он нежно взял ее руку и поцеловал. Он ничего не сказал, но что-то в выражении его лица заставило сжаться горло Ханны и наполнило ее сердце любовью.

Тьерри обнял ее. И Ханна была счастлива. Так счастлива, что заплакала.

Рядом с ней был ее товарищ... ее партнер... Тот, кто для нее священен. Тот, кто всегда будет находиться поблизости, помогать ей, поддерживать, когда она будет оступаться. Тот, кто будет охранять ее, неотступно следуя за нею, и выслушивать. Любить даже со всеми ее глупостями. Понимать без слов. Тот, кому открыт доступ в самые сокровенные глубины ее памяти.

Ее духовный супруг.

«Теперь все будет хорошо», – подумала Ханна.

Внезапно перед ней вновь возник коридор времени, но на этот раз она смотрела не назад, а вперед.

Она видела, что закончит колледж и станет палеонтологом. И вместе с Тьерри они будут работать с Рассветным Кругом и просыпающейся Древней Силой. Они будут счастливы и

станут помогать миру пройти через те огромные изменения, которые наступают.

И печаль уйдет из глаз Тьерри.

Они будут любить и узнавать друг друга, учиться и исследовать. И Ханна будет расти и взрослеть, а Тьерри будет всегда продолжать любить ее. И однажды, как и любой человек, она вернется к Матери-Земле – как волна возвращается в океан. Тьерри будет горевать о ней... и ждать, когда она вернется вновь.

А затем все у них начнется заново.

Даже одной жизни, прожитой с ним, достаточно, но Ханна чувствовала, что их будет много. И всегда их ожидает встреча с чем-то новым, чему нужно будет учиться.

Тьерри шевельнулся, и Ханна ощутила его теплое дыхание на своих волосах.

– Чуть не забыл, – прошептал он. – Ведь тебе сегодня семнадцать. Поздравляю!

«Верно... – вспомнила Ханна. Она посмотрела в окно: небо уже розовело. Удивительное чувство переполнило ее: она встречала рассвет своего семнадцатилетия... и это случилось впервые. – Я изменила свою судьбу!»

– Я люблю тебя, – прошептала она Тьерри.

А потом они сидели вместе, держась за руки, а комната наполнялась светом.